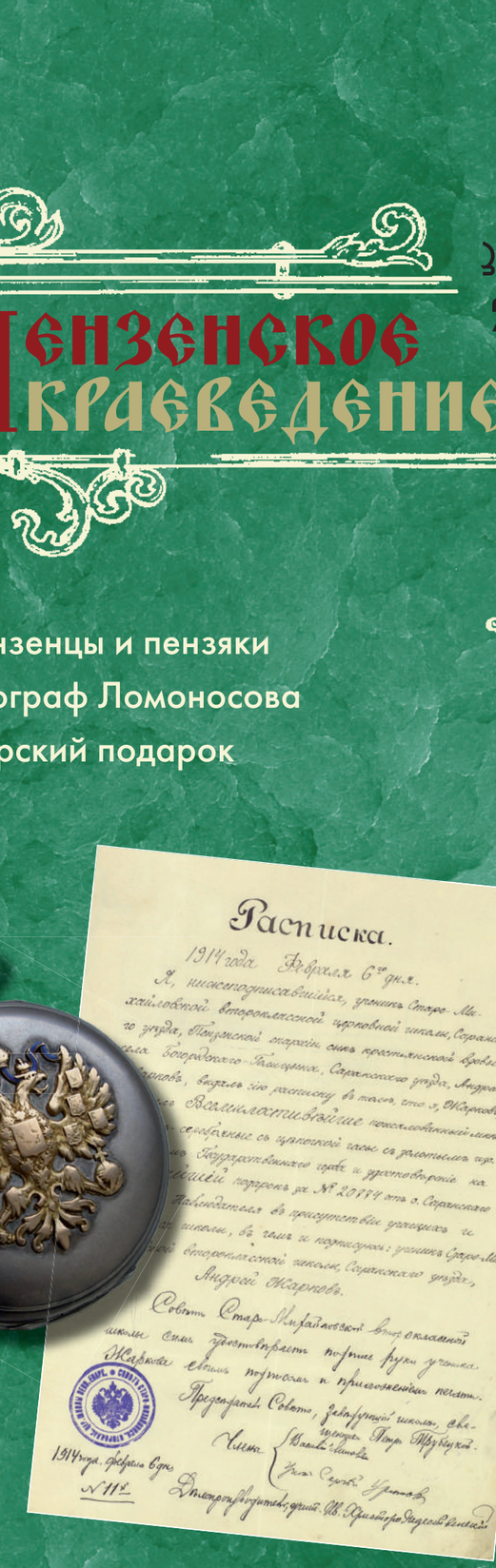
Пензенское краеведение

3 (19)
2016

- Пензенцы и пензяки
- Биограф Ломоносова
- Царский подарок


Расписка.

1914 года Февраля 6-го дня.

Я, нижеподписавшийся, ученик Старо-Михайловской Второклассной церковной школы, Сердобского уезда, Пензенской епархии, сын крестьянской Вдовы села Богородского-Талицкого, Сердобского уезда, Андрей Жарков, выдал сию расписку в томом, что я, Жарков, Всемилостивейше пожалованные из казенной палаты со процентами за Государственного года и удостоверение на имя Пензенского Губернатора за № 20789 от 9. Сердобского Наблюдателя в присутствии учителя и школы, за чем и подписуюсь: ученик Старо-Михайловской второклассной школы, Сердобского уезда, Андрей Жарков.

Совет Старо-Михайловской Второклассной школы сим удостоверяет подпись руки ученика Жаркова своим подписью и приложением печати.

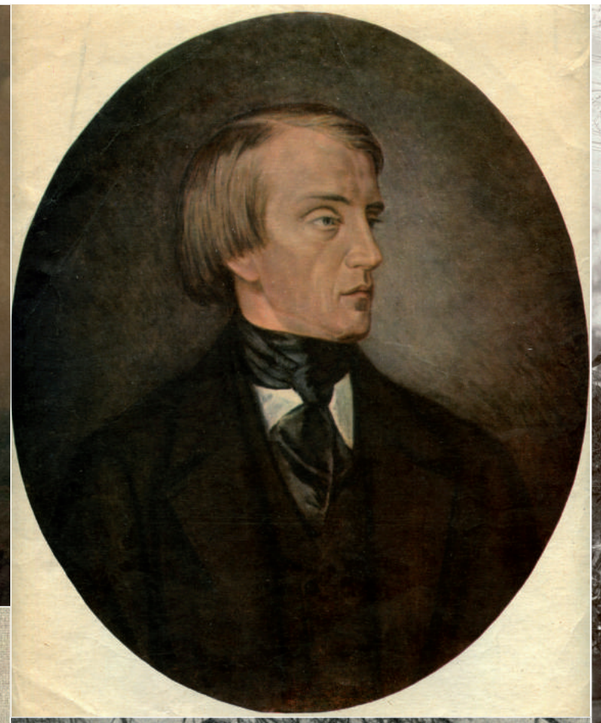
Председатель Совета, Заведующий школой, священник Пётр Трубецкой.

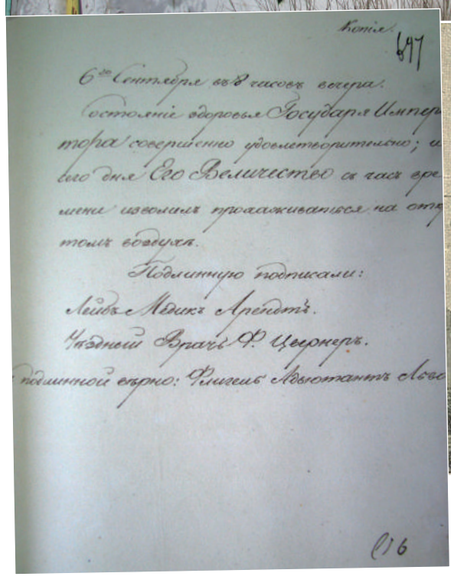
Члены: Иван Сергеев Уранов

Делопроизводитель Ив. Ефимов Федосеев

1914 года Февраля 6 дня

№ 112





Копія.

697

6го Сентября въ 8 часовъ вечера.

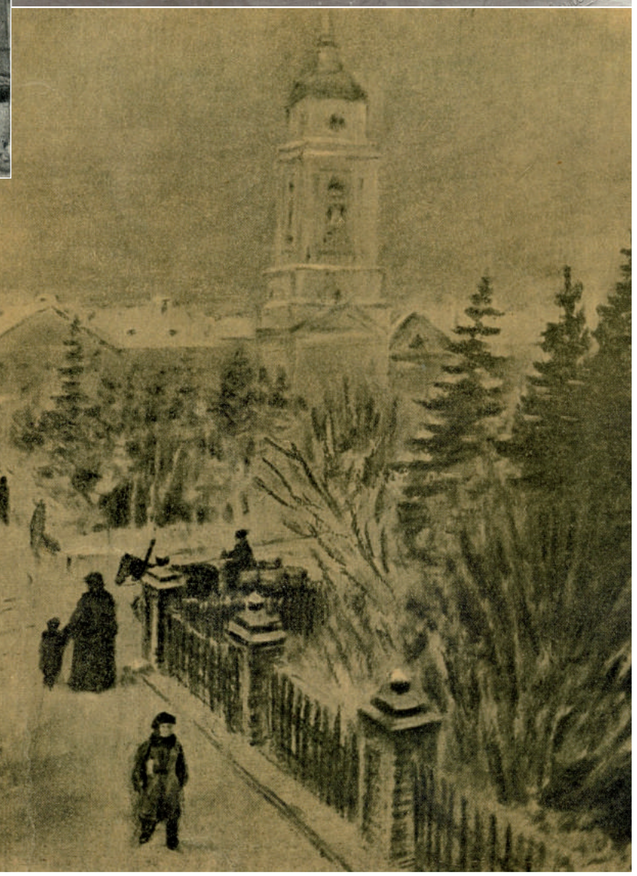
Состояніе здоровья Государя Импер-
тора совершенно удовлетворительно; и
его дня Его Величество съ часъ вре-
мени изволилъ прохаживаться на отк
томъ воздухѣ.

Подлинную подписали:

Лейбъ Медикъ Арендтъ.

Уѣздный Врачъ Ф. Цвернеръ.

подлинной вѣрно: Флигель Адъютантъ Льво



Пензенское краеведение

Научно-популярный журнал

Редакционный совет:

Первушкин Владимир Иванович,
главный редактор
Власов Вячеслав Алексеевич,
редактор школьного отдела
Евневич Татьяна Алексеевна,
редактор отдела «Родная старина», «Точка на карте области»
Зименков Владимир Николаевич,
редактор отдела «Музейная мозаика»
Лебедева Лариса Витальевна,
редактор отделов «На заметку краеведу», «Личность в пензенском краеведении»
Горланов Геннадий Елизарович,
редактор отдела «Пенза – моя вдохновительница»
Мурашов Дмитрий Юрьевич,
редактор отдела «Культурное наследие»
Кайманова Татьяна Александровна,
редактор отдела «Здравствуйте, я ваш экскурсовод!»
Самсонов Владислав Юрьевич,
редактор отдела «Тайны, находки, открытия»
Сиротин Олег Владимирович,
технический редактор
Юшечкина Дарья Анатольевна,
ответственный секретарь
Ягов Олег Васильевич,
заместитель председателя Правительства Пензенской области

№3 (19)
2016

Выходит 4 раза в год

Учредители:
Региональная общественная организация краеведов Пензенской области
Пензенский государственный университет

© Региональная общественная организация краеведов Пензенской области

Адрес редакции:
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, 37, к. 238;
e-mail: rookpo58@mail.ru

На второй странице обложки:
Здание бывшего уездного училища в г. Белинском, где останавливался Николай I. 2015 г.; Портрет Николая I. Худ. Орас Верне, Гос. Эрмитаж; Бюллетень о состоянии здоровья императора, датированный 6 сентября 1836 г.; Царская церковь в Чембаре. 1880-е гг.; Старый Чембар. Конец XIX — начало XX вв.

На третьей странице обложки:
В.Г. Белинский (1811–1848). Портрет К. Горбунова; Участники юбилейного собрания, посвященного 50-летию смерти В.Г. Белинского, в парадном зале Дворянского собрания. 1898 г.; Дом Я.А. Петрова по ул. Верхней Пешей (ныне ул. Куйбышева) в Пензе, во дворе которого в деревянном флигеле жил В.Г. Белинский. Фото 1948 г.; Пенза времён В.Г. Белинского. Рисунок Б. Лебедева. 1948 г.

Содержание

Личность в пензенском краеведении
Е.Е. Жаринова
Г.И. МЕШКОВ, «ЗАПИСКИ О г. ПЕНЗЕ» (продолжение) ... 3
П.А. Фельдман
СЛОВО О КАМЕНСКОМ КРАЕВЕДЕ ... 7

Родная старина
В.Д. Кочетков, А.А. Чибис
КРЕПОСТЬ ПЕНЗА С ПРИГОРОДАМИ В КОНЦЕ XVII–НАЧАЛЕ XVIII в. ... 9
В.Г. Гришаков
КАК ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЧЕМБАР БЫЛ СТОЛИЦЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ... 12
Б.П. Ананичев
ЗОЛОТАРЁВСКИЕ МИФЫ И НАДЕЖДЫ ... 18

Культурное наследие
Д.Ю.Мурашов
БИОГРАФ ЛОМОНОСОВА ... 21
Г.Е. Горланов
«ПОМЯНУТЬ ПЕЧАТНО ЕГО НЕ СМЕЛИ…» (К 205-летию со дня рождения В.Г. Белинского) ... 24
Т.В. Устимкина
ЛЮБИМЫЙ ТЕАТР ГИМНАЗИСТА БЕЛЫНСКОГО ... 30

Тайны, находки, открытия
П.В. Кашаев
ЦАРСКИЙ ПОДАРОК ... 34
Н.В. Четвертков
ОПЬЯНЁННЫЕ РАДОСТЬЮ СВОБОДЫ (К 100-летию Февральской революции в России) ... 39
И.А. Ильичёв
КАК СОЗДАВАЛСЯ КОЛХОЗ В СЕЛЕ СТАРЫЙ ВАЛОВАЙ ... 44
А.Н. Соболев
ТЕХНИКА И МЕТОДЫ РАБОТЫ ГЕРМАНСКОЙ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942–1943 гг. ... 49
Ю.Б. Горбатова
В ДЖУНГЛЯХ ВЬЕТНАМА ... 52
В.Ю. Самсонов
ПЕНЗЕНСКИЕ ПОДЗЕМЕЛЬЯ ... 56

Точка на карте
В.И. Первушкин
ПОЧЕМУ ОНИ ТАК НАЗЫВАЮТСЯ? ... 59

Советуем почитать
В.И. Первушкин
КУПРИНСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ... 64
Е.С. Мясоедов
ПРИОБЩЕНИЕ К ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ ... 66

Дискуссии
М.С. Полубояров
ПЕНЗЕНЦЫ И ПЕНЗЯКИ ... 68

Конференции
Г.А. Мельничук, Н.В. Степанова
ДЕСЯТЫЕ ВСЕРОССИЙСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ ... 71

Здравствуйте, я ваш экскурсовод
Т.А. Кайманова
МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСКУРСИИ ... 75

Сведения об авторах ... 80

Е.Е. Жаринова

Г.И. МЕШКОВ, «ЗАПИСКИ О г. ПЕНЗЕ»

Дорогие друзья!

Мы продолжаем публикацию рукописи Г.И. Мешкова «Записки о городе Пензе», хранящуюся в основном фонде Пензенского государственного краеведческого музея. Вашему вниманию предлагается девятая часть «Записок».

IX. ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ

Таких событий, которые были особенно замечательны или собственно для города Пензы, или для Пензенской губернии вообще со времени основания города до истечении XVIII столетия, было только два; об одном из них я упоминал уже выше.

Я разумею под этим бывший в 1717 г. набег на Пензу кочевавшей Татарской орды, слывущий там и доселе набегом Закубанским. Ежели верить существующим в Пензе народным преданиям: служилые и ратные того времени люди были по какому-то случаю в отлучке из Пензы; оставшиеся на местах семейства их, старики, женщины и дети, не были в состоянии дать отпор хищникам. В отчаянии, они обратились к заступничеству Пресвятой Богородицы и вынесли на городскую черту её Св. Икону, которая прислана была в благословение ново построенному городу Царем Алексеем Михайловичем[16]. Там отслужено было молебствие о спасении города и варвары, миновавши Пензу, направились на пригород Рамзай, а оттуда на город Мокшан, которые разорили и многих жителей увели в плен. Это был последний набег; с тех пор упомянутая Св. Икона Казанской Божией Матери признается чудотворною.

Гораздо большее и ощутительное и для Пензы и для Пензенской губернии значение имело нашествие на тот край, в 1774 году шаек самозванца Пугачева[14]. Они приблизились к Пензе в последних числах июля; бывший в то время воевода Всеволожский[2] несколько времени держал чернь в повиновении и дал многим из бывших в Пензе дворян средства к спасению, но когда Пугачев[14] явился под городом: перепуганный народ вышел к нему навстречу с иконами, хлебом и солью. Воевода Всеволожский[2], товарищ его Гуляев[5] и несколько бывших с ними офицеров, по приказу Пугачева[14], сожжены живыми, в доме, обложенном хворостом и соломой.

Пушкин[15], в своей «Истории Пугачевского бунта», пишет, что Всеволожский[2], оставленный городским войском, заперся в своем доме (следовательно, в том, где теперь семинария) с двадцатью дворянами и решился защищаться; но дом был зажжен и Всеволожский[2] погиб в нём со всеми своими товарищами. Но не так рассказывает об этом современник происшествия, Ефим Петрович Чемесов[18], назначенный потом Воеводой вместо погибшего Всеволожского[2].

После г-на Чемесова[18], скончавшегося в Пензе, в 1810 г., в чине Статского советника, остались собственноручные его записки, которые и теперь хранятся у Алексея Алексеевича Панчулидзева[13], женатого на родной внучке покойного. В этих записках г-н Чемесов[18], описывал, что 22 июля всё семейство его для спасения своего выехало в Борисоглебск, откуда возвратилось только в ноябре, пишет следующее: «Июля 28, воевода Всеволожский[2], товарищ Гуляев[5] и двое штатных офицеров, уехали из Пензы для спасения своего и пойманы в с. Скачках (Мокшанского уезда) расстоянием от Пензы в 60 верстах и там злодейской командой в доме господском все сожжены.

Я не берусь разбирать и доказывать, что тут справедливее: рассказ ли Пушкина[15], источник которого мне неизвестен, или повествование современника, и ещё местного; замечу только, что г-н Чемесов[18], пользовавшийся в Пензе общим уважением, имея в то время 39 лет, (родился 10 декабря 1735 г.) был избран предводителем местного войска против Пугачева[14]; 8 августа, при с. Загоскине Пензенского уезда, имел с его шайкой успешное сражение; в сентябре, по его же распоряжению, основанному на повелении генерал-аншефа графа Петра Ивановича Панина[12], произведена был казнь преступников; потом он был, последовательно воеводой, совестным судьей и губернским предводителем дворянства. После всего этого, трудно предположить, чтобы письменное, собственноручное повествование лица современного, почтенного и ещё, в добавлениях, официальное, могло быть неосновательно.

Сверх того, в первой четверти XVIII столетия, было в Пензе и ещё одно происшествие, которое хотя и не может назваться событием, знаменательным для края: тем не меньше, однако же, по обстоятельствам своим и трагической, впрочем, для того времени обыкновенной развязки, заслуживает быть рассказанным.

В нескольких верстах от Пензы, по дороге к городу Городищам, существовал тогда мужской Предтеченский монастырь. Один из бывших в нем монахов, Варлаам Левин [9], 19 марта 1722 г. пришедши в Пензу на базар, влез на «полок(?)» (неразборчиво написано), на котором продавалось «съестное», снял с себя клобук и закричал народу: «Послушайте, христиане, послушайте!» Народ обступил его. Тогда, Варлаам[9], стал рассказывать, что он служил многие годы в армии у генерал-майора Гавриила Семеновича Кропотова[8] в команде; жил в Петербурге, где монахи и всякие люди в посты едят мясо и его есть заставляли; а в Москву приехал царь Петр Алексеевич[17]; а он не царь Петр Алексеевич[17], а антихрист. И в Москве все мясо есть будут сырную неделю и великий пост и весь народ мужска и женска пола будет он печатать, и у помещиков всякий хлеб описывать и тем помещикам давать хлеба самое малое число; а из достального описаного хлеба давать только тем людям, которые будут запечатаны; а на которых печатей нет и тем хлеба давать не станут и чтобы они тех печатей боялись и куда бы нибудь скрылись. Варлаама[9] арестовали, отправили в канцелярию розыскных дел и осудили на смертную казнь «за злые слова, касающиеся до превысокой чести его Императорского Пресветлого Величества и весьма вредные государству». 26 июля 1722 г., в Москве, на Болотной площади Левину[9] отрубили голову, туловище его сожжено, а голова отправлена в Пензу, где и была выставлена, на колу, на той площади, где Левин[9] кричал возмутительные слова.

Дело это выходило до Правительствующего Сената; интенцию[7] подписали: канцлер граф Головкин[4], князь Григорий Долгорукий[6], граф Яков Брюс[1], граф Иван Мусин-Пушкин[11], граф Андрей Матвеев[10], барон Петр Шафиров[19] и князь Дмитрий Голицын[3].

Самый монастырь уничтожен и срыт, но любопытные и теперь ещё могут ви-

деть не многие остатки фундамента ограды и бывших зданий.

Примечания

1. *Брюс Яков Вилимович, при рождении Джеймс Дэниэл Брюс (англ. James Daniel Bruce) (1670–1735)* – граф, русский государственный деятель, военный, дипломат, инженер и учёный, один из ближайших сподвижников Петра I. Генерал-фельдцейхмейстер (1711), генерал-фельдмаршал (1726), реформатор русской артиллерии. Руководитель первого в России артиллерийского, инженерного и морского училища. В московских преданиях за ним прочно закрепилась репутация чернокнижника, мага, «колдуна с Сухаревой башни» и первого русского масона.

2. *Всеволожский Андрей Алексеевич (? – 1774)* – пензенский воевода, убит во время пугачевского бунта. Владел землей в с. Дмитриевском Керенского уезда Пензенской губернии. Упомянут в «Истории Пугачева» А.С. Пушкина.

3. *Голицын Дмитрий Михайлович (1665 – 1737)* – скорее всего речь идет о Дмитрии Михайловиче Голицыне. Старший сын стольника князя Михаила Андреевича; с 1686 г. стольник, с 1694 г. – капитан Преображенского полка. В 1697 г. отправлен за границу «для науки воинских дел» и попал в Италию к ученому Марку Мартиновичу, который обучал своих учеников навигацкой науке. В 1701 г. Голицын был посланником в Константинополе, чтобы добиться свободного плавания русских судов по Черному морю. В 1704 г. послан с вспомогательным отрядом к польскому королю в Польшу и Саксонию, вернулся оттуда в 1706 г., а с весны 1707 г. был назначен управлять белгородским разрядом, причем велено его писать киевским воеводой, а с 6 марта 1711 г. – губернатором. Здесь он остался до 1718 г., когда назначен был президентом камер-коллегии и сенатором; с 1722 г. сохранил только последнюю должность. В 1723 г. по делу Шафирова Голицын был лишен чинов и подвергнут штрафу и домовому аресту. Только по ходатайству императрицы он был помилован и восстановлен в занятиях и чинах.

4. *Головкин Гавриил Иванович (1660–1734)* – граф, сподвижник Петра Первого, первый канцлер Российской империи (с 1709), первый кабинет-министр (1731–1734). Родоначальник графского рода Головкиных.

5. *Гуляев* – офицер, товарищ воеводы А.А. Всеволожского

6. *Долгорукий Григорий Федорович (1656–1723)* – один из представителей княжеского рода Долгоруких (Долгоруковых). В 1700 г. отправлен в Польшу с тайным поручением условиться с королем Августом относительно плана военных действий против шведов; вслед за тем назначен чрезвычайным посланником при дворе Польском. Когда в 1706 г. Карл XII занял Варшаву и принудил Августа II отказаться от престола, Долгоруков вернулся в Россию. В 1708 г., после измены Мазепы, он руководил выборами нового малороссийского гетмана и провел в это звание преданного России Скоропадского; в 1709 г. отличился в Полтавской битве. В том же году вновь назначен послом в Польшу. Заботы его об интересах России и православия возбудили против него такую ненависть польского духовенства и поляков, что в 1721 г. он, по собственной его просьбе, был отозван из Варшавы и получил звание сенатора.

7. *Интенция* – в римском судопроизводстве, в так называемом формулярном процессе, интенция это основная часть исковой формулы, в которой излагалась суть претензии истца к ответчику.

8. *Кропотов Гавриила Семенович (? –1730)* – командир полка с 27 января 1709 по 15 марта 1719 г. Из нетитулованного дворянского рода, происходившего от Юрия Андреевича Кропотова, служившего при Иоанне Грозном полковым головой в Ливонском походе. Как и отец служил в

драгунских полках. В мае 1708 г. в чине полковника Азовского драгунского полка был назначен командиром вновь сформированного Новотроицкого драгунского полка. С полком участвовал в походе на Дон против восставших казаков. 27 января 1709 г. был назначен командиром сформированного из 10 конных гренадерских рот Гренадерского полка, названного его именем. 27 июня 1709 г. принял с полком участие в Полтавской битве. В баталии командовал бригадой кавалерии. В октябре 1709 г. участвовал в деле под Одолянами. Был произведён в бригадиры. В 1711 г. участвовал в Прутском походе против турок. 15 марта 1719 г. был произведён в генерал-майоры и отчислен от командования полком. В 1722 г. был назначен в состав Низового корпуса и принял участие в Персидском походе. В марте 1722 г. был направлен с 5 драгунскими и 3 пехотными полками на Кавказ к Тереку. Затем заведовал комиссариатом. В октябре 1725 г. участвовал в походе русских войск против шамхала Тарковского Адиль-Гирея. 6 января 1726 г. был пожалован в кавалеры ордена Св. Александра Невского.

9. *Левин Варлаам (? – 1722)* – монах мужского Предтеченского монастыря.

10. *Матвеев Андрей Артамонович (1666–1728)* – граф (с 1715), сподвижник Петра Великого, в 1699–1715 гг. его постоянный представитель за границей, один из первых русских мемуаристов, автор записок о дворе Людовика XIV. По возвращении из-за границы граф Матвеев был поставлен во главе Навигацкой школы и Морской академии. С 1719 г. – сенатор и президент Юстиц-коллегии.

11. *Мусин-Пушкин Иван Алексеевич (ок. 1660–1730)* – граф (с 1710), петровский сподвижник, которому обязан своим возвышением род Мусиных-Пушкиных. Боярин (1698), сенатор (1711), действительный тайный советник (1718). В качестве начальника Монастырского приказа руководил делами Русской православной церкви.

12. *Панин Пётр Иванович (1721–1789)* – граф, генерал-аншеф и сенатор из рода Паниных. Покрыл себя славой в сражениях Семилетней войны, а в последовавшей следом войне с турками взял Бендерскую крепость. Затем командовал подавлением Пугачёвского восстания и пленением самого Пугачёва.

13. *Панчулидзев Алексей Алексеевич (1819 – 1880)* – сын Панчулидзева Алексея Давидовича, саратовского губернатора и брат Александра Алексеевича, пензенского губернатора. Вышел в отставку поручиком, в 1871-73 гг. состоял пензенским уездным предводителем дворянства.

14. *Пугачев Емельян Иванович (1742–1775)* – донской казак, предводитель Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России. Пользуясь слухами, что император Пётр III жив, Пугачёв назвался им. С конца 1773 г. Пензенский край стал одним из очагов войны. Наивысшей активности выступления в крае достигли в июле-августе 1774 г. В Пензенском уезде, по неполным данным, только 30–31 июля восставшими было убито и сожжено в усадьбах 400 помещиков и членов их семей.

15. *Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837)* – русский поэт, драматург и прозаик, заложивший основы русского реалистического направления, критик и теоретик литературы, историк, публицист; один из самых авторитетных литературных деятелей первой трети XIX в. Пушкин в своем творчестве, являющемся художественной энциклопедией российской действительности затронул коренные общественные проблемы своего времени: самодержавие и народ, личность и государство, трагическое одиночество передовой дворянской интеллигенции Золотого века. Ещё при жизни Пушкина сложилась его репутация величайшего национального русского поэта. Пушкин рассматривается как основоположник современного русского литературного языка.

16. *Романов Алексей Михайлович (1629 – 1676)* – русский царь с 1645 г. По его ука-

зу в 1663 г. на реке Пензе была построена крепость Пенза. В «Строельной книге», одном из документов о возникновении Пензы, есть строки: «Лета 7174 (1665) года сентября в 13 день, по Государеву Цареву и Великого Князя Алексея Михайловича …Указу и по грамоте Большого дворца воевода Елисей Протасьев построил на Пензе у города посад и слободы».

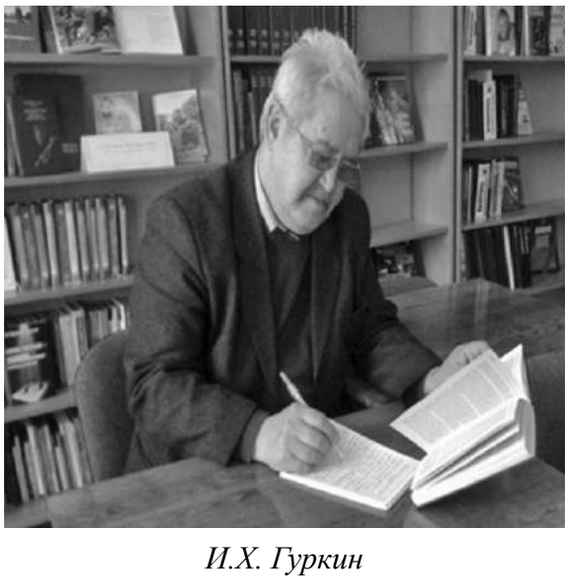
17. *Романов Петр Алексеевич, Пётр I Алексеевич, прозванный Великий (1672–1725)* – сын Алексея Михайловича Романова, последний царь всея Руси (с 1682 г.) и первый Император Всероссийский (с 1721 г.). Как представитель династии Романовых, Пётр был провозглашён царём в 10-летнем возрасте, стал править самостоятельно с 1689 г. С юных лет проявляя интерес к наукам и заграничному образу жизни, Пётр первым из русских царей совершил длительное путешествие в страны Западной Европы. По возвращении из него, в 1698 г., Пётр развернул масштабные реформы российского государства и общественного уклада. Одним из главных достижений Петра стало решение поставленной в XVI в. задачи: расширение территорий России в Прибалтийском регионе после победы в Северной войне, что позволило ему принять в 1721 г. титул российского императора.

18. *Чемесов Ефим Петрович (1735–1810)* – пензенский землевладелец, статский советник. С июля 1774 г. пензенский воевода, участвовал в подавлении пугачевского бунта. Имел в Пензе крепостной театр. Владел деревней Кологривовкой Городищенского уезда и «селом Никольское, Атмис, Федоровка тож» Пензенского уезда. С открытием Пензенского наместничества избран первым губернским предводителем дворянства. Вторично избирался предводителем в 1802–1805 гг. Его имя упоминается в «Истории Пугачева» А.С. Пушкина.

19. *Шафиров Пётр Павлович (1669–1739)* – барон, второй по рангу после Гаврилы Головкина дипломат петровского времени, вице-канцлер. Кавалер ордена Св. Андрея Первозванного (1719). В 1701–1722 гг. фактически руководил российской почтой. В 1723 г. приговорён к смертной казни по обвинению в злоупотреблениях, но после смерти Петра смог вернуться к дипломатической деятельности.

П.А. Фельдман

СЛОВО О КАМЕНСКОМ КРАЕВЕДЕ



И.Х. Гуркин

Имя педагога, краеведа, отличника народного просвещения Ибрагима Хамзеевича Гуркина известно далеко за пределами Пензенской области. Автор более 60 научных работ, среди которых три учебных пособия, две авторские программы, пять книг по самым актуальным вопросам региональной и всеобщей истории.

И.Х. Гуркин родился 4 июля 1956 г. в с. Кочалейка Каменского района, выпускник Кочалейской восьмилетней и Головинщинской средней школ. Ещё в школьные годы он увлекся гуманитарными предметами: языками, историей, литературой. Учителя поддерживали интерес своего ученика

к гуманитарным предметам. С огромной благодарностью вспоминает Ибрагим Хамзеевич своих школьных наставников А.Х. и Х.А. Янборисовых, А.В. Бинееву, В.В. Дубошину и других педагогов.

В 1974–1979 годы он студент факультета иностранных языков Пензенского педагогического института им. В.Г. Белинского, выпускник исторического факультета того же вуза (1987). Педагог более чем с тридцатипятилетним стажем, член Союза краеведов РФ.

Сферой исследовательских интересов краеведа И.Х. Гуркина являются: история татарских сел, история культуры татарского населения Каменского района, жизнедеятельность выдающихся земляков. Его крупные работы: «Село Кочалейка» (2011), «М.Н. Тухачевский в европейских энциклопедиях» (2013), «Муса Бигеев – выдающийся учёный-энциклопедист» (в соавторстве с П.А. Фельдманом), «Очерки истории культуры татарских жителей Каменского края» (2014), «Татарские писатели и Пензенский край» (2016). Кроме того, Ибрагим Хамзеевич – автор ряда учебных пособий по иностранным языкам и истории Каменского края.

Наряду с изучением истории родного края Ибрагим Хамзеевич занимается также и проблемами всеобщей истории, благодаря владению основными европейскими языками – немецким, английским, французским и латинским. Им написан ряд работ по истории русско-германских связей, переведены с немецкого на русский язык статьи немецких историков о дипломатии Отто фон Бисмарка. В 2014 г. в московском издательстве «Перо» вышло учебное пособие к спецкурсу по новой истории стран Запада, написанное им в соавторстве с к.и.н., доц. Пензенского педуниверситета В.М. Кирилловой «Германо-российские отношения во второй половине XIX в. в оценке восточногерманских историков (1950–1990 гг.). Эта работа, по оценке рецензентов, содержит эксклюзивный материал, составленный на основе изучения исследований немецких ученых в авторском переводе.

Его питомцы неоднократно являлись призерами Новожёновских чтений, Кикинского форума «Одаренные дети», Всероссийских Лебедевских чтений (2012), Бигеевских (2013) духовно-нравственных чтений. Краевед И.Х. Гуркин принимает активное участие в региональных, всероссийских и международных научных конференциях, на которых выступает с докладами по актуальным вопросам истории Пензенского края.

Ибрагим Хамзеевич неоднократно награждался Почетными грамотами за свою просветительскую деятельность, награжден знаком «Отличник народного просвещения». В 2016 г. И.Х. Гуркин стал лауреатом премии журнала «Сура» в номинации «Литературное краеведение».

Кроме того, Ибрагим Хамзеевич известен ещё и как переводчик. С татарского языка на русский им переведены произведения фольклора, классиков татарской литературы М. Акъегета, Ш. Усманова, М. Мазунова и других авторов.

В.Д. Кочетков, А.А. Чибис

КРЕПОСТЬ ПЕНЗА С ПРИГОРОДАМИ В КОНЦЕ XVII–НАЧАЛЕ XVIII В.

Описи крепостей и городов проводились в России периодически. В связи с начавшейся Северной войной последовал царский указ от 28 марта 1701 г., который предписывал присылать ежегодно в январе в Большую канцелярию в ведомостях и таблицах информацию, включая сведения о состоянии укреплений в городах и пригородах.

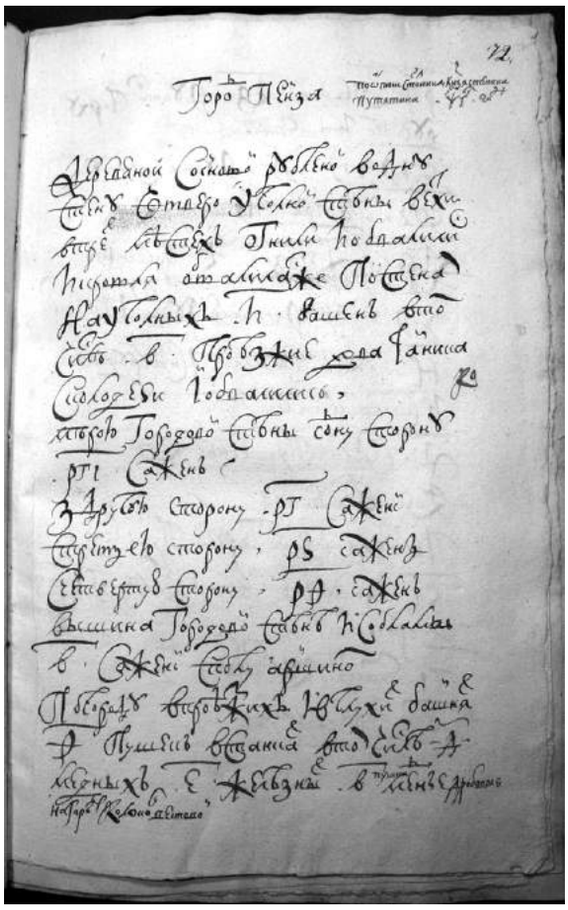
16 июня 1704 г. приказ Казанского дворца отправил подробную ведомость о состоянии крепостных укреплений и гарнизонных вооружений в 28 подведомственных ему городах и их пригородах. Этот документ хранится в фонде архива Оружейной палаты Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и содержит сведения о Пензе с пригородами Рамзаевским, Мокшанским[1].

Названная ведомость в научный оборот долго не вводилась. В 2006 г. казанский историк Д.А. Мустафина опубликовала часть ведомости по Казани и её пригородам[2]. В 2008 и 2009 гг. исследователь А.Г. Иванов издал описание Уржума, Яранска, Царевококшайска, Кокшайска, Царевосанчурска, Козьмодемьянска[3]. В 2009 г. В.Д. Кочетков и и А.А. Чибис опубликовали разделы по Чебоксарам, Симбирску с пригородами, Алатырю, Курмышу, Ядрину, Свияжску и Цивильску[4].

Документ (царский указ и описание Пензы с пригородами) издается согласно требованиям к публикации исторических источников XVII–XVIII вв.

«(л. 2) В прошлом 1701-м году марта в 28 день в указе великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца из Ближней канцелярии в Приказ Казанского дворца к боярину князю Борису Алексеевичю Голицыну с товарыщи за приписью дьяка Ивана Чередеева написано. – По имянному великого государя указу велено взять в его великого государя Ближнюю канцелярию подлинную ведомость в тетратех и перечневые выписки в графах на дестевых тетратех же, что из городов, и с пригородов, и с уездов (л. 2об.) денежных и иных всяких доходов збираетца по окладу и неокладных? И где какие заводы железные, селитренные, пороховые и иные заведены, и что с них прибылей же? И сколько по спискам начальных и иных всякого чину ратных конного и пешого строю людей? И что им в даче бывает по окладу годового денежного и хлебнаго или иного какова жалованья и месечных кормов, и которые из них с поместей своих и с вотчин служат без жалованья; и сколько тех же чинов за полками, и по окладом их даетца ль им жалованья? И сверх генеральных полков в Розряде и в ыных приказех сколько каких служилых (л. 3) людей по спискам, и что ныне начальных и ратных людей конного и пешего строю в указных местех и в полкех против неприятелей, и хто у них полководцы? И что в тех полкех пушек, мар-

тиров, бомб, ядер, пороху, свинцу и иных всяких военных припасов, и хлебных и иных запасов? И сколько во всех городех и пригородех, и в селех и в волостях воевод, и приказных и по чинам начальных и ратных конного и пешего строю людей по городом порознь? И в которых розрядех те ратные люди служат? И что им в даче бывает опричь служеб и для служеб жалованья? И которые из них городы и пригороды каменного и деревянного и земляного строения, и что тем городом мера и на них башен? (л. 3об.) И сколько где налицо военного снаряду: пушек, всякого ружья, пороху, свинцу и иных всяких припасов и запасов? И что в тех же городех порознь гостей и гостиной сотни торговых, посацких и всяких мастеровых и ремесленых людей, и в уездах дворцовых, патриарших, властелинских, монастырских, помещиковых, вотчинниковых, крестьянских и бобыльских дворов, и задворных людей по переписным последним книгам? И что с посадцких [людей], и в уездех с крестьян и бобылей каких окладных и неокладных всяких податей, и стрелецкого хлеба, и иных запросных зборов бывает? И сколько из Адмиралтейского приказу морского флота на Воронеже, в Азове, в Троецком и в ыных местех (л. 4) ныне налицо кораблей, и иных морских и речных больших и малых судов, и на них пушек и мартиров мерою и весом и ядром, и всякого карабельного ружья и припасов, и на то карабельное строение зборных денег, и за указным числом того морского флота пушек мартиров и ружья, и иных всяких припасов в остатке ныне налицо? И какие тем кораблям и иным морским и речных большим и малым судам имяна порознь? И в какову меру и скольких футов которой карабль, и иные большие суды ходят в воде з грузом и без грузу? И сколько где ныне того флота начальных и рядовых иноземцов и руских людей, и почему им в даче денег и запасов на месяц? И скольких городов и уездов, и по скольку человек в год к тому флоту



Российский государственный архив древних актов. Ф. 396. Оп. 3. Д. 43. Л. 72.

для работы бывает? И во время военных походов по скольку человек (л. 4об.) и каких чинов на тех кораблях и на иных того флота судах бывает же, и что им на месяц денег и запасов надобно? А впредь такие ведомости присылать погодно, в генваре месяце, чтоб ему, великому государю, о тех делех известно было всегда. А сколько генваря с 1-го числа нынешяго 1701-го году денег золотых ефимков, соболей, мяхкой рухледи и иной всякой казны, и хлеба и меди всякой было в приходе и в росходе, и на какие окладные и неокладные дачи, и что ныне налицо – тому всему прислать, и что таких же доходов впредь будет в приходе и росходе, и на какие дачи, и затем в остатке – подавать подлинные и перечневые ведомости в ево великого государя Ближнюю канцелярию помесечно. А когда будет ратным людем

и которых генеральств (л. 5) и розрядов на ево, великого государя, службу наряды и в которые места, о том присылать ведомости в тех же числех.

И по тому великого государя вышеписанному указу в Ближнюю канцелярию в прошлом 1701-м году об окладных и неокладных всяких денежных доходех и о росходех, и что кому служилым людем бывает в даче великого государя годового жалованья по окладным книгам и по сметным спискам, и что в низовых городех конных и пеших всяких чинов служилых людей налицо, и ис того числа в прошлом 1701-м же году по наряду ис Приказу Казанского дворца велено быть на службах, и что в низовых городех и в пригородех воевод и приказных людей, о том ведомость послана и из росписей, каковы остались в Приказе Казанского дворца после пожару 1701-го году (л. 5об.) июня 19 числа.

А каковы низовые каменные и земляные и деревянные городы строеньем и мерою, и что в тех городех налицо пушек и зелья и свинцу и всяких военных припасов, и тому ведомость и чертежи в вышеписанной пожар в Приказе Казанского дворца згорели, и о том в Ближнюю канцелярию писано ж.

А о ведомости низовых городов строеньях и военных припасех посланы великого государя грамоты в городы к воеводам. Велено им, описав подлинно, писать вскоре и прислать описные книги.

И по тем великого государя грамотам из низовых городов городовому строенью и всяким полковым припасом росписи присланы, и ис тех росписей выписано ниже сего…».

Ведомость приказа Казанского дворца, посланная в царскую Ближнюю канцелярию, о состоянии крепостных укреплений и вооружений в подведомственных ему городах Поволжья и Приуралье. Не ранее16 июня 1704 г.

«(л. 72) Город Пенза[5]

Деревяной сосновой, рубленой в одну стену, четвероугольной. Стены ветхи, в трех местех огнили и обвалились; и кровля обвалилась же. По стенам наугольных 8 башен, в том числе 2 проезжие; два тайника с колодези, и обвалились. Мерою городовой стены с одну сторону 113 сажен[6], з другую сторону 103 сажени, с третьею сторону 106 сажен, с четвертую сторону 109 сажен. Вышина городовой стене и с обламы 2 сажени с полуаршином.

По городу в проезжих и в глухих башнях 9 пушек в станках, в том числе 4 медных, 5 железных; 2 пушки медные дробовые. На городе колокол вестовой. (л. 72 об.) 182 пуда 27 фунтов[7] пороху ручного и пушечного; 239 пуд 4 фунта свинцу; 895 ядер пушечных; дроби железной 20 гривенок[8]; 69 пуд фитилю ручного и пушечного; 50 лат с полами и нагрудники и с шишаками; 4 седла пушечных худых; коза[9] выметная; пол-пуда меди горелой пушечной; 16 знамен, в том числе 3 знамя дорогильные[10]; 13 знамен кумачных[11] и киндячных[12]; 2 барабана.

(л. 73) Пензенской черты пригороды, ведомы к Пензе

Рамзаевской острог

Деревяной, стоячей, вышиною 2-х сажен, промеж башен по 50 сажен. И тот острог погнил, 4 башни з дву верхи упали.

В том остроге военного снаряду: 2 пушки железные, 2 пищали затинные[13], 3-я худая, 59 мушкетов, 10 пуд пороху, 2 пуда 12 фунтов свинцу, (л. 73 об.) 2 пуда фитилю, 46 ядер пушечных больших, 193 ядра затинных пищалей, 5 знамен, 35 копей железных, 2 барабана.

(л. 74) Мокшанск[14]

Город земляной, все 4 стены обвалились. По нем 2 башни проезжие, 4 башни наугольные, и из них 3 башни бес кровель и без верхов, четвертая упала. Мерою тот город, все 4 стены, по 100 сажен. На наугольной башне колокол вестовой.

В том городе военного снаряду: 6 пушак железных, 7 бочек пороху, в том числе одна почета в полы, 265 ядер пушечных, свинцу 2 пуда, фитилю 9 фунтов, 2 знамя кумачные, 2 барабана.

Примечания

1. РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 72–73 об.

2. *Мустафина Д.А.* Крепостные сооружения в городах Казанского края в конце XVII в. // Гасырлар авазы – Эхо веков: научно-документальный журнал. 2006. № 28–43.

3. Козьмодемьянск в конце XVI–начале XX веков: документы и материалы по истории города. Йошкар-Ола, 2008. С. 158–159; Иванов А.Г. Крепостные сооружения и военные снаряжения в городах Марийского края в конце XVII–начале XVIII веков // Марийский археографический вестник. 2009. Вып 19. С. 116–121.

4. *Кочетков В.Д., Чибис А.А.* Города Чувашского края в конце XVII–начале XVIII веков // Марийский археографический вестник. 2009. Вып 19. С. 127–136.

5. В рукописи напротив слова «Пенза» отметка мелким почерком: «По описи стольника князя Степана Путятина [1]703-го году».

6. Сажень – мера длины 2,13 м.

7. Фунт – мера веса, равная 409,5 г.

8. Гривенка – мера веса, равная фунту, или 409,5 г.

9. Коза – 1) подъемница, рычаг с подставкой; 2) таган на треноге, род жаровни для огня.

10. Дорогильный – шелковый.

11.Кумачная – хлопчатобумажная ярко-красная ткань.

12. Киндячная – хлопчатобумажная восточная ткань красного цвета.

13. Затинная пищаль – большое кованое ружье, рассчитанное на стрельбу маленькими ядрами с крепостных стен.

14. В рукописи напротив слова «Мокшанск» отметка мелким почерком: «По описи воеводы Петра Соловцова [1]703-го году».

В.Г. Гришаков

КАК ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ЧЕМБАР БЫЛ СТОЛИЦЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Император Николай I

Российских монархов всегда отличала мобильность. Много путешествовал по России и Петр I, и Екатерина II, предпринявшая в 1787 г. знаменитый вояж в Крым. Николай Павлович Романов, самодержец Российский с 1825 по 1855 гг., известный как Николай I, ни в чем не уступал своим царственным родственникам. Ровно 180 лет назад, в 1836 г., объектом императорской инспекции был выбран город Чугуев Харьковской губернии, где располагались военные поселения. Путь лежал через Москву, Владимир, Нижний, Казань, Симбирск, Пензу, Тамбов и так далее. Предполагалось, что между Пензой и Тамбовом, в Чембаре, государь будет иметь обеденный стол и ночлег, для чего в городе было приготовлено лучшее для него помещение в доме уездного училища.

ДТП ПОД ШЕЛАЛЕЙКОЙ

24-го августа (5 сентября по н. ст., – В.Г.), в 5 часов вечера, император Николай благополучно прибыл в Пензу и остановился в доме губернатора. 25-го августа, ровно через сутки, государь отправился из Пензы на Тамбов, через Чембар. От Пензы до Чембара 125 верст. Царский путь лежал по **Тамбовскому почтовому тракту,** проходившему через села Черенцовку, Каменку, Кикино, Кевду-Вершину и город Чембар. Дорога была обрыта канавами и обсажена деревьями. Император не случайно предпринял свое путешествие в конце лета, потому что в весеннюю распутицу и осенью пензенские дороги становились непроходимыми, о чем пишет мемуарист и чиновник Ф.Ф. Вигель: *«В Пензенской губернии везде чернозем: накатанная по нему дорога в сухое время становится тверда как камень; растворенный же дождевой влагой превращается он в клейкое вещество, которое липнет к экипажам и колесам и отстать более не может...»*[1].

До последней станции государь проследовал благополучно и выехал из села Мочалейки в 12 часов ночи. На 17 версте от станции, в с.Кевдо-Вершине, была смена лошадей. До Чембара оставалось 14 верст. Государь спешил. В коляске Николай находился не один. По обыкновению его сопровождал шеф жандармов – граф Александр Христофорович Бенкендорф, который впоследствии вспоминал: *«Мы мчались с ужасающею быстротою, впрочем по хорошей дороге и на славных лошадях. Ночная темнота, застигшая нас по выезде из Пензы, нисколько не умалила скорости нашей езды»*[2]. До Чембара оставалось рукой подать. Кучер гнал, надеясь на блеск луны, силу своих фонарей и мерцающие вдалеке факелы. Он совершенно не знал о том, что в семи верстах не доезжая до Чембара, дорога пролегает через овраг, расположенный напротив деревни Шелалейки. Царский экипаж оказался у злополучного места около часа ночи. Ямщик не сдержал лошадей и уже на половине отлогого спуска они понесли коляску, напиравшую на них сзади своею тяжестью. Царский экипаж «с грохотом пушечного выстрела» опрокинулся на бок. Разбуженный возгласом форейтора Николай только и успел сказать: *«Это ничего!»*, как тут же послышались страшный треск и грохот. Лошади, отборные по силе, вырвали передок коляски, но, не чуя более руки возницы, погасили инерцию стремительного бега и через полсотни саженей встали сами. Колясочные фонари были разбиты вдребезги, и тьма окутала место разыгравшейся дорожной драмы. Первым очнулся Бенкендорф. Он поднялся на ноги и стал лихорадочно искать в темноте императора. А к месту крушения собирались люди. Прибежал испуганный рейткнехт[3] с передовой телеги, подошел невесть откуда взявшийся старый отставной солдат с увешанной медалями грудью. Разруливал ситуацию шеф жандармов. Он приказал солдату взять факел и находиться при государе, рейткнехта отправил за врачом в Чембар, т.к. экипаж с придворным медиком «застрял» на почтовой станции в Кевдо-Вершине.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ВИЗИТ

О приезде императора Николая I в Чембар и о дорожном происшествии, едва не стоившем ему жизни, написано много. Это событие давно уже стало хрестоматийным. В 1965 г. писатель В. Садовский посвятил ему написанный в духе социалистического реализма рассказ *«Пагубный дух»*[4]. Фактор внезапного приезда царя, напоминавший сюжет гоголевского *«Ревизора»,* не оспаривается даже современными исследователями. А вот внезапности никакой и не было. Николая ждали. Причем ждали не в 1836, а двумя годами ранее, в 1834-м.

В Пензенском областном архиве хранится интересное дело, название которого говорит само за себя: *«О приезде Государя Императора через Пензенскую*

епархию и о встречах, которые ему устраивались духовенством»[5]. Начато оно 6 сентября 1834 г., окончено 30 июня 1836 г. Именно этот отрезок времени можно считать подготовкой к встрече императора Николая I.

4 сентября (17 сентября по н. ст., – *В.Г.*) 1834 г. митрополит пензенский Иоанн получил от губернатора А.А. Панчулидзева письмо, в котором тот предупреждал о прибытии царя: *«Считаю обязанностью о сем вожделеннейшем событии уведомить Ваше Преосвященство присовокупляя, что Высочайший проезд предназначен через города Городище, Пензу и Чембар»*[6]. В следующем письме, от 19 сентября (2 октября по н. ст., – *В.Г.*) губернатор сообщал, что император изменил маршрут и «*высочайший приезд в Пензенскую губернию последует гораздо ранее прежде намеченного времени»*[7]. Сейчас можно только догадываться, какая суматоха и паника поднялась в церковном ведомстве. Ведь по сложившейся традиции императоры российские при объезде своих владений считали своим долгом посетить местные храмы и пообщаться с духовенством. Пензенский митрополит Иоанн сразу в день получения губернаторского письма направил канцеляриста[8] Егора Сидонского до г. Чембара и с. Ершова по большой почтовой дороге *«дабы он по тракту объявил всех церквей священнослужителям…ожидание Высокого посетителя из Тамбова»*[9]. А ещё он вёз пакет для местных благочинных[10] с инструктирующим Указом митрополита, согласно которому они должны были предоставить донесения о состоянии вверенных им приходов.

Тем временем на столе у владыки Иоанна лежала бумага, имевшая многозначительное название: *«Справка, учиненная из Клировых ведомостей*[11] *за 1833 г. о священноцерковнослужителях разных сел Пензенского, Нижнеломовского и Чембарского уездов, кто как знает предмет из причта, каков кто не посвящён ещё в стихарь и кто какого поведения».* Другими словами – краткое досье на весь церковный люд по пути следования монарха. Читает митрополит: в Константиновке пономарь *«ноту поет ошибочно»*, в Каменке у дьячка *«пение не твердо»,* в Кевдо-Мельситове пономарь знает *«катехизис недостаточно».* Далее следуют резолюции: *«Диакона прикомандировать из другого села», «Дьячка отклонить и вместо его поставить другого исправного», «Пономаря уклонить»* и т.д.[12]

То, что не делалось годами, исправлялось в считанные дни. Так, из рапорта благочинного Городищенской округи Петра Сарматова следует, что уже к 21 сентября, через два дня с момента получения инструкции о приезде императора, в *«церквах сел Селиксы и Трофимовщины, Степановки и Ишима ветхости приведены в исправность»*, а в соборе г. Городище *«полы починены и выровнены, печь оправлена, стены внутри побелены, внутри собора всё приведено в порядок»*[13]. В срочном порядке заменялись церковные кадры, доукомплектовывались штаты, пополнялась утварь приходских храмов. При этом следует заметить, что речь шла только о тех церквях, которые находились на пути следования императорского кортежа. Тот же благочинный Сарматов из своего приходского храма в Нижнем Шкафте к негодованию прихожан вывез ризницу в Городищенский собор. Епископа не ослушаешься! Дело доходило до курьезов: со священника с. Степановки Петра Шуструйского благочинный взял расписку в том, что он не будет говорить приветственной речи по случаю приезда императора. Вероятно, не блистал красноречием батюшка, а желание сказать слово имел.

Приготовления шли полным ходом, и вдруг новое письмо от Панчулидзева. Его митрополит прочел несколько раз. Прочел, не веря глазам своим. Смысл письма сводился к следующему: *«Государь император по неожиданному наступлению*

осенней ненастной погоды изволит предпринять путь из Орла обратно в Москву»[14]. Губернатор просил митрополита отменить все распоряжения, сделанные по поводу царского визита, но особо не успокаиваться – приезд императора переносился на следующий, 1835 г.

«ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС» УЕЗДНОГО ЧЕМБАРА

Царя в Чембаре ждали. Ждали и боялись. Обладая огромной и несомненной энергией, император Николай до такой степени преисполнен сознанием своей власти, что ему трудно представить себе, чтобы какие бы то ни было люди или события могли оказать ему сопротивление. Аскет и солдат по складу характера, он отказывал себе во всем, не излишествовал, приучая к этому и чиновников, которые боялись его как огня. Общеизвестной была любовь царя к законности, справедливости, порядку. Вернёмся к событиям, на которых мы оставили императора. Оставили сидящим со сломанной ключицей в придорожной канаве, поддерживаемым отставным солдатом. В Чембар поскакал рейткнехт с известием о случившемся несчастии, его возвращения ждали более часа. Наконец помощь пришла. Прибыл уездный медик Цвернер, подогнали новую коляску для императора, выделенную местным предводителем дворянства Яковом Подладчиковым. Тем временем опрокинувшийся экипаж императора был поставлен на колеса. Превозмогая физические страдания, Николай Павлович взобрался на него и двинулся в сторону Чембара, однако усиливающаяся боль заставила отказаться от этой идеи. Царь пошел пешком. Не много не мало – шесть вёрст[15]. К этому нечего добавить. В Чембаре он занял приготовленное для него помещение в уездном училище и, потребовав бумагу и карандаш, уселся за письмо императрице. Так начался отсчет времени вынужденному двухнедельному пребыванию императора в Чембаре. Пожалуй, это был «звездный час» провинциального городка, волей случая сделавшегося неофициальной столицей Российской империи.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ СТОЛИЦА, ИЛИ «УЙДУ ПЕШКОМ ИЗ ЭТОГО ГОРОДА!»

Проснувшиеся в то памятное утро чембарцы стали знаменитыми. Уже во все уголки Российской империи летели известия о вынужденной остановке царя. Представляете, сколько чиновников разных мастей и рангов от Тамбова до Чугуева были благодарны скромному Чембару за то, что он отсрочил, а может и отменил ожидаемый визит императора. Врачи объявили Николаю Павловичу, что надо пробыть в Чембаре по крайней мере три недели и потом делать самые короткие переезды.

Болезнь болезнью, а царских обязанностей с Николая Павловича никто не слагал. И перво-наперво нужно было устроить быт императора и принять меры по его безопасности. К деревянному, в большей части крытому соломой, домику уездного училища, принявшего на себя миссию Зимнего дворца, была прикреплена пожарная дружина, из Пензы выписаны девять жандармов для охраны, письменный стол, стулья, сервизы[16]. Курьеры заспешили по пыльному Тамбовскому тракту налаживать связь с Петербургом. Ежедневно выходил бюллетень о состоянии здоровья императора. Эта бумага отправлялась в Москву, в Петербург и по всем трактам, шедшим от Чембара. Бенкендорф писал впоследствии, что *«вся империя была в тревожном испуге, и Чембар сделался средоточием всех страхов и всех надежд»*[17]. Ему же принадлежат признания, что *«городок, в котором мы принуждены были устроиться, один из самых ничтожных в целой империи, не представлял никаких местных ресур-*

сов»[18]. Не по нраву пришелся Чембар шефу жандармов…

А что же царь? Царь страдал. Страдал от боли, причиняемой ему травмой, страдал от вынужденного пребывания в уездном городе, страдал от невыносимой жары. Чембарские жители целыми днями окружали скромное жилище императора в грустном молчании, составляя, таким образом, постоянную царскую стражу и удаляя всякий шум: даже и между собою они шептались на ухо. Соседние помещики присылали фруктов и запасов всякого рода, пополнив тем самым царские кладовые. Нужно отметить, что гастрономические притязания царя не содержали заморских изысков. В письме губернатору Панчулидзеву Бенкендорф просил прислать для императора «как можно поспешнее» 100 бутылок лучшего вина, разных овощей и фруктов, мясо говядины, дичь, рыбу, чай, сухари, масло. Из экзотики лимоны, апельсины и персики. Интересно, что из рыбы Николай просил не осетров и стерлядь, а судаков, лещей и окуней[19]. Скромен и неприхотлив был царь.

Новоиспеченная чембарская резиденция за считанные дни сделалась средоточием политической жизни империи. По свидетельству Бенкендорфа, в Чембар вызывались с докладами командир черноморского флота Лазарев и начальник кавалерийских военных поселений граф Витт. Часто наезжали разные другие генералы и флигель-адъютанты[20].

Николай Павлович, к своей чести, интересовался и местными проблемами. Когда ему доложили о пожаре, уничтожившем 10 домов в с. Поляны и о собранных деньгах по этому случаю, он, не задумываясь, добавил к ним еще 500 руб. Так тянулись дни, подходила к концу вторая неделя пребывания царя в Чембаре. Окружающие Николая Павловича люди стали замечать нервозность в поведении государя. Царь по своей натуре был нетерпелив, импульсивен, долгое нахождение на одном месте сильно угнетало его. Бенкендорф, сам изнемогавший от вынужденной остановки в захолустье, писал: *«желание скорее оставить этот несносный город все сильнее высказывалось, отражаясь и на расположении его духа»*[21]. Шеф жандармов как хороший психолог, наверняка, умело подыгрывал Николаю Павловичу, подогревая его мысли об отъезде. И вот в одно прекрасное утро император «почти закричал»: *«Я еду непременно завтра утром в 9 часов, и если вы не можете везти меня, то уйду пешком»*[22]. Сказано – сделано. На другой день, **8 сентября** (21 сентября по н. ст., – *В.Г.*) 1836 г., в 9 часов утра, император **Николай I** после утреннего молебна выехал **из Чембара.** Царь щедро отблагодарил чиновников и жителей за гостеприимство. По свидетельству А.Х. Бенкендорфа *«государь император, выезжая из Чембара, всмилостливейше пожаловать изволил городу: в церковь 1000 рулей, в уездное училище 5000 рублей, в градскую больницу 5000 рублей»*[23]. Не забыл Николай Павлович и про чембарцев, прислуживавших ему все это время. Царь даже рассчитался за продукты, которые поставлялись к его столу местными купцами и крестьянами.

Император пробыл в Чембаре две недели, с 26 августа по 8 сентября (с 7 по 21 сентября по н. ст., – *В.Г.*) 1836 г. Сопровождавший царя Бенкендорф написал впоследствии: *«Эти 15 дней показались мне 15 месяцами, и я был столь же счастлив, как и император, уехать отсюда. На протяжении первых 20 верст он весь светился от радости»*[24].

ПАМЯТЬ ЛЮДСКАЯ

Посещение Чембара императором Николаем I оставило неизгладимый след в памяти многих поколений чембарцев. В 1837 г. городское дворянство в память о царском пребывании постановило учредить при уездном училище, пансион для детей бедных дворян Пензенской губернии, преимущественно сирот, а в доме,

где «имел пребывание император», устроить домовую церковь. Пансион открыт был в августе, а церковь освящена 8-го сентября 1838 г., – день выздоровления Императора.

В Чембаре, ныне г. Белинском, сохранилось и здание присутственных мест, так и не дождавшееся приезда императрицы, и здание тюрьмы и уездное училище, в котором останавливался царь. Напоминает о приезде императора и федеральная трасса Пенза – Тамбов, бывшая раньше почтовым трактом. Мало кто знает, что после ДТП, случившегося с царским экипажем, почтовый тракт «спрямили» и он стал пролегать не через Мочалейку и Кевдо-Вершину, а через Кикино и Калдуссы.

Память о пребывании Николая на чембарской земле сохраняется и в центральных архивах. В Полном своде законов Российской империи под № 9501 значится законодательный акт «О производстве содержания кантонистам гвардейских полков». Он содержит гриф: *«Государь Император ... соизволил в 1 день сентября Высочайше утвердить в городѣ Чембарѣ»*.

Сейчас можно с полной уверенностью сказать и о том, что Чембарский инцидент сохранялся в памяти Николая I до самой смерти, которая, как полагают некоторые историки, наступила в 1855 г. из-за последствий полученной им 26 августа (7 сентября по н. ст., – *В.Г.*) 1836 г. травмы. Из Чембара царь уехал недолеченным, а полученная им «ударная контузия» внутренних органов долго напоминала о себе. А ещё Николай I после Чембара стал более осторожен. Во время путешествий по России он уже не полагался на мастерство своего кучера-возницы, предпочитая ему проводников из местных жителей.

И в заключение отметим, что следующий визит главы государства на чембарскую землю состоялся в 2014 г., то есть через 178 лет. Получается, что царям было больше дела до российской глубинки, чем генсекам и президентам?

Примечания

1. Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2000.

2. *Бенкендорф А.Х.* Воспоминания. 1802–1837. Публикация М.В. Сидорова и А.А. Литвина. Пер. с французского О.В. Маринина, Российский фонд культуры, М., 2012, С. 646–647.

3. Рейткнехт – устаревшее слово, которым в XIX в. называли солдат, ухаживавших за офицерскими лошадьми.

4. *Садовский В.* Чембарские истории. Саратов, 1965. С. 79.

5. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 182. Оп. 1. Д. 1349.

6. Там же. Л. 1.

7. Там же. Л. 2.

8. Канцелярист – в Российской империи низшее должностное лицо в государственных учреждениях. Занимался подготовкой и оформлением документов, не имел классного чина.

9. ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. Д. 1349. Л. 3.

10. Благочинный – в православной церкви административная должность священника, при назначении на которую он становился одним из помощников архиерея в части надзора за порядком в определенном церковном округе в составе епархии, называемом благочинием.

11. Клировая ведомость (списки лицам духовного ведомства) – документ о службе лиц духовного сословия. По закону считался актом, удостоверявшим состояние лиц духовного звания.

12. ГАПО. Ф. 182. Оп. 1. ЛЛ. 12–17 об.

13. Там же. ЛЛ. 4 об.–5.

14. Там же.

15. *Бенкендорф А.Х.* Указ. соч. С. 644.

16. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2217. Л. 275.

17. *Бенкендорф А.Х.* Указ. соч. С. 646.

18. Там же. С. 645.

19. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2217. Л. 306.

20. *Бенкендорф А.Х.* Указ. соч. С. 647.

21. Там же. С. 646–647.

22. Там же. С. 647.

23. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2217. Л. 698.

24. *Бенкендорф А.Х.* Указ. соч. С. 648.

Б.П. Ананичев

ЗОЛОТАРЁВСКИЕ МИФЫ И НАДЕЖДЫ

Своё изложение по современной истории поселка Золотарёвка начинаю с выдержки из переписки с известным краеведом Пензенского края, автором книги «Весь Пензенский край» М.С. Полубояровым: «… возникновение поселка датировал в интервале между окончанием второй ревизии (1747) и четвертой (1782). Материалы третьей (1762) я изучил не полностью. Потому и датировал возникновение серединой XVIII в. Я не настаиваю на абсолютной точности представленных мною сведений. Но если администрация поселка стоит за дату основания – 1782 г., это не противоречит обычной практике, когда за дату основания принимают дату первого письменного упоминания ….

Что касается происхождения населения Золотарёвки, этот вопрос ещё более сложный, вряд ли его можно решить однозначно. Как правило, фабричные поселки имели непостоянный контингент рабочих. Сказать, что вот крестьяне такого-то села составили костяк населения Золотарёвки, вряд ли возможно…».

Как мы видим, исторические исследования по д. Золотаревка и с. Боголюбовка, что на речке Медаевка проводились лишь с 1747 г. Перейдем теперь к более реальным легендам. Первое, что хотелось сообщить – территория нынешнего рабочего поселка Золотаревка в конце XVIII – начале XIX в. начала формироваться, как небольшой по тем временам промышленный центр. Тогда это были: с. Боголюбовка и чуть севернее д. Золотаревка. Боголюбовка вместе с Золотаревкой в 1782 г. были показаны за А.П. Ермолаевой, Д.И. Дмитриевым, П.С. Гладковой, малолетними дочерями Дмитрия Васильевича Золотарёва – Татьяной и Натальей, а также Путятиным, Васильчиковым, Мансуровым, Бекетовым[1]. В 1785 г. д. Золотаревка показана за Д.В. Золотарёвым и его вышеназванными дочерьми. За ними числились 118 душ, «крестьяне на оброке и изделию». У с. Боголюбовска с д. Золотаревка была общая земельная дача (земля, дарованная царем) на правом берегу Суры. Так вот по сведениям краеведов г. Заречного эти земли относились к земельной даче № 8 Засурского стана (1792).

Так вот ещё в 1785 г., по сведениям «Исследования молодых» от 10 октября 2013 г. Пензенского государственного краеведческого музея, жена Пензенского прокурора А.М. Бекетова построила на этой самой совместной даче стекольную мануфактуру, на которой производилось до 14000 единиц посуды (штофы, полуштофы, бутылки). Считается, что это предприятие было у истоков стекольной промышленности в Пензенском крае. По сведению «Пензенской энциклопедии» (статья С.Н. Полосина «Целлюлозно-бумажная промышленность») в начале XIX в. здесь были открыты бумагоделательные заведения в Городищенском уезде. Среди наиболее мощных – Селивановская (1817), Ахлебинская (ок. 1823) – в с. Боголюбовка Городищенского уезда»[2].

По-видимому, природные условия и люди с. Боголюбовки и д. Золотаревки располагали хозяйственных дворян к созданию здесь новых производств. И здесь обращает на себя внимание запись, довольно редко встречающая: «крестьяне на оброке и изделию». Это может говорить, что основной деятельностью населяющих эти селения крестьян было ремесло. Да и богатые лесные угодья с хорошими возможностями для создания плотин с большими прудами были этому порукой.

Не остался в стороне от этого и боевой офицер, участник войны с Наполеоном, поручик в отставке Дмитрий Васильевич Золотарёв со своей женой Екатериной Алексеевной (из семьи Бекетовых). По-

наблюдав в западных походах за ведением там хозяйственной деятельности, он вместе со своими родственниками Бекетовыми начали заводить свое суконное производство на речке Медаевка.

В 1815 г. с участием все той же прокурорши А.М. Бекетовой Дмитрий Васильевич Золотарёв основал в Золотаревке-Бекетовке (Алексеевка) суконную фабрику: «Пензенской губернии Городищенского уезда в деревне Новая Золотарёвка заведена фабрика с 1815 года при реке Медаевка, машины действуют водяной силой»[3].

Дмитрий Алексеевич Бекетов перевёл в деревню Бекетовка (Алексеевка) крестьян для работы на фабрике. Золотарёвым были построены для этих же целей с. Новая Золотарёвка и д. Пальмовка (Кирилловка). Её название указывает на место расположения – от слова «палов» – ров от лесных пожаров. Это, видимо, район Пушкинской улицы.

Несколько позже, чем в Золотарёвке, в Боголюбовке (Завод) была построена дворянином Ф.И.Селивановым ещё одна суконная фабрика. Кроме этого, есть ещё информация о братьях Николае и Иване Какушкиных – купцах, со своей суконной фабрикой с 19 станками.

Таким образом, если не делить народ, населяющий Золотарёвку, Боголюбовку, Бекетовку, Куриловку по признаку принадлежности тому или иному хозяину, я бы представил это поселение как две большие группы жителей, одну – работающие на суконной фабрике Верхней плотины (пруда), и вторую – на бумажной и суконной фабриках Нижней плотины (пруда).

О житье-бытье самих хозяев сведения скудные. Надеюсь не скучно жили, всё больше в Пензенских домах. Но вот есть и такая информация. В публикации «Золотаревы – Татищевский край» сообщается: «…Евгения (известная по роману с героем-партизаном Д.В. Давыдовым) осталась без матери двенадцати лет. Отцу (Дмитрию Васильевичу) было за 50, он с двумя женатыми сыновьями Сергеем и Павлом, жил в своей Золотарёвке под Пензой, где построил довольно большую по тем временам суконную фабрику». Где она их и посещала. Будем считать, что ему было 60 лет. Он родился в 1774 г., значит, всё это происходило до 1834 г.. Так что героиня стихов легендарного героя-партизана в Отечественной войне 1812 г. генерала Дениса Васильевича Давыдова – Евгения, бывала в нашей Золотаревке и на речке Медоевке. А жизни работного люда хорошо рассказано в книге Виктора Семенова и Петра Цыганкова.

Ну а теперь немного о духовной жизни. В разделе «Боголюбовская церковь. Пензенская Епархия» сообщается, что церковь Боголюбской иконы Божией Матери в с. Боголюбовка (ныне в черте р.п. Золотаревка) была построена после основания населенного пункта, не позднее 1782 г. Взамен этой церкви в 1857 г. усердием помещика Федора Ивановича Селиванова, пензенских купцов, братьев Николая и Ивана Какушкиных, в с. Боголюбовка построили новый деревянный Боголюбовский храм в 1889 г. Деревянный храм во имя св. Дмитрия Ростовского, освещенный 9 сентября 1890 г., был построен благодаря Александру Степановичу Казееву. По поводу последнего храма есть такая информация, что с 1929 г. он бездействовал, а в 1932 г. его передали под детский сад рабочим фабрики (он был расположен, мне кажется, под старым зданием школы). Что касается кладбищенской церкви, то там могла размещаться Боголюбовская начальная школа. На моей памяти осталась только часовенка около Попова родника и деревянные развалины начальной школы неподалеку от неё.

Александр Степанович Казеев в 1886 г. на свои средства построил и содержал церковно-приходскую школу, где обучались дети работников фабрики. Почему школу открыл именно он? Да, потому, что в 1868 г. он купил фабрику у Золотарёвых в Новой Золотаревке, а в 1874 г. – у

Селиванова в Боголюбовке. Значит, все стало единым. 7 ноября «Пензенские губернские ведомости» в ноябре 1889 г. сообщали, что при суконных фабриках в с. Боголюбовка проживало 443 чел., в с. Золотаревка – 498 чел. Итак, этими данными началась следующая история фабрики и поселка – времен купца первой гильдии Степана Антоновича Казеева и славного Советского периода. Но эта история хорошо описана в книге, уже упоминавшихся нами, В.Семенова и П. Цыганкова.

Так поклонимся же всем Золотаревским, Боголюбовским, Бекетовским (Алексеевским), Куриловским (Польшовским) людям, положившим свои силы и разум созданию, развитию и процветанию нашей фабрики и поселка. Низкий поклон русским дворянам Золотаревым, Селивановым, Бекетовым, русским купцам Казеевым, Какушкиным, советским руководителям фабрики. Сейчас у молодежи есть возможность, консолидируясь со всеми здоровыми силами, начать новую историю нашего поселка, свято помня, что золотарёвцы всегда проявляли себя с наилучшей стороны в ратных и трудовых свершениях страны. И не их вина, что сейчас в рабочем поселке Золотарёвка нет той самой суконной фабрики, нет больницы, пекарни и даже бани. Остались родная школа, администрация и клубная организация. Почему бы молодёжи не задуматься, как лучше использовать окружающую природу, имеющуюся инфраструктуру, людей, желающих и умеющих работать. Почему бы в перспективе на базе рабочего поселка не создать крупный туристический центр и санаторно-курортную зону. Для этого необходимо восстановить Нижний пруд со старинной мельницей. Восстановить на Какушкино старый сад – чем не место для пансионата. Привести в порядок все водные ключи, роднички, ручейки, былые лыжные маршруты. Наладить производство сувениров, создать технические службы по обслуживанию нового оздоровительного центра. Активизировать пропаганду и благоустройство Золотаревского городища. Приспособить недостроенное здание больницы под учебное заведение по подготовке специалистов для работы в новом центре. Да, мечтать не запретишь…

Примечания

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Е.хр.1032. Лл. 3–4об.

2. *Полосин С.Н.* Целлюлозно-бумажная промышленность // Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 660.

3. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 3198. Л. 103.

Д.Ю.Мурашов

БИОГРАФ ЛОМОНОСОВА

Имя Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765) до столетней годовщины со дня смерти ученого широкой российской публике было малоизвестно. Память о великом энциклопедисте хранил небольшой круг просвещенного общества: от журналиста Николая Новикова, создателя первой русскоязычной биографии ученого (1772), до писателя Ксенофонта Полевого — автора первого романа о Ломоносове (1836). «Столетняя годовщина дня рождения знаменитого писателя прошла незамеченною, – писал в 1873 г. Пётр Пекарский, создатель первой научной биографии Ломоносова, – но за то о нём вспомнили по случаю приближения ста лет после кончины его»[1].

Действительно, в 1865 г. по всей Российской империи прокатилась волна мероприятий, посвященных памяти знаменитого энциклопедиста: от обедов с речами и стихами до Ломоносовских стипендий и премий. Среди них выделялась инициатива общественного Ломоносовского комитета во главе с князем Григорием Щербатовым, в недавнем прошлом попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, об объявлении конкурса на создание всеохватывающей биографии Ломоносова. Победителю конкурса полагалась премия в две тысячи рублей серебром, за её счет издавалась и сама работа. Все доходы от продажи биографии шли автору. Оценивала работы комиссия из членов Ломоносовского общества и Императорской Академии наук. В конкурсе, согласно положению, не могли участвовать академики, т.е. члены Академии наук. Это, как оказалось в последующем, сыграло роковую роль. Сроки конкурса пришлось переносить из-за отсутствия участников и, несмотря на широкую рекламу в печати, к началу 1879 г. в комиссию поступила только одна работа. Она была из Пензы, от статского советника Ильи Александровича Киреевского[2].

«Историческое и критическое описание жизни Михайла Васильевича Ломоносова» (так называлась работа Киреевского) комиссия обсуждала 16 февраля 1879 г. В состав комиссии вошли: историк литературы Александр Веселовский, автор трудов по истории русской словесности Яков Грот, декан историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета Измаил Срезневский и один из первых биографов М.В. Ломоносова историк Арист Куник [3].

После рассмотрения рукопись И.А. Киреевского была отвергнута и отправлена обратно в Пензу. Конкурс продлили до 1885 г., но он вновь не состоялся из-за отсутствия работ. Победитель (после изменения ряда условий конкурса) определился только в 1905 году. Им стал химик Борис Меншуткин (1874–1938), пожалуй, самый известный биограф Ломоносова в XX в.[4]. В дореволюционной России жизнеописание ученого, созданное им, изда-

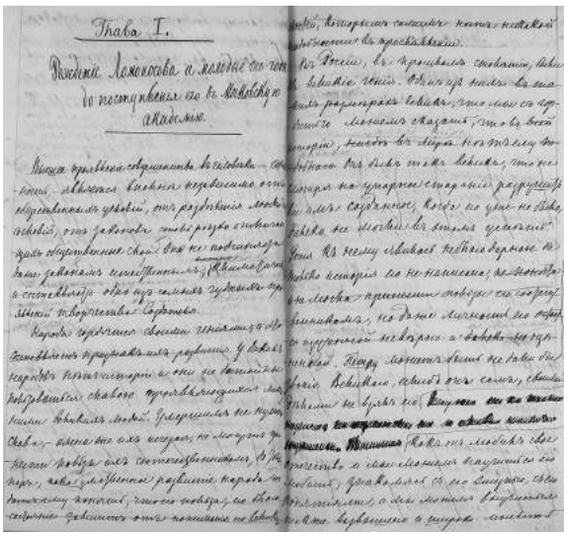
валось трижды. Однако и труд Киреевского не канул в лету. Первый том сочинения (всего было два) сохранился в Пензенской областной библиотеке имени М.Ю. Лермонтова. Знакомство с ним позволяет оценить вердикт конкурсной комиссии и расширить представления о личности автора, который в 1857 г. попал на страницы дневника писателя Тараса Шевченко.

Соединить двух Киреевских – автора биографии Ломоносова и персонажа дневника Шевченко – позволяет метрическая запись Введенской церкви Пензы. Она гласит, что 24 апреля умер, а 27 апреля 1881 г. был погребен статский советник Илья Александрович Киреевский, 55 лет [5]. Как указывает в своем справочнике «Пензенский некрополь» краевед Александр Тюстин, Киреевский был похоронен на Митрофаниевском кладбище [6].

«Шевченковский» Киреевский – тоже Илья Александрович. В 1857 г. он полковник, особый порученец командира Отдельного Оренбургского корпуса, но позже, согласно оренбургской «Шевченковской энциклопедии», уже статский советник. До 1871 г. Киреевский служит в Оренбургском крае. О дальнейшей судьбе Ильи Александровича энциклопедия не сообщает, но есть основания считать, что Киреевский переезжает в Пензу, где и сочиняет свой труд о Ломоносове, а в 1881 г. умирает. «Шевченковская энциклопедия», ссылаясь на сведения местного государственного архива, называет дату рождения Киреевского – 1825 г.[7]. Такая же дата рождения и у «пензенского» Киреевского. В 1881 г. ему было 55 полных лет.

Ранний период биографии Киреевского частично восстанавливается по всероссийскому адрес-календарю. В 1849–1851 гг. Илья Александрович Киреевский – поручик лейб-гвардии конно-пионерного дивизиона и одновременно преподаватель Главного Инженерного училища в Санкт-Петербурге [8].

Киреевский и Шевченко лично не были знакомы, но писатель много раз



слышал о нем от Ираклия Ускова, коменданта Новопетровского укрепления (современный Форт-Шевченко, Казахстан), где классик литературы служил рядовым. Вот фрагменты дневниковой записи от 21 июня 1857 г.: «У кого что болит, тот о том и говорит. Сегодня вечером, возвращаясь из огорода в укрепление вместе с комендантом, он мне в сотый раз повторил со всевозможными подробностями историю о коварном друге своем, некоем полковнике Киреевском. Полковник этот Киреевский, как видно, птица высшего полета, а по словам коменданта, настоящий аристократ»[9]. Далее Шевченко пишет, что Киреевский находится в «близких отношениях» с графом В.А. Перовским, Оренбургским и Самарским генерал-губернатором, при котором служит чиновником особых поручений. Указывает, что у Киреевского 600 крепостных душ. И подробно воспроизводит историю, возмутившую его до глубины души. Суть ее такова: Киреевский, знаток «фотографического дела» получил от Ускова деньги для покупки тому в Петербурге фотоаппарата и реактивов, но не приобрел ни того, ни другого. И не вернул деньги. «Из всего этого оказывается, – пишет Шевченко, – что помещик 600 душ крестьян, аристократ, наперсник графа Перовского, наконец, полковник Киреевский – подлец и негоднейшая тряпка»[10].

Корыстолюбие Киреевского, вероятно, сыграло не последнюю роль в его решении написать биографию Михаила Ломоносова. Да ещё как написать! С невероятным апломбом и разухабистой критикой предшественников, да такой, что читавшие опус Киреевского члены комиссии, мягко говоря, были сильно удивлены. Принадлежность биографов Ломоносова к Академии Наук являлась для Ильи Александровича настоящей «черной меткой». Он считал, что жизнеописания учёного из-за этого излагаются не объективно, т.к. в традиции Академии травить и преследовать Ломоносова. Без тени сомнения Киреевский писал, что представляет «первую биографию Ломоносова», что она содержит «описание истинной жизни» ученого, «величайшего из людей, которые явились в человечестве». Киреевский провозглашал Ломоносова «идеальным русским» и был твердо уверен, что знакомство с его биографией значительно увеличит число таких людей в России. Наряду с Ломоносовым идеальными русскими Киреевский считал Петра Великого и Суворова.

Илья Киреевский излагает биографию Михаила Ломоносова по периодам, какие были указаны в предшествующих жизнеописаниях ученого: детские и юношеские годы, учеба Ломоносова в Славяно-греко-латинской академии и в Петербурге, обучение за границей, возвращение на родину и деятельность в Академии наук, столкновение с профессорами-немцами (содержание второго тома из-за его утраты неизвестно). Особенность изложения Киреевского – постоянные придирки к работам своих предшественников, полемика с ними, как правило, не всегда корректная. В конечном счете, это и стало главным минусом представленного жизнеописания.

Свой отказ академики объяснили так (цитата по Киреевскому): «автор, вместо требовавшейся по программе задачи исторического изложения биографии Ломоносова, употребил исключительно прием полемического разбора прежних трудов о Ломоносове и при этом, не оставаясь в пределах объективного рассмотрения фактов, совершенно удалился от требований беспристрастной критики, составляющей первое условие всякого серьезного исторического труда».

Получив отказ, Илья Александрович рассвирепел и решил самостоятельно издать свою биографию Ломоносова, снабдив ее предисловием, буквально дышащим ненавистью к отвергнувшим жизнеописание академикам. В этом предисловии Киреевский назвал их врагами Ломоносова и врагами России. В частности, об академике Петре Петровиче Пекарском, составившем и поныне признаваемую образцовой биографию Ломоносова[11], Киреевский писал: «Критической способностью Пекарский был замечательно обделен. Он переписывал из всякого рода источников, и всегда согласный с лежащим перед ним текстом, забывал, что накануне сам переписывал. В составленной им биографии Ломоносова, сам совершенно ничего знавший в науках, которыми занимался Ломоносов, он поставил себе целью уверить, что этот великий человек ничего не сделал на поприще наук и что в этом отношении его деятельность не заслуживает никакого внимания. Таков был Пекарский, который только помнил затверженный давно урок о недоброжелательности академии к Ломоносову».

На первом томе сочинения Киреевского, сохранившегося в Лермонтовке, есть пометка цензуры, разрешающей его печать. Она датирована 10 августом 1882 г. Однако напечатать свой труд Илья Александрович не мог. К этому времени он скончался.

Сегодня описание жизни Михаила Васильевича Ломоносова, составленное Ильей Александровичем Киреевским, несомненно, будет интересно тем, кто интересуется биографией великого эн-

циклопедиста. С другой стороны, труд Киреевского – это яркий памятник человеческой гордыни, воплощенное следствие корыстолюбия и всезнайства.

Примечания

1. *Пекарский П.* История Императорской Академии наук. СПб., 1873. Т. 2. С. 891.

2. *Радовский М.И.* М.В. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М., Л., 1961. С. 243–244.

3. Там же. С. 244.

4. Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь. М.,2009. С. 193–194.

5. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 182. Оп.6. Д. 339. Л. 76об.

6. Тюстин А.В. Пензенский некрополь XVII–нач.XX вв. Пенза, 2013. С. 132. В биографических сведениях о И.А. Киреевском неверно указана дата его рождения.

7. Шевченковская энциклопедия // Научная библиотека Оренбургского государственного университета. См.: http://artlib.osu.ru/oeel/gold/bolshakov/shevchenko/pdf/K.PDF

8. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1849. СПб, 1849. Ч.1. С. 61; Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1851. СПб, 1851. Ч.1. С. 62.

9. Шевченко Т. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1956. Т. 5. С. 28.

10. Там же. С. 29.

11. Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь. С. 267.

Г.Е. Горланов

«ПОМЯНУТЬ ПЕЧАТНО ЕГО НЕ СМЕЛИ...»
(К 205-летию со дня рождения В.Г. Белинского)

Да, именно так, как отмечено в названии статьи, реагировало российское правительство по поводу наследия замечательного мыслителя, учёного, писателя и оригинального критика В.Г. Белинского в 1840-е гг. Об этом невольно вспоминаешь в день рождения этого замечательного сына Отечества, прославившего своим талантливым пером критика российскую словесность. Для пензенской общественности 205-летие со дня появления на свет Виссариона Григорьевича Белинского – особенно примечательное событие.

Родился Виссарион Белинский в крепости Свеаборг (ныне черта г. Хельсинки Финляндия), где его отец, Григорий Никифорович, служил лекарем гребного экипажа. Мальчику было пять лет, когда родители переехали на местожительство в небольшой городок Чембар Пензенской губернии. Здесь отец получил место уездного врача. Виссарион любил свой тихий и зеленый городок с речушкой Малый Чембар.

В 1825 г. Белинский поступил в Пензенскую гимназию. В Пензе он жил вместе с земляками-чембарцами А.С. Голубинскими и М.С. Мередиановым на Верхней Пешей улице (ныне ул. Куйбышева). До наших дней дом не сохранился.

Учеба в Пензенской гимназии положила начало формированию взглядов Белинского. Занимался он охотно и упорно, хотя отношение к изучаемым предметам было неравнозначным. Так, совершенно равнодушным был Виссарион к Закону Божьему, не проявлял особого интереса к математике, несмотря на то, что экзамены по этому предмету сдавал успешно, в том числе и при поступлении в Московский университет. Лучшие успехи достигались в знании латинского языка и отменные – в логике, риторике, истории и географии, за что ученик второго класса награжден книгой «Руководство к механике», изданной для народных училищ Российской империи. «Ни одна минута не пропадала

у него даром, – вспоминал его родственник Д.П. Иванов, – он или читал, или списывал что-нибудь прочитанное в тетрадь (с этого времени он делал целые сборники стихов), или беседовал с дельными людьми, или предавался в одиночку размышлениям»[1].

Вся дальнейшая судьба В.Г. Белинского связана, условно говоря, с Москвой (московский период 1833–1839) и Петербургом (1839–1848), где он работал в качестве литературного критика в разных журналах. Он разработал своеобразную систему взглядов, открыл широкому кругу читателей новые писательские имена, создал основные литературоведческие понятия, способствовал превращению художественной литературы и критики в острое оружие борьбы против несправедливых сторон жизни существовавшего строя. В условиях крепостничества 1840-х гг. его статьи явились ярким лучом надежды на лучшее будущее России.

Не более 15 лет работал он в литературе, однако наследие оставил обширное. При этом необходимо учесть всяческие преграды, чинимые цензурой при публикации статей. Соратники и единомышленники с чувством глубокой скорби переживали полученное известие о смерти критика, зато официальные правительственные круги открыто радовались такой новости. Начальник штаба корпуса жандармов Л.В. Дубельт с ненавистью заметил: «Жаль! Мы бы сгноили его в крепости». Правительство запретило издавать сочинения и даже упоминать имя ненавистного им свободолюбца в печати. «Неистовый Виссарион» и после смерти был для них страшен, не давал им покоя. По сути дела, имя его было под запретом. В музее В.Г. Белинского в городе, носящем сегодня его имя, хранится донесение тайного агента жандармерии. «В этом собрании Ф.М. Достоевский читал переписку Гоголя с Белинским… Все общество было как бы наэлектризовано»[2]. Осужденных за крамолу (Достоевский, Дуров, Момбелли, Пальма, Филиппов), приговоренных к расстрелу, помиловали только в последнюю минуту, заменив расстрел каторжными работами. Процитирую ещё один документ из экспонатов упомянутого мною музея – «Журнала Комитета по делам цензуры». На его первой странице красуется резолюция: «Государь император по положению Комитета 2 апреля 1848 г. высочайше повелеть соизволил: «Отечественные записки» прежних лет (со статьями Белинского и Герцена) при открываемой где-либо продаже… были немедленно скупаемы… и предаваемы истреблению»[3]. Повеление монарха беспрекословно исполнялось и не только по этому журналу, но и по «Современнику».

Казалось бы, ещё десять-двадцать лет и работы «неистового» Виссариона забудутся. Печальные думы поколения 1860-х гг. с глубокой болью выразил Н.А. Некрасов в 1855 г. в стихотворении «Памяти приятеля»:

Замучен жизнью трудовой
И постоянной нищетой,
Он умер… Помянуть печатно
Его не смели… Так о нем
Слабеет память с каждым днем
И скоро сгибнет невозвратно…

К счастью, не сгинул труженик пера. В тех же 1860–70-х гг. стали появляться «новые люди», которые вновь открывали для себя Белинского. Как ни старались жандармы заглушить смелый голос крамольного сочинителя, ничего не удалось. Память о нём постоянно жила в сердцах лучших людей страны. Известный учёный методист русской литературы, участник торжественного собрания в Пензе в мае 1898 г. в честь 50-летия со дня смерти Виссариона Григорьевича Белинского, В.П. Острогорский оставил любопытные воспоминания о гимназических годах: «Гимназистами мы читали Белинского украдкой в старших классах мы уже знали всего Белинского, хотя имя это не могло ещё проникнуть в гимназические программы. Но мы его и в гимназии ус-

лышали. Однажды мой учитель в Третьей гимназии Стоюнин, пришел в класс подготовить нас к экзамену. «Знаете ли, какой сегодня день? Сегодня – 26 мая, годовщина смерти Белинского!» Мы знали, мы были подготовлены и услышали в гимназии живое, убежденное слово Стоюнина, того Стоюнина, которого вместе с Ушинским, Пироговым и Водовозовым нужно считать преемниками Белинского в области русской педагогики, куда они внесли и заветы великого критика»[4].

Справедливость постепенно торжествовала: в феврале 1856 г. вышла книга стихов А.Н. Кольцова со статьей Белинского «О жизни и сочинениях Кольцова». В этом же году в майском номере «Современника» Н.Г. Чернышевский даёт высокую оценку его творчеству в своих «Очерках гоголевского периода русской литературы». В начале 1870-х гг. А.Н. Пыпин издает первую научную биографию на страницах журнала «Вестник Европы», а затем, в 1876 г. – отдельным изданием в двух томах. 50-летний рубеж (1898) после смерти В.Г. Белинского – особая дата в биографии критика. Передовая общественность России того времени отмечала этот год, как год воскрешения учёного, мыслителя, писателя, педагога, культурного деятеля, каким был В.Г. Белинский.

Как реагировала пензенская общественность на памятные даты, связанные с деятельностью великого критика? «Пензенские губернские ведомости», выходившие с 1838 г., только в 1866 г. в № 174 упомянули его имя в заметке о Чембаре. К этому времени (1859–1862) вышло первое собрание сочинений[5] стараниями друзей Н.Х. Кетчером и Н.М. Щепкиным, сыном известного актера. Вскоре появляются воспоминания Тютчева, Гончарова, Анненкова, Панаевой.

Вторая волна памяти началась в 1898 г. – к 50-летию со дня смерти писателя. Инициатором выступили преподаватели Первой мужской гимназии за шесть лет до этой знаменательной даты. Пензенское лермонтовское общество и библиотека М.Ю. Лермонтова наметили программу проведения памятных торжеств. По-иному реагировали власти по поводу энтузиазма общественности: рост популярности Белинского испугал их, со статьями, принижающими роль критика, выступили либерально настроенные писатели и журналисты. Против инициативы пензенских преподавателей выступило и начальство от образования. На письмо директора Первой мужской гимназии попечителю Харьковского учебного округа последовало запрещение. В ответном письме в Пензу от 7 мая 1898 г. сказано: «Ходатайство Вашего высокоблагородия… о разрешении отпраздновать в Пензенской Первой гимназии 50-летие со дня смерти писателя В.Г. Белинского, согласно с мнением статс-секретаря Победоносцева, отклонить»[6].

В Пензе официально было запрещено участие гимназистов в памятном мероприятии. Тем не менее, «кружок пензенской интеллигенции» организовал выпуск научного сборника[7]. Из этого сборника (ст.5.) можно узнать и об отказе властей поставить памятник великому русскому критику[8].

«Дни Белинского», судя по газетным статьям, проходили в Петербурге, Москве, Одессе, Киеве, Харькове, Кишиневе, Казани, Самаре, Ставрополе, Новочеркасске, Тамбове, Батуми, Екатеринбурге.

Примерно по такому же сценарию, как в Пензе, проходили торжества в соседней, Саратовской губернии. Кстати, на чествовании в Пензе присутствовали делегаты из Саратова – представитель «Саратовского дневника» Б. Маркович и от «Саратовского листка» В. Волжин. В городском театре Саратова не было свободных мест. На сцене театра устроители соорудили бюст виновника торжеств, сделанный преподавателем местного художественного училища. В отличие от «пензенских мероприятий» здесь приняли участие де-

легация рабочих. «Саратовский дневник» так описывает событие: «Тихо звучит похоронный марш в исполнении военного оркестра. При полной тишине зрительного зала занавес был поднят. Члены всех делегаций, помещавшиеся на сцене вокруг бюста Белинского, встали со своих мест. Встала и публика. Пришлось встать перед бюстом «недоучившегося студента» и господину начальнику губернии князю Мещерскому… Речи и музыкальные номера шли своим чередом. Когда представители делегации стали вносить венки и читать надписи на них, публика оживилась. Венков было много – и от города Саратова, и от редакций газет, и от товарищества малоросских артистов, и от учителей воскресных школ. Когда публика, устав аплодировать, только смотрела на сцену, внесли последний, двадцать четвертый венок. На нем было мало написано, но надпись эта была дороже всех других – «В.Г. Белинскому – от саратовских рабочих». Сначала робко, только на галереях, где помещался простой люд, потом все громче и громче звучали аплодисменты…»[9]. Пролетариат своё веское слово скажет позже.

Скромнее прошли мероприятия в стране в 100-летний юбилей со дня памяти Белинского. Объяснить такое явление можно исторической обстановкой тех лет: после первой буржуазной революции 1905 г. наступила пора реакции, когда преследовалось всякое свободомыслие. Маленьким островком на политической карте России оставалась Пензенская губерния. К столетию со дня рождения критика была организована комиссия, хотя она уже заранее предупреждалась властями, что «означенное торжество может в Пензе носить только чисто местный характер». Из «Пензенских городских вестей» (№ 8 за 1911 г.) можно было узнать о намерениях комиссии. Кроме обязательной торжественной панихиды, после литургии «произвести освящение места, назначенного под закладку дома имени Белинского… устроить 1 июня школьный праздник, состоящий из дневного спектакля для учащихся в народном театре с чтением соответствующих юбилею рефератов, – после чего открыть игры на свежем воздухе с музыкой и угощением для детей». Среди намеченных семи пунктов самым важным оказался пятый: «С разрешения думы присвоить «Верхнему гулянью» города названия «Городской парк имени В.Г. Белинского» и поставить в означенном парке памятник Белинскому». Что касается первой части 5-го пункта, после настойчивых действий комиссии, проблема была решена. С 1911 г. наше любимое «зелёное ожерелье города» стало носить имя Виссариона Григорьевича. Так что, в 2016 г. мы праздновали одновременно 205-летие со дня рождения Белинского и 105-летие со дня присвоения парку имени этого выдающегося человека. 4 мая 1911 г. «комиссия постановила ассигновать 100 руб. на устройство ворот при входе в парк со стороны Садовой улицы (ныне ул. Лермонтова), ввиду отсутствия в этом месте приличного входа в парк и необходимости установления на этих воротах надписи, что парк этот именуется парком имени В.Г. Белинского»[10]. С памятником тогда ничего не получилось, денег не хватило, а вот барельеф критику при входе в парк на изящной арке со стороны улицы Садовой все-таки был сооружен. Эти ворота с барельефом снесли в 1950-е гг. Сейчас здесь стоит скульптурный гранитный памятник критику, поставленный в середине 1970-х гг., уже при директоре парка И.Д. Балалаеве.

Отношение к Белинскому коренным образом изменилось с победой Октябрьской революции. Его именем названы улицы, и культурные учреждения, поставлены памятники во многих местах России. При новом общественном строе опубликовано немало научных статей, учебных пособий, монографий, проведено научных конференций, защищено десятки кандидатских и докторских дис-

сертаций о деятельности этого великого труженика. Имя его стало всенародным достоянием не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами. Его произведения переведены почти на все языки народов СССР. Институт русской литературы Академии наук издал полное научное собрание сочинений В.Г. Белинского в тринадцати томах (1953–1959, гл. ред. Н.Ф. Бельчиков), что явилось событием огромного культурного значения.

Важнейшим событием явилось включение критических работ Белинского в школьные программы. Такой шаг правительства был вполне обоснован и полезен, ибо русская классическая литература, особенно первой половины девятнадцатого века, была бы неполной без её признанного самими писателями толкователя. Статьи Белинского помогали школьникам разобраться в идейно-художественном своеобразии литературы, как бы подсказывая учителям правильные оценочные решения художественных текстов.

В двадцатом столетии, как и в девятнадцатом, были свои памятные даты в чествовании литературного критика. Разница сказывалась лишь в том, что они носили общероссийский масштаб, а правильнее назвать слово «всесоюзный». Назову самые важные: в 1933 г., в доме, где прошли детские годы Белинского, открыт литературно-мемориальный музей, в 1969-м он преобразован в музей-усадьбу. По сути дела, с каждой знаменательной датой критика здесь менялись выставочные экспозиции. Знаменательной датой в жизни страны и Пензенской области явился столетний юбилей со дня смерти критика. 13 июня 1948 г. Пензу посетила большая группа гостей-писателей, поэтов, ученых-филологов. В сквере напротив драматического театра был заложен памятник В.Г. Белинскому. Готовится к торжествам стали за два года до события. Несмотря на тяжелые экономические условия в стране (только что закончилась самая кровопролитная и разрушительная война) Пензенский облисполком принял постановление № 282 «О мероприятиях по подготовке и проведению 100-летия со дня смерти В.Г. Белинского (1848–1948)». В комиссию вошли главные чиновники области и ответственные за культуру и идеологическую пропаганду. Работа по проведению мероприятия активизировалась после постановления Совета министров СССР «О 100-летии со дня смерти В.Г. Белинского». На уровне огромного государства, каким был тогда СССР, создается комиссия под председательством писателя А.А. Фадеева. Город Чембар переименован в Белинский, на железнодорожной станции «Белинская» (Каменка) установлен бюст критика, воздвигнут памятник В.Г. Белинскому около драматического театра в Пензе, сооружены мемориальные доски в местах, связанных с деятельностью критика, проведены научные конференции и встречи гостей столицы с пензенцами, изданы книги и буклеты. Пензенский государственный педагогический институт стал носить имя выдающегося критика. Следует заметить, что Постановление Совета Министров СССР за № 1503 «О мероприятиях по увековечиванию памяти В.Г. Белинскому» подписано было И.В. Сталиным.

С приходом к власти в 1991 г. новых политических либеральных сил, ориентированных на капиталистическую форму правления, отношение к великому критику резко изменилось. Государство, хотя и не запрещало «помянуть печатно» имя Белинского, как было в капиталистическом XIX в., но полностью игнорировало его писательское наследие, в памятных «праздничных» мероприятиях не участвовало. Самое, пожалуй, экзекуционное решение было принято в Министерстве образования: имя его было вычеркнуто из школьных программ. Все делалось, чтобы школьники не знали Белинского. Понять подобную позицию государственных чиновников можно, ибо при жизни критик не жаловал жульнические повад-

ки хапуг-капиталистов, выступал против несправедливого строя, калечащего души людей. В письме к В.П. Боткину от 26 декабря 1847 г. он делился своими мыслями: «Не годится государству быть в руках капиталистов... Горе государству, которое в руках капиталистов. Это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов – далее этого они ничего не видят… Торгаш не может иметь интересов, не относящихся к его карману. Для него деньги не средство, а цель, и люди – тоже цель; у него нет к ним любви и сострадания, он свирепее зверя, неумолимее смерти…»[11].

Можно ли согласиться с мнением Белинского? Мы, живущие в условиях нового политического режима, могли бы поучаствовать в дискуссии. Вот здесь-то и начинается «за» и «против». Народная точка зрения на поставленную проблему понятна, она выражена в процитированном мною мнении рабочих: «В.Г. Белинскому – от саратовских рабочих». «Неистовому Виссариону» обязаны подробным и высокоталантливым разбором произведений такие, великие русские писатели, как А.С. Пушкин, А.Н. Кольцов, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов. У Пушкина в «Борисе Годунове» «народ безмолвствует». В XX и XXI вв. он заговорил – выразил свое мнение. Однако в спор вступили государственные власти и чаша весов сразу же заколебалась, подчиняясь правительственной силе тяжести.

Давайте сравним 100-летний и 200-летний юбилеи. О 1948 г. было мною сказано. А что было сделано в 2011 г. Столичные власти проигнорировали эту дату: хваленая четвертая власть как будто в рот воды набрала. Не молчала только Малая Родина Белинского и вся Пензенская область. А что можно было сделать без наличия денежных средств. пензенское Министерство культуры нашло все-таки возможным провести ремонт в Музее Белинского. 200-летний юбилей ещё раз подсказал неувядаемую любовь народа к «светильнику разума» русского народа. Встречаясь с коллегами по работе других городов, всегда отмечаю для себя радостный факт – патриотически настроенная интеллигенция России знает Пензу по Белинскому. Как всегда, пензенцы приняли участие в митинге в городе Белинский и в Пензе, в педагогическом институте прошла научная конференция «Место и роль В.Г. Белинского в развитии русской литературы, критики и журналистики», по материалам которой опубликован сборник статей.

Оценивая творческий путь Белинского невольно приходишь к выводу о разных точках зрения на его талант. Суммируя разные мнения, можно выделить два принципиальных разногласия: «за» Белинского и «против». Эти две позиции существовали и при жизни критика (представители «чистого искусства» и сторонники общественной значимости художественной литературы), и во второй половине XIX в. и в XXI столетии. Исключение составляет, как было сказано выше, отношение к наследию Белинского в годы Советской власти, когда содеянное этим великим человеком стало защищаться государством.

Обращаясь к названию статьи «Помянуть печатно его не смели…», можно говорить о победе здравого смысла в двадцать первом столетии, по проблеме «свободы печатного слова». Сейчас, в принципе, не запрещено говорить о революционном демократе. Память вытравляется из сознания читателей приемом умолчания, начиная со школьного возврата: коли нет в школьных программах Белинского, то учителя словесности побаиваются говорить о нем, а вдруг работодателям не понравится сия вольность. Стоюниных сейчас отыскать весьма трудно, а идейная литература, за которую ратовал Белинский, сегодня не котируется. Процесс вытеснения идей критика из литературного процесса в сегодняшние времена ведётся

либералами на продуманном государственном уровне. Борьба либеральной интеллигенции с идеологией Белинского велась во все времена с переменным успехом. В настоящее же время она проходит как никогда успешно. Такая нездоровая тенденция, безусловно, мешает развитию литературы в стране. Сил, которые могли бы воспрепятствовать деградации литературы что-то не видно. Такие вот не радужные мысли овладевают моим сознанием в дни празднования юбилея Белинского, хотя ещё теплится надежда на то, что народ выразит свое веское слово.

Примечания

1. В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1948. С. 35, 36.

2. *Максяшев П.Ф., Забнев Ф.А.* Государственный музей В.Г. Белинского (путеводитель). Пенза, 1962. С. 86.

3. Там же. С. 87.

4. Памяти В.Г. Белинского: Литературный сборник // Издание Пензенской общественной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова. М., 1899. С. 11.

5. Собрания сочинений: в 12 т. М., 1859–1862.

6. *Максяшев П.Ф., Забнев Ф.А.* Указ. соч. С. 92.

7. «Памяти Белинского. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов. Изд. Пензенской Общественной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова. М., 1898.

8. О подробностях проведения мероприятия можно узнать из статьи К.Д. Вишневского «Белинский и Пензенская общественность». В Сборнике статей, посвящённых 150-летию со дня рождения В.Г. Белинского. Пенза, 1961.

9. В.Г. Белинский. Сборник статей, посвящённых 150-летию со дня рождения. Пенза. 1961. С. 201.

10. Государственный архив Пензенской области. Ф. 108. Оп. 1. Д. 696. Л. 190 об.

11. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953–1959. Т. 12. С. 449, 450.

Т.В. Устимкина

ЛЮБИМЫЙ ТЕАТР ГИМНАЗИСТА БЕЛЫНСКОГО

2016 г. для гениального русского критика Виссариона Григорьевича Белинского – юбилейный. 11 июня (по новому стилю) исполнилось 205 лет со дня его рождения. И для нас, музейщиков и краеведов, всё большую ценность приобретает любая мелочь, касающаяся его пребывания на пензенской земле. А потому вспомнить о театре Гладкова – любимом театре гимназиста Белынского[1] и наиболее часто им посещаемом – кажется нам вполне уместным, тем более что основан он был в 1806 г., т.е. ровно 210 лет тому назад, а значит, тоже был бы юбиляром, если бы в 1829-м его не закрыли[2]. Но обо всём по порядку.

Сегодня нам, жителям XXI столетия, трудно поверить, что 200 лет назад, в начале XIX в., наша губерния по количеству театров была на третьем месте после Москвы и Петербурга, а среди провинциальных городов и губерний – на первом. Это даже послужило поводом для того, чтобы в шутку именовать Пензу мордовскими Афинами. Правда, то были в основном домашние крепостные театры, которые функционировали в помещичьих усадьбах. Постоянных театров для публики в Пензе имелось лишь три. Самый крупный, универсальный и долговечный из них – надворного советника Григория Васильевича Гладкова[3].

В 1806 г. хозяин имений во Владимирской, Нижегородской, Пензенской и Саратовской губерниях, основатель первого в уезде винокуренного завода, откупщик

Белинский в театре.
Художник Б.И. Лебедев

и содержатель питейных заведений, «самый безобразный… безнравственный, жестокий, но довольно умный человек»[4] Григорий Васильевич Гладков, с целью получения дополнительного источника доходов, обращается к губернатору Ф.Л. Вигелю с прошением о дозволении открыть в Пензе первый общедоступный театр. Получив разрешение, предприниматель сооружает на городской площади (на пересечении современных улиц Кирова, Калинина и Лермонтова – *Т.У.*) театральное здание на 25 лож и около 300 мест в партере и на галерее, где в течение 23 лет на суд зрителей представляются «разные пиесы, как то: комедии, дивертиссманы, оперы, драмы и трагедии»[5].

В 1821 г., после смерти Григория Васильевича, театр наследует его сын – Василий Григорьевич Гладков, за необузданный нрав и жестокосердие прозванный Буяновым[6]. По воспоминаниям современников, «фигура его была крайне непривлекательна и носила печать праздной и беспутной жизни небольших помещиков того времени. Он очень походил на цыгана… черный от природы… багровый от постоянных кутежей... Во всех его манерах было что-то зверское, отталкивающее»[7]. Кроме театра, преуспевающий коммерсант имел ковровое и полотняное заведения, кирпичный и винокуренный заводы.

Поначалу, при первом владельце, дела в театре шли из рук вон плохо. Однако со временем, помимо крепостных актеров, в труппе появляются вольнонаемные лицедеи, чиновники, семинаристы, среди которых было немало разносторонне одаренных людей. Свидетельство тому – исполняемый ими репертуар. Какими незаурядными способностями нужно было обладать, чтобы отрепетировать и представить в сезон 55 различных сценических произведений! Причем абсолютное большинство их игралось лишь по одному разу, а некоторые пьесы требовали умения читать стихи, танцевать, играть на музыкальных инструментах, воплощать различные волшебные эффекты и превращения[8]. Возрос профессиональный уровень актерского состава. Улучшилось оформление спектаклей. В 1820-е гг. один из современников отзывался о гладковском детище как «о самом редком из всевозможных театров», «оригинальном» и «замечательном»[9]. И даже не раз наблюдал у его здания толпу фанатов, осаждающих кассу.

В бытность свою пензенским губернатором М.М. Сперанский (1816–1819) в письме к дочери с восторгом сообщал: «Театр наш сделал сущее приобретение в актере из петербургского театра Супрунове. Это – чудо. Я долго не понимал, как с ним расстались, – объяснилось тем, что он пьет запоем. Но, когда не пьян, – играет прекрасно»[10].

Помимо Супрунова, звездой первой величины в труппе Гладкова в ту пору был крепостной Григорий Сулейманов, или «Гришка – отчаяннейший из всех су-

ществовавших трагиков»[11]. На сцене он отличался преувеличенной мимикой, широкими жестами и громкой декламацией. Особенный успех имела пьеса «Отец и дочь», где «Гришка» в роли «сумасшедшего отца, бледный и страшный… неистово врывался на сцену … начинал реветь, потрясать цепями и ворочать глазами страшнейшим образом»[12]. Наряду с «раздирательными» ролями первому трагику часто поручали разносить театральные билеты по домам чиновников, за что последние ублажали его полтинниками. Многие признавали в нём действительный талант, подавленный почти беспрерывным пьянством.

Чрезвычайно популярен у зрителей был и Бурдаев – обладатель великолепного, густого и зычного баса, страстный любитель сцены и талантливый актер. «Трагичность Бурдаева была естественная, а потому благородная и изящная…Он был столоначальник гражданской палаты…и человек весьма почтенный… Служение его драматическому искусству едва ли не было совершенно бескорыстно и истекало… из любви к театру. Одним словом, Бурдаев был царь пензенской сцены»[13].

Женский актерский состав был полностью крепостной. Лучшей певицей в труппе слыла Саша – по свидетельству современников, бесправная мученица, «любовница барина», которую он однажды так «рассек, что она долго не могла ни ходить, ни сидеть, ни лежать»[14].

Среди самых горячих поклонников гладковского театра 1820-х гг. был юный Виссарион Белынский. Во время учебы в Пензенской 1-й мужской гимназии, что находилась на углу улиц Троицкой и Никольской (ныне – здание Литературного музея на ул. Кирова, 2), будущий критик, страстно увлеченный театральными зрелищами, несмотря на скудость средств и постоянную нехватку денег, все-таки находил возможность посещать спектакли общедоступного театра Гладкова. Впоследствии, преисполненный восторга и вдохновения, в одной из своих статей он признается: «Театр! Театр! Каким магическим словом был ты для меня во время оно! Каким невыразимым очарованием потрясал ты… все струны души моей… В тебе я видел весь мир, всю вселенную со всем их разнообразием, великолепием… заманчивой таинственностью!.. Даже и днем, если случится пройти мимо безобразного и неопрятного театра в губернском городе, с каким благоговейным чувством смотришь… на этот «великолепный» храм искусства…снять перед ним шапку как-то стыдно при людях, а остаться с покрытой головою казалось непростительною дерзостью. В каждом актере я думал видеть существо высшее и счастливое…»[15].

Создавая этот великолепный гимн театру, В.Г. Белинский, конечно же, многое знал о тяжелой участи артистов губернского балагана. Однако вряд ли догадывался об истинных масштабах жестокости и произвола дикого и необузданного крепостника Гладкова. Как и раньше, бесправные его лицедеи представляли собой «страдальческие фигуры», у которых «на лицах, сквозь румяны и белила, были иногда заметны синие пятна»[16]. Изо дня в день пьяный самодур поносил их площадной бранью, не давал платья, морил голодом, набрасывался с кулаками и «бил не на живот, а на смерть»[17]. В то время, когда на сцене «какой-нибудь царь или герой, в лице Бурдаева или крепостного Григория, ревел на кого-нибудь из своих подданных, Гладков, не стесняясь, изрыгал громы на этого царя или героя и называл его дураком или скотиной»… А то вдруг срывался с места и грозно летел на сцену, чтобы учинить «немедленную расправу с тем или другим артистом посредством пощечин и зуботычин»[18].

Многие годы жаловались властям жертвы бесправия, писали в различные инстанции возмущенные очевидцы. Дошло до того, что шеф жандармов и главный начальник III Отделения Собс-

твенной Его Императорского Величества канцелярии А.Х. Бенкендорф вынужден был доложить о «произволе и жестокости пензенского помещика Гладкова и о потворстве ему губернского начальства» министру юстиции Д.В. Дашкову и даже самому царю[19]…

В сентябре 1829 г. актер В.Г. Гладкова Петр Карманов бежит в Кузнецк для принесения жалобы на нестерпимые притеснения крепостника, потому что в Пензе «все попытки добиться правды… кончались тем, что жалобщиков били по щекам и секли розгами до крови». В суде он признался, что «помещик, разлучив его с женой, имеет с нею и со всеми дворовыми девками своими любодеяние по принуждению, назначая им очередь…»[20]. Рассказал о жестоком обращении Гладкова с крестьянами, отчего шестеро бежали и возымели намерение убить помещика.

Благодаря вмешательству Н.А. Радищева, сына знаменитого на всю Россию автора «Путешествия из Петербурга в Москву», дело получило широкую огласку. Однако В.Г. Гладков, имея связи в Москве и Петербурге, при полной обоснованности обвинений в разврате, разорении и истязании крепостных, в том числе и актеров, остался почти безнаказанным. Преступнику было предписано церковное покаяние, а имение его в Пензе решено было взять под опеку.

В конце 1829 г. театр был взят на откуп у наследников Василия Гладкова неким господином С-вым. Вскоре он разорился. Часть крепостных актеров перешла в профессионалы. Здание театра ветшало, разрушалось и, наконец, превратилось в «черный, заколдованный дом, населенный большим обществом злых духов и привидений»[21]. Пензенские обыватели на всякий случай старались обходить его стороной…

Такова печальная судьба театра, который столько лет радовал и вдохновлял гимназиста Белынского, ставшего впоследствии великим русским критиком и публицистом – гордостью и славой российской культуры.

Примечания

1. Свою фамилию В.Г. Белинский «смягчил» перед поступлением в университет. В гимназических ведомостях он числился Белынским. См.: В.Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977. С. 592.

2. *Мочалов В.А.* Театр Гладковых // Пензенская энциклопедия. Пенза, М., 2001. С. 604.

3. *Дьяконов В.* Лицедеи, певчие, музыканты. Саратов, 1991. С. 55.

4. *Вигель Ф.Ф.* Записки // Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях: антология. М., 2014. Т. 2. С. 19.

5. *Савин О.М.* Пенза театральная. Пенза, 2008. 624 с.

6. *Дворжанский А.И.* Зимний театр // Губернский город Пенза на рубеже XIX–XX веков. Пенза, 2001. С. 166.

7. *Инсарский В.А.* Половодье. СПб., 1875. С. 254–256.

8. Там же.

9. *Молебнов М.П.* Пензенский крепостной театр Гладковых. Пенза, 1955. С. 24.

10. Там же.

11. *Инсарский В.А.* Указ. соч. С. 254–256.

12. Там же. С. 255.

13. Там же.

14. *Вяземский П.А.* Записные книжки // Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях: антология. М., 2014. Т. 3. С. 44.

15. *Дьяконов В.* Указ. соч. С. 62–63.

16. *Вигель Ф.Ф.* Указ. соч. С. 19.

17. *Вяземский П.А.* Указ. соч. С. 44.

18. *Инсарский В.А.* Там же.

19. Пензенский край XVII в.–1917 г.: Документы и материалы. Саратов, 1980. С. 72.

20. *Дьяконов В.* Указ. соч. С. 63–64.

21. Там же.

П.В. Кашаев

ЦАРСКИЙ ПОДАРОК

Уже с раннего утра 6 февраля 1914 г. в церковно-приходской школе села Старой Михайловки Саранского уезда Пензенской губернии[1] царило необычайное оживление и суета. Причиной этого стало невиданное доселе событие – предстоящее вручение ученику школы Андрею Жаркову подарка Его Величества Государя Императора Николая II – серебряных часов с золотым двуглавым орлом. Как же так произошло, что ученик школы, расположенной в самой глубинке Пензенской губернии был удостоен такого дорогого подарка? Итак, по порядку.

Летом 1913 г., когда вся Россия отмечала 300-летие Дома Романовых, 14-летний житель с. Богородское-Голицыно Саранского уезда[2] Андрей Жарков, увлекающийся рисованием, сделал три рисунка. В первом, основанном на сюжете Евангелия, он изобразил Христа Спасителя в терновом венце и порфире (красной одежде), одетыми на него солдатами, исполнившими приказание Понтия Пилата о бичевании Спасителя. Второй рисунок представлял собой портрет отца императора – Александра III, а третий рисунок – портрет наследника, цесаревича Алексея Николаевича. Рисунки Андрея Жаркова, когда тот был на каникулах в родном селе, увидел священник церкви Казанской Божьей Матери с. Богородского-Голицына Иоанн Темногрудов, они ему очень понравились и он решил отправить их в Священный Синод, самому обер-прокурору Священного Синода В.К. Саблеру[3]. По всей видимости, рисунки заинтересовали обер-прокурора, т.к. он попросил Преосвященного епископа Митрофана[4] сделать свое заключение по ним. Преосвященный перенаправил просьбу обер-прокурора в Пензенскую духовную консисторию, которая в ответ представила свой отзыв о священнике Темногрудове, а также благоприятный отзыв Епархиального наблюдателя церковно-приходских школ об ученике Андрее Жаркове. Мальчику в то время было 14 лет, его отец Иван Жарков, великоросс[5], к тому времени уже умер, и Андрей остался старшим мужчиной в семье, где, кроме него, было еще трое – два брата, 11 и 6 лет, а также их 46-летняя мать. Семья была очень бедной, без лошади, без какой-либо домашней живности, в их пользовании состояло менее пяти десятин[6] земли[7], на которой они засевали только рожь и просо и только на небольшом участке, размером менее одной десятины[8], так как на более обширные посевы у семьи просто не хватало сил и средств. Оставшуюся землю Жарковы сдавали в наем другим крестьянам, что и составляло основной источник семейного дохода.

Несмотря на бедность и трудности крестьянской жизни, Андрей Жарков мечтал стать учителем, поэтому, успешно закончив церковно-приходскую школу в Богородском-Голицыно, он продолжил учебу во второклассной мужской церковной школе с. Старой Михайловки Саран-

ского уезда, расположенной в нескольких десятках вёрст от его родного села. Второклассные школы готовили учителей для школ грамотности, это были специальные трёхгодичные учебные заведения, находящиеся в ведении духовного ведомства. Специфика второклассных школ состояла в том, что преподавательские кадры должны были готовиться из крестьянских детей, «прекрасно знавших жизнь на селе и ещё не испытавших на себе губительных соблазнов городской жизни», как полагали обер-прокурор Священного Синода К.П. Победоносцев[9] и его сподвижники. Основной целью было «покрыть Россию школами грамоты, чтобы сравнительно дёшево и скоро дать русскому народу всеобщую грамотность»[10]. Первые второклассные школы появились в 1896 г., их предписывалось строить вдали от города и фабричных центров, чтобы уменьшить «дурное влияние» на учеников. Второклассные школы учреждались Синодальным училищным советом по представлению епархиальных училищных советов. На каждую второклассную школу в среднем выделялось ежегодно по 3000 рублей, из них: заведующему школою священнику – 360, старшему учителю – 540, двум другим учителям – по 480 каждому, за преподавание пения – 200, на библиотеку и учебные пособия – 140, на содержание учеников в общежитии – 200, на содержание здания и прочие расходы – 600[11]. Распространение второклассные школы получили в основном в Европейской части России, больше всего школ было открыто в Вологодской, Вятской, Киевской, Костромской, Новгородской, Пензенской, Подольской, Симбирской, Смоленской и Тамбовской епархиях. Во второклассные церковные школы могли поступать лица всех сословий православного вероисповедания от тринадцати до семнадцати лет, получившие начальное образование. Возрастной предел при поступлении во второклассную школу являлся препятствием для многих желающих получить педагогическое образование, т.к. начальную школу многие заканчивали в 11 лет. Дожидаясь поступления во второклассную школу как минимум год, дети многое забывали из пройденного материала в начальной школе. Для устранения этого недостатка было разрешено открывать при второклассных школах подготовительные отделения, куда могли поступать дети 11 лет. При поступлении они проходили «проверочное испытание». Во второклассных школах в большинстве своем преподавались: Закон Божий, общая церковная история, церковное пение, русский язык, церковно-славянский язык, отечественная (гражданская и церковная) история, география, естествознание, физика, арифметика, геометрия, рисование, дидактика, методика преподавания предметов начальной школы, начальные практические сведения по гигиене, чистописание и рисование. Практические уроки во второклассных школах преобладали над теоретическими. С разрешения епархиального училищного совета преподавали факультативные курсы (иконописание, музыку, ремесло и сельское хозяйство). Обучение в школе было бесплатным, деньги приходилось платить только ученикам из дальних селений, которые жили в особо устроенных при второклассных школах общежитиях, свое проживание в нем воспитанники оплачивали. Именно в таком общежитии и проживал, по всей видимости, Андрей Жарков. Размер платы за содержание в общежитии определялся советом школы. Окончившие курс второклассной школы могли преподавать в школах грамоты, а также, при желании, могли продолжать обучение в учительских семинариях, поступать на церковную службу и т.д.

Что же собой представляла Старо-Михайловская второклассная церковная школа? Это было довольно большое учебное заведение, в нем обучалось около 100 учеников, учебный год обычно длился с 1 сентября по 13 мая, а с 15 мая по 1 июня проходили переводные и выпускные экза-

мены. Уроки продолжались с 8-30 до 14-00. В трёх «отделениях» школы изучали вышеперечисленные предметы, средняя успеваемость в Старо-Михайловской школе, в основном, не превышала 3-х баллов. Только в старшем «отделении» по естествознанию средняя оценка составляла 4-е балла и по рисованию – 5, что говорило о хорошей постановке преподавания этого предмета. При школе состояла так называемая «образцовая» трехгодичная школа, в которой училось свыше 70 мальчиков и девочек. Именно в этой школе проходили практические занятия учащихся второклассной школы, здесь они получали свой первый опыт в качестве учителей. Следует упомянуть, что учителем в «образцовой» школе с сентября 1910 г., был Ф.И. Петербургский[12], в советское время – известный в Мордовии языковед и педагог[13]. Но вернемся к Старо-Михайловской второклассной школе, в которой учился Андрей Жарков. Преподавателем рисования в ней был Василий Лилов, именно благодаря ему этот предмет в школе стоял не на последнем месте. Обязательных уроков рисования в школе было по два часа в неделю и, дополнительно, послеобеденные занятия. В первом и втором «отделениях» обучались все ученики без исключения, а в третьем – по желанию. В ходе обучения ученикам прививалось умение рисовать не только карандашами, но и масляными красками. Главными сюжетами для рисования служили религиозные темы, также рисовали и с натуры – натурщиков, которыми служили сами учащиеся, натюрморты и пейзажи.

Вернемся к рисункам Андрея Жаркова. В один из дней поздней осени 1913 г., когда Николай II находился в своей летней крымской резиденции в Ливадии, обер-прокурор Священного Синода В.К. Саблер показал его рисунки царю. Вот как это было описано в отношении[14] от 21 января 1914 г. за № 1286 Пензенской духовной консистории в Пензенский епархиальный училищный совет: «…обер-прокурор Св. Синода имел счастье повергнуть на Высочайшее Государя Императора благовоззрение рисунки обучающегося в Старо-Михайловской второклассной церковно-приходской школе Саранского уезда мальчика Андрея Жаркова при всеподданнейшем докладе, на котором Его Императорскому Величеству в 27 день того же ноября, в Ливадии, благоудно было Собственноручно начертать: “Серебряные часы с гербом”». Далее в отношении говорилось: «Сообщая о таковой Всемилостивейшей Его Императорского Величества резолюции, г[осподин] товарищ[15] обер-прокурора Св. Синода препроводил Его Преосвященству серебряные с цепочкой часы с золотым изображением Государственгного Герба и удостоверение на этот Высочайший подарок за № 20774 для выдачи их ученику Жаркову. Сообщая о вышеизложенном и препровождая при сем серебряные с цепочкой часы с Государственным гербом, Высочайше пожалованные ученику Старо-Михайловской второклассной церковно-приходской школы Андрею Жаркову и удостоверение на этот Высочайший подарок, Консистория честь имеет просить Училищный Совет выдать их по принадлежности, о чем и уведомить Консисторию»[16].

Коснемся непосредственно «царских» часов. Известно, что часы с государственным гербом вручались только в виде подарка из Кабинета Его Императорского Величества. Вот что написано в «Обзоре деятельности Министерства Императорского Двора и уделов за время царствования в бозе почившего Государя Императора Александра III (1881–1894 гг.)»: «Что касается деятельности Кабинета по камеральному отделу…, то она выражалась главным образом в приобретении, хранении и расходовании Всемилостивейше жалуемых вещей. Выдача Всемилостивейше жалуемых подарков по Министерству Императорского Двора производились по распоряжению Министра Двора, а подарки, жалуемые по другим ведомствам, отпускались по Вы-

сочайшим повелениям, сообщаемым министрами и главноуправляющими или подведомственными им установлениями. На счет Кабинета жаловались подарки: во время Высочайших путешествий, за крестины, за поднесение вещей и посвящение сочинений, а также подарки, назначаемые лично Их Величествами без всякого с чьей либо стороны представления»[17]. Всего из 15 тыс. часов, закупленных через Кабинет Его Величества за тридцать предреволюционных лет, более 80% были часы фирмы «Павел Буре». Часы могли быть вручены независимо от звания и должности за хорошую службу во время «Высочайших путешествий», за поднесение вещей и посвящение сочинений, за выслугу лет, за усердие или отличие в каком-либо деле, а также в качестве приза за отличную стрельбу. Обычно награжденным вручались серебряные часы с серебряным же накладным государственным гербом, с золотым же гербом часы вручались реже и ценились дороже. Часы из Кабинета Его Императорского Величества являлись не просто подарком, а наградой, поэтому они заносились в послужные списки награжденных.

Сразу же после получения отношения из Пензенской духовной консистории, Пензенский епархиальный училищный совет сообщил о Высочайшей награде Саранскому уездному наблюдателю священнику Алексею Добронравову, который незамедлительно выехал в Старо-Михайловскую школу, чтобы сообщить об этом и руководить торжественным вручением Высочайшего подарка. Подробности торжества описаны в журнале экстренного заседания совета Старо-Михайловской второклассной школы, состоявшегося 5 февраля 1914 г. Приведем этот документ полностью:

«Совет Старо-Михайловской второклассной школы в полном составе своих членов, заведующего школой, всех учащих школы, под председательством Уездного наблюдателя Алексия Яковлевича Добронравова, заслушали отношение Пензенского епархиального училищного совета от 29-го января 1914 года за № 179 о пожаловании Высочайшего подарка – серебряных часов с гербом и о передаче сего подарка ученику школы Жаркову Саранским уездным наблюдателем А.Я. Добронравовым.

Постановили: празднование школой торжества по случаю Высочайшего подарка ученику школы А. Жаркову произвести в следующем порядке:

1) В 9 часов утра 6-го февраля с[его] г[ода] – крестный ход из приходского храма в школу в сопровождении всех учащих и учащихся.

2) Чтение о[тцом] Уездным наблюдателем отношения Пензенского епархиального училищного совета.

3) Речь о[тца] Уездного наблюдателя.

4) Благодарственный Богу молебен о благоденствии Его Императорского Величества Государя Императора с возглашением положенного по чину многолетия.

5) Чтение о[тцом] Уездным наблюдателем удостоверения на Высочайший подарок.

6) Передача Высочайшего подарка А. Жаркову.

7) Народный гимн: «Боже Царя храни» (3 раза).

8) Поздравление о[тца] Уездного наблюдателя с Высочайшей милостью школы от имени Преосвященнейших – епископа Митрофана, епископа Григория[18], господина Епархиального наблюдателя и своего имени.

Пение учащимися: «Исполла эти деспота»[19], многолетия и концерт.

9) Ответная речь от совета школы на поздравления.

10) Телеграмма на имя епископа Григория с выражением верноподданнических чувств Государю Императору от Уездного наблюдателя священника Добронравова, священника Темногрудова, учащих и учащихся школы.

11) Представить о сем доклад в Епархиальный училищный совет с приложением расписки ученика Жаркова.

Собрание началось [в] 6 часов и окончилось в 9 часов вечера.

Саранский уездный наблюдатель, священник Алексий Добронравов.

Заведующий школою, священник Петр Трубецкой

Учащие: Василий Лилов

Ив[ан] Христорождественский

Сергей Урюпов»[20].

Нет никаких сомнений в том, что торжества в Старо-Михайловской школе прошли именно так, как и было запланировано. После вручения ему Высочайшего подарка Андрей Жарков написал расписку следующего содержания:

«1914 года февраля 6-го дня. Я, нижеподписавшийся ученик Старо-Михайловской второклассной церковной школы Саранского уезда Пензенской епархии, сын крестьянской вдовы села Богородского-Голицына Саранского уезда Андрей Жарков, выдал сию расписку в том, что я, Жарков, получил Всемилостивейше пожалованный мне подарок – серебряные с цепочкой часы с золотым изображением Государственного герба и удостоверение на Высочайший подарок за № 20774 от о[тца] Саранского уездного наблюдателя в присутствии учащих и учащихся школы, в чем и подписуюсь: ученик Старо-Михайловской второклассной школы Саранского уезда Андрей Жарков». Ниже расписки следовали заверительные подписи и печать школы: «Совет Старо-Михайловской второклассной школы сим удостоверяет подпись руки ученика Жаркова своим подписом и приложением печати. Председатель совета, заведующий школою, священник Петр Трубецкой. Члены: Василий Лилов, учит[ель] Сергей Урюпов». Делопроизводитель, учит[ель] Ив[ан] Христорождественский»[21].

В этот же день Саранский уездный наблюдатель, совместно с советом Старо-Михайловской второклассной школы, отправили в Пензенский епархиальный училищный совет «почтительнейший доклад», в котором они доложили, что «торжество по случаю пожалования Высочайшего подарка ученику школы А. Жаркову происходило согласно прилагаемому при сем Журнальному постановлению от 5-го февраля с[его] г[ода] за № 3, при высокопатриотическом построении всех присутствующих на торжестве. При сем препровождается расписка ученика А. Жаркова на получение Высочайшего подарка – серебряных с цепочкой часов с золотым изображением Государственного герба и удостоверение на этот Высочайший подарок за № 20744»[22].

Так закончилась эта история с рисунками и Высочайшим подарком. Осталась неизвестной дальнейшая судьба подарка и его владельца Андрея Жаркова. Из сети Интернет удалось лишь выявить, что в 1942–1944 гг. Андрей Иванович Жарков являлся деканом художественно-графического факультета Московского городского педагогического института (ныне Московского педагогического государственного университета), ведущего свою историю с 1937 г., когда впервые в СССР были организованы педагогические курсы по подготовке учителей рисования и черчения. Но был ли он именно тем 14-летним мальчиком, который получил «царский подарок», остается пока невыясненным.

Примечания

1. Ныне село, центр сельской администрации в Ромодановском районе Республики Мордовия. Население 102 чел. (2001 г.), в основном русские.

2. Ныне с. Первомайск (с 1940 г.) – центр сельской администрации в Лямбирском районе Республики Мордовия. Население 906 чел. (2001 г.), в основном русские.

3. *Саблер Владимир Карлович* (1845–1929), обер-прокурор Святейшего Синода в 1911–1915 гг.

4. *Митрофан* (в миру Митрофан Васильевич Симашкевич) (1845–ок. 1930), епископ Пензенский и Саранский с июля 1907 г. по январь 1915 г.

5. Великороссы – устаревшее (официальное) название русских, наименование русских в Российской империи, в которой великороссы вместе с белорусами и малороссами считались частью единого русского православного народа. Такая национальность, наряду с другими, проставлялась в паспорте Российской империи до 1917 г. После Октябрьской революции слово стало выходить из употребления.

6. Десятина – единица площади в России до 1918 г., равная 1,0925 га.

7. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 158. Оп. 3. Д. 4304. Л. 69.

8. ГАПО. Там же. Л. 69об.

9. *Победоносцев Константин Петрович* (1827–1907), обер-прокурор Святейшего Синода в 1880-1905 гг.

10. Владимирские епархиальные ведомости, 1907 г., № 15. С. 239–245.

11. Узаконения и распоряжения Правительства и Высшего церковно-школьного управления по делам церковных школ за 1902–1905 гг. Вып. I–IV. СПб., 1914. С. 3–4.

12. ГАПО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 366. Л. 49об–50.

13. *Петербургский Федор Иванович* (1890–1964), языковед, педагог, организатор и участник первых научных конференций по мордовским языкам. Разрабатывал нормы орфографии и терминологию мокшанского языка. Автор учебников для мордовских школ, в том числе букваря.

14. *Отношение* – устар., род документа, форма официальных письменных сношений. Отношениями сносились учреждения и лица, не состоящие в подчинении одно другому.

15. С 1864 по 1917 гг. существовала должность «товарища» (заместителя) обер-прокурора с правами и обязанностями, присвоенными товарищам министров.

16. ГАПО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 407. Л. 1.

17. Обзор деятельности Министерства Императорского Двора и уделов за время царствования в бозе почившего Государя Императора Александра III (1881–1894 гг.). СПб., 1901. С. 97.

18. *Григорий II* (в миру Григорий Степанович Соколов) (1843–1928), епископ, в 1910–1915 гг. управлял Пензенской епархией во время отсутствия епархиального архиерея Митрофана (Симашкевича), а также нередко подменял его во время его поездок с обозрением церквей и при освящении храмов.

19. Исполла эти деспота – (с греческого буквально: на многие лета здравствуй, господин) – в христианском веровании, приветствие, которое поют певчие архиерею во время богослужений, особенно после благословения им с амвона присутствующих в храме.

20. ГАПО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 407. Л. 3-4

21. ГАПО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 407. Л. 5.

22. ГАПО. Там же. Л. 2.

Н.В. Четвертков

ОПЬЯНЁННЫЕ РАДОСТЬЮ СВОБОДЫ
(К 100-летию Февральской революции в России)

1 марта 1917 г. в Пензу пришла телеграмма председателя Государственной думы М.В. Родзянко о государственном перевороте в Петрограде, встревожившая местную власть. Губернатор А.А. Евреинов собрал чиновников для ознакомления с текстом телеграммы. После прочтения было решено не публиковать её в местной газете «Пензенские губернские ведомости» дабы не волновать народ.

Однако уже утром 2 марта газета «Чернозём», издававшаяся губернским земством, опубликовала телеграмму депутата Государственной думы А. Бубликова: «Его величество Николай II

отрекся от престола… Сформирован исполнительный комитет Государственной думы. Комитет вынужден взять на себя восстановление порядка в Петрограде. Во имя долга перед Родиной призываем население к спокойствию»[1].

Вести о Февральской революции взорвали размеренный ритм жизни в Сурском крае. Пенза вздыбилась. Всюду проходили митинги, собрания. Рабочие, ремесленники, учащаяся молодежь, солдаты приветствовали свержение царского самодержавия, требовали прекращения войны, установления восьмичасового рабочего дня. Вот как воспринимали революцию солдаты местного военного гарнизона: «…И вдруг в роту вбегает побледневший прапорщик Крылов: “Потрясающая новость – царь отрекся!” Он рассказывает, что командир полка в кабинете упал в обморок. В собрании офицеры смяты. А в бараках я не могу даже узнать своих солдат. Со стены сорвали портрет царя, в клочья рвут его и топчут. Солдаты ругаются, приплясывают, поют, словно накатило на них веселое сумасшествие, словно начинается всеобщее счастливое землетрясение. Ещё вчера они даже это трудное для мужских губ слово, а сейчас кричат: “Ура, революция!”»[2].

На следующий день газеты сообщили об аресте правительства, о первых распоряжениях Временного комитета Государственной думы (Временного правительства): о ликвидации всех царских органов управления; о свободе слова, собраний, профсоюзов, политических партий, вероисповеданий. В Пензе были арестованы губернатор А.А. Евреинов, начальник жандармерии и полицмейстер, а их ведомства распущены. Для охраны общественного порядка была создана народная милиция[3].

Вечером 3 марта в Народном доме (ныне на его месте располагается областной драматический театр) состоялся общегородской митинг. Его участники приветствовали Февральскую революцию, одобрили принятые Временным правительством постановления по демократизации российского общества[4]. В губернском центре создаётся Временный исполнительный комитет в количестве 56 чел., 16 из них – рабочие. Позднее он пополняется представителями солдат и офицеров местного гарнизона. 5 марта комиссаром Временного правительства в Пензенской губернии был назначен председатель губернской земской управы князь Леонид Николаевич Кугушев. По городским сплетням: постоянного партнёра губернатора по картёжной игре в винт. Он назначил уездными комиссарами председателей уездных земских управ, возложив на них обязанности исправников, земских начальников и уездных предводителей дворянства[5].

Чтобы как-то сгладить накал страстей и примирить людей разных социальных слоёв, руководство губернии 10 марта провело в Пензе праздник Свободы. Вот как описывает этот праздник его участник прапорщик 140-го запасного пехотного полка, впоследствии известный писатель, Р.Б. Гуль: «На Московской улице красные банты, красные знамёна, полотнища кумача. И откуда достали столько красной материи? Пензяки, без различия состояния, все улыбаются, как на Пасху. На извозчиках, потрясая разбитыми кандалами, в халатах, в войлочных тапочках, в казённых котах едут освобождённые из острога уголовники. С извозчиков они что-то кричат о свободе, о народе. Толпа криками приветствует их. Даже извозчики везут их даром: в России теперь всё даром! “Отречёмся от старого мира!” Тюрьмы уже взломаны, стражники уже сбежали. В свободной стране не может быть тюрем. Теперь свобода всем, совершенная свобода!...

Невыдающийся, безобидный князь Кугушев, ставший против воли революционной властью, от имени революции

обязан принять парад народа и войска на Соборной площади, где в склепе хранится гробница особо чтимого у пензяков архиерея Иннокентия. В каракулевой шапке, в пальто на кенгуровом меху князь стоит на увитой кумачом трибуне рядов с усатым адвокатом, своим помощником. Обоих окружают мешковатые, милые члены управы и гласные думы. Но с трибуны будут говорить теперь не они, их оттеснили; на кровавый кумач лезут совсем новые, из подполья вымахнувшие ораторы.

Тощий юноша с лиловым, несвежим лицом, пропагатор Шадрин, произносит перед толпой невообразимую речь; его не интересует Пенза, отцы города, он не занят даже Россией. Махая над толпой голодными кулачками, он кричит о человечестве, о том, что через все окопы, через все проволочные заграждения, через границы всех государств эта свобода русской революции полетит ко всем, ко всем, ко всем! Толпа гудит, рукоплещет в воздухе кровавыми знамёнами. Толпа хочет того же, чего и он, вот такого веселого и обязательного всеобщего и радостного мирового танца.

Но революционные крики обращаются все-таки и к комиссару Временного правительства, к перепуганному князю Кугушеву. Толпа не видит его испуганного лица. Неподалёку от Кугушева, у трибуны, стоит седоусый бригадный генерал Бем, начальник гарнизона, в петлице его касторовой шинели тоже есть, хотя и небольшой, красный бант. С окраин к центру идут шестьдесят тысяч войска, это сверхчеловеческий парад, сотрясающий воздух над Пензой, такого парада генерал никогда ещё не принимал; блёсткий снег весь изранен солдатскими сапогами.

Я иду впереди роты, слышу сзади: “Нет теперь командиров! Идём как хотим!” Солдаты пьяны и свободой и водкой, всё течёт самотёком, под давлением нечеловеческих сил.

Перед полком на коне едет наш седенький командир. На груди, рядом с орденом св. Владимира, у полковника приколот красный бант и на обледеневшем лице старика вся необычность его ощущений. Сквозь марш долетают пьяные выкрики солдат…

Перед нашей ротой идет ефрейтор с портретом великого князя Николая Николаевича. В бараке, только что вырвавшись из карцера и потому опоздав к самому началу революции, ефрейтор долго не знал, чтоб ему сделать, он папахой сбил икону, ударил её ногой, отшвырнул под нары, орал о “Гришке и Сашке”, топтал обрывки уже растоптанного портрета царя, но вдруг, увидев портрет великого князя, подпрыгнул, сорвал портрет и теперь, заломив вязанковую папаху, идёт с этим портретом перед ротой. Ефрейтор обязательно желает театральности, он крепко заложил за воротник, он покачивается, месит снег пьяными ногами и кому-то с угрожающим лицом то и дело сипло вскрикивает: “Ддда зддрррравсвует Рррадзянка!”

Трубачи устали. На морозе пристывают к трубам губы. Как только обрывается марш, сразу шелестят на снегу тысячи солдатских ног…

– Братцы, долой войну! – кричат высыпавшие из мастерских замасленные железнодорожные рабочие. – Долой! – ревут ответно солдаты. Под бледным полковником боченится от этих криков конь.

На Московской мы столкнулись с желтыми бескозыками драгунского полка, едущего под полувальс, под полумарш. И пока стоим, пропуская конницу, в строй вбегают пьяные от счастья интеллигенты в пальто с каракулевыми воротниками, жмут солдатам и офицерам руки, кричат: “Да здравствует армия! Да здравствуют офицеры”, рёвом “Ура!” солдаты отвечают им.

Под это стонущее “ура” мы подходим к Соборной площади. Головная колонна

с командиром на коне поравнялась уже с трибуной комиссара Временного правительства. Изредка князь Кугушев помахивает каракулевой шапкой в знак приветствия. Со странно сведенным лицом стоит генерал Бем, держа под козырёк. Его белую перчатку я вижу на кровавых полотнищах кумача. А вокруг взлетают папахи, гремят марши, туши. Вместо губернатора с балкона Губернаторского дома взвизгивают несколько его горничных: "Ура, да здравствует революция!"

Но вдруг всё прервали сиплые выкрики: "Бема бьют!" И все кинулись к трибуне комиссара, а с тротуара, ничего не поняв, дамы машут сумочками, кричат "Ура!" Я и прапорщик Быстров сдерживаем наших солдат. Я кричу: "В строй!", я остервенел, я лезу на солдат, я знаю, что если сейчас мы их не сдержим, они может быть, разнесут всё.

– Музыка, музыка! – страшно кричит командир полка. Это он хочет музыкой увести бесстройную размывающуюся полковую колонну. Гулко бухнул большой барабан, но с разных сторон мешаются с музыкой те же хриплые крики: "Бьют, бьют!"

В воротах какого-то дома мы, пять прапорщиков, не выпускаем наседающую на нас толпу. Сзади на снегу валяется голый, пятнистый от кровоподтёков, растоптанный солдатскими сапогами труп полного человека, и в этом трупе, раскинувшем руки и ноги, есть что-то совершенно несообразное с только что виденным командиром бригады и начальником гарнизона.

– Товарищи! Где же свобода?! Товарррищщщи! Это же позор революции! – надрывался ломкий, умоляющий юношеский голос прапорщика Быстрова. Я упёрся кулаком в грудь лезущему на меня солдату, его глаза бессмысленно остекленели, ряд жёлтых словно собачьих зубов ощерился, изо рта тянет самогоном. "Да что ты, осатанел, чёрт!" – кричу я. А солдат только разгорячённый прёт, давит, он только и видит, что валяющийся сзади окровавленный труп. С площади полетает марш, это командир всё ещё хочет увести солдат музыкой…

Упав, я еле выпростался из-под сбивших меня тел; они прорвались; я только вижу их бегущие к трупу подмётки с налипшим на них снегом и меж серых шинелей маленькую, черненькую, гимназическую, опережавшую всех. Возле трупа, размахивая, как мясом, вырванным куском генеральской подкладки, хохочет бородатый солдат: "Вот она, увольнительная записка-то!" И теребя полуоторванную руку трупа, двое солдат перочинным ножом срезают с генеральского пальца затекшее обручальное кольцо.

А революционные шествия мимо князя Кугушева всё идут, там все кричат "Ура" и играет музыка. И только в сумерках солдаты и народ расходятся с площади кто куда»[6].

Это эмоциональный взгляд очевидца событий, а исторические факты говорят следующее: 12 марта Совет солдатских и офицерских депутатов Пензенского военного гарнизона, в присутствии начальника бригады и командиров полков, избрал две комиссии – одна для разработки инструкции о ротных и полковых комитетах, другая – по вопросу об отпуске солдат в связи с полевыми работами в уездах губернии[7]. Выполняя постановление Совета сформированные в полках солдатские команды 13 апреля разъехались по уездам. Для них была определена подённая и сдельная оплата труда, а содержать их должны были хозяева, у которых они будут работать. Из-за нехватки рабочих рук на сельскохозяйственных работах рекомендовалось создать «дружины из эвакуированных солдат». Первая такая дружина в составе 800 чел. была направлена в Инсарский уезд. «Дружинники должны были реквизировать земские и частные прокатные молотилки и начать немедленно обмолачивать хлеб для пе-

редачи его уполномоченному по снабжению армии хлебом»[8].

Вечером 12 марта в Народном доме собрание представителей 24 фабрик, заводов и других промышленных предприятий Пензы избрало Совет рабочих депутатов. Своей целью он провозгласил: «…а) всемерно поддерживать Петроградский и Московский советы рабочих и солдатских депутатов в их неослабном контроле над деятельностью Временного правительства в закреплении завоёванных политических свобод, установить такой же контроль над деятельностью Пензенского губернского исполнительного комитета»[9].

13 марта Совет солдатских и офицерских депутатов объединился с Советом рабочих депутатов, создав Пензенский совет рабочих и солдатских депутатов. В исполком выбрали восемь депутатов от рабочих и столько же от солдатских депутатов. Председателем объединенного Совета стал машинист Пензенского паровозного депо, руководитель Пензенской группы РСДРП, депутат Второй Государственной думы Н.С. Степанов[10].

Объединённый совет приступил к организации профессиональных союзов, заводских и полковых комитетов, а также обратился в Городскую думу с предложением включить в её состав на равных правах с остальными гласными шести представителей от Совета[11]. В Пензе начался процесс создания профсоюзных организаций и рабочих комитетов. Они начали борьбу за 8-ми- часовой рабочий день, улучшение условий труда, за повышение заработной платы в связи с ростом цен на продукты питания и предметы первой необходимости. Рабочие-строители приняли решение ввести с 22 марта восьмичасовой рабочий день. Их примеру последовали труженики железнодорожного депо, завода Лебедева, торгово-промышленного товарищества на паях П.В. Сергеева[12]. Так, Совет рабочих депутатов Верхнеломовской спичечной фабрики добился повышения заработной платы на 100%, а также запрета увольнения рабочих и служащих без его согласия[13].

Прошедший в Пензе с 7 по 10 апреля Губернский крестьянский съезд избрал Совет крестьянских депутатов, который объединился с Советом рабочих и солдатских депутатов. 10 апреля был образован губернский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, его руководителем также был избран Н.С. Степанов. С 18 апреля он стал выпускать собственную газету – «Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов», на издание которой было выделено 2000 руб. В состав редакции вошли: С. Арсентьев, Н. Быстров, Г. Коган, В. Кураев, А. Марьин, С. Филатов[14].

Эти события ознаменовали окончание Февральской революции. В стране наступило двоевластие.

Примечания

1. *Морозов В.* Пролог // Пензенская правда. 1967. № 61.

2. *Голов В.* Опьянённые радостью свободы // Мир людей. 1997. № 9.

3. *Морозов В.* Указ соч.

4. Там же.

5. *Шварёв В.* Борьба за установление и упрочение советской власти в Пензенской губернии. Пенза, 1956. С. 20–21.

6. *Гуль Р.Б.* Конь рыжий. Автобиография. Нью-Йорк. 1975. С. 43–46.

7. Чернозём. 1917. № 58.

8. Известия рабочих, крестьянских и военных депутатов. 1917. № 2.

9. Чернозём. 1917. № 56.

10. Там же. № 58.

11.Там же.

12. *Шварёв В.* Указ соч. С. 36–38.

13. Подготовка и победа Великой Октябрьской социалистической революции в Пензенской губернии. Пенза, 1957. С. 75.

14.Там же. С. 9.

И.А. Ильичёв

КАК СОЗДАВАЛСЯ КОЛХОЗ В СЕЛЕ СТАРЫЙ ВАЛОВАЙ

В настоящее время возрастает интерес к устной истории. Это одновременно и метод исторического исследования, и определенный тип исторического источника. «Разговор» с очевидцами исторических событий дает возможность лучше понять жизнь людей предшествующих эпох: их мысли, поступки, отношение к проводимой политике. Вашему вниманию представляются воспоминания Ивана Александровича Ильичёва. Он родился в 1897 г. в с. Старый Валовай Чембарского уезда Пензенской губернии. Сам научился читать и писать. Был участником Гражданской и Великой Отечественной войн. Работал всю жизнь в колхозе. Воспитал четырёх сыновей. Воспоминания редакции представил его младший сын Анатолий Иванович Ильичёв.

ОРГАНИЗАЦИЯ КОЛХОЗА

В 1930 г. в с. Старый Валовай Пачелмского района стал организовываться колхоз. С населением каждой улицы проводились собрания, разъясняли о вступлении и о работе. На вопросы граждан отвечали умно: «Приедешь с работы, отпрягёшь лошадь, сдашь на конюшню и отдыхай. Работать будешь не световой день, а 8 часов. А кто не на лошади – идет на работу в 8 часов и работает 8 часов». Это была большая разница от работы в единоличном хозяйстве.

В феврале 1931 г. в колхоз вступили 20 хозяйств середняков и бедняков. Обобществили рабочий скот и сельхозинвентарь, засыпали семена у кого какие имелись, Председателем колхоза избрали Алексея Дмитриевича Ильичёва, правление колхоза поместили у члена колхоза Федора Андреевича Архиреева. Землю отрезали для колхоза самую лучшую, близко к селу, и луга самые лучшие. Как только организовался колхоз, в селе стало 2 класса сельских хозяйств – колхозники и единоличники. Со стороны единоличников к колхозникам появились ненависть и злоба. Почему колхоз взял хорошие земли и хорошие луга? Все желания единоличников – как бы помешать и навредить колхозу.

В первых числах марта в село приехал секретарь райкома, всех оповестили о проведении общего собрания. В школу пришло много народу, на повестке дня были три вопроса:

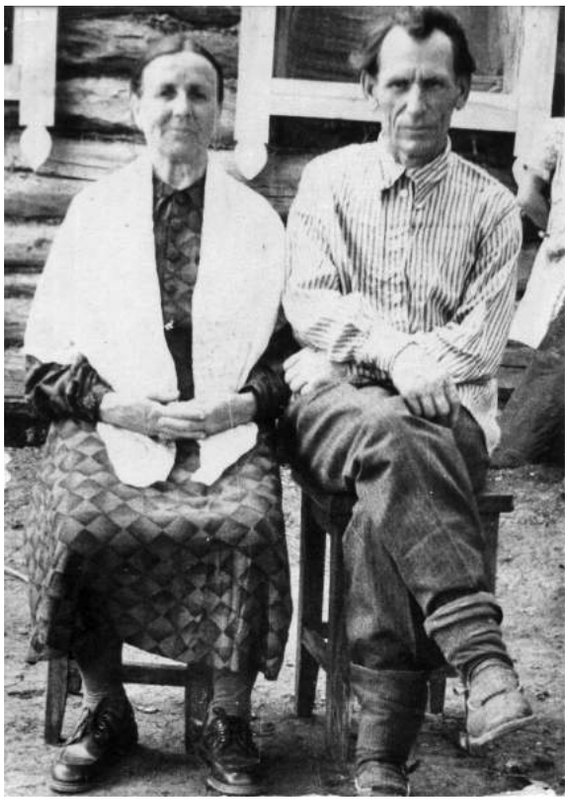
1. Доклад о международном положении;
2. О развитии промышленности;
3. О вступлении в колхоз.

Когда приступили к третьему вопросу, секретарь райкома сказал, что сейчас промышленность страны выпускает много сельхозтехники: трактора, плуги, сеялки. Эта техника не может работать в единоличных хозяйствах, а будет работать только на артельных землях. Так что вступайте добровольно в колхоз.

Федор Петрович Рунов сказал, что если вступать добровольно, то мы не пойдем, а будем жить по-старому, вольно, на своей лошади, куда я захочу туда и поеду, сам себе, своей лошади и своему загону земли хозяин. Несколько человек из присутствующих граждан выкрикнули – правильно, поддержали Рунова. Секретарь райкома ответил Рунову: «Ты товарищ Рунов долго на своем коне не наездишь, а при организации артели вся земля отойдет колхозу, подумай об этом».

С конца марта колхозники стали готовиться к полевым работам. Собрали собрание, распределили, кто какую работу будет выполнять на севе, какой сельхозинвентарь ремонтировать.

В апреле небольшой колхоз выехал на свой первый весенний сев. К людям об-



И.А. Ильичёв с супругой.
1958 г. с. Ст. Валовай.
Из личного архива семьи А.И. Ильичёва

ратился председатель колхоза А.Д. Ильичев: «Видите какой инвентарь у нас, надо надеяться только на свои руки, а всё население смотрит на нас враждебно, желают нам неудачи. И если мы не справимся, то многие будут рады».

Сеять начали по старому обычаю. Игнат Иванович Ганин разделил землю (нарезал лехи – по три сажени в ширину и в длину во весь участок колхозной земли) запряженным в две лошади двухлемешном плужком. По этим лехам севцы шли, разбрасывая зерно руками, неся перед собой кузовок с семенами, каждый по своей лехе.

Севцы: Дмитрий Иванович Ильичев, Иван Андреевич Костин, Иван Акимович Безруков, Иван Иванович Левин, Егор Тимофеевич Гришин. За севцами землю запахивали двухлемешным плужком, запряженным в две лошади, а за ними бороновали деревянными боронами, запряженными в одну лошадь. Сев закончили успешно, быстро. Игнат Иванович Ганин сказал: «Слава Богу работать умеем». Яровой посев взошел нормально.

19 июня А.Д. Ильичев собрал колхозников на собрание и сказал, что мы по плану должны построить конный двор, колхозный амбар, а средств ни копейки. Решили в первую очередь строить конный двор, плетневый. Затем обсудили, когда начинать сенокос. Председатель, сказал: «Мужицкая пословица говорит – накосишь сено до Петрова дня – в возу будет пуд меда, значит ценное и полезное сено, когда косят траву на цвету».

Решили начать косьбу с 22 июня. Колхоз выехал на косьбу лугов на площадь бывшего поселка Кощеевых. Луга тянулись вдоль реки Пачелмы, во время раздополья вода идет по лугам, растут обильные травы. По левую сторону реки тянется большой массив строевого леса, по правую сторону – кустарник разных пород: черемуха, калина, смородина, тальник, неклен, вяз. По реке много озер, заросших водяными травами. Много водится рыбы: щука, голавль, линь, карась. Много выводков диких уток. Косьба лугов идет уже неделю. В жаркую погоду густые травы быстро сохнут. Женщины сгребают сено в валы, старики за ними складывают копны, подростки за стариками подгребают сено.

В Петров день (30 июня по-старому) колхоз вышел заканчивать косьбу, убирать сено. Единоличники праздновали Петров день. В конце села на порядке «бутырки» собрались человек 12 мужиков и обсуждали, как разогнать колхоз. С соседним селом договорились на этот день. Но надо собрать людей со всего села. Для этого послали двух человек, чтобы ходили по дворам и говорили, что собираются угнать стадо коров в заготскот и надо собраться и защитить. Но это не помогло, люди не поверили. Придумали другой способ. Пошли по селу и из каждого дома выгоняли людей, а если не шли, то угрожали. Время было уже 12 часов дня, люди

выходят, собираются, но по пути потихоньку отстают, прячутся. Так толпа прибавлялась и одновременно убавлялась. Оставались только те, кто пришли в заблуждение. На церкви беспрерывно тревожно бил колокол. Толпа дошла до дома Никиты Дмитриевича Монахова, председателя сельсовета. Остановившись, спрашивают, где Никита Дмитриевич, семейные отвечали – его нет дома, а где он мы не знаем. У них перед домом был амбар и Никита Дмитриевич был в амбаре, семейные закрыли его на замок. Кто-то из соседей потихоньку шепнул, что Никита Дмитриевич в амбаре. Толпа стала требовать, чтобы семейные открыли замок, а то будут ломать дверь и, не дождавшись, стали ломать дверь. Никита Дмитриевич оторвал две доски от пола амбара, влез в подпол и вылез с противоположной стороны от толпы, стал убегать. Кто-то из подростков увидел и крикнул – Вон он убегает, толпа бросилась за ним, но не смогла взять в кольцо и остановилась, а четыре человека (один мужик и три бабы) бросились на перехват, но Никита успел добежать до леса, и они вернулись назад.

Толпа дошла до дома Дмитрия Ивановича Ильичёва, отца председателя колхоза, и стали громить, но кто-то замолвил за него слово, что он старый и безвредный человек, пожалели. Толпа подошла к правлению колхоза к дому Федора Андреевича Архиреева. Молодежь была на колхозных работах, а старики владельцы дома попрятались. Толпа начала громить правление колхоза. Начали ломать двери, побили стекла, сломали рамы, повыкидывали, порвали колхозные книги. Бабы усердно старались выкинуть всё из сундуков, порвать все постельные принадлежности. Повыбрасывали все продукты: зерно, муку. Был в погребе зарезанный бычок на общее колхозное питание на полевых работах, разворовали, разобрали по себе. Напротив Архиреева жил Осип Иванович Костин, он был заместителем председателя волостного совета. У него побили стекла, разбили швейную машинку, разорвали постельные принадлежности. Колхозники работали на уборке сена, не зная, что творилось в селе. После обеда снова за работу. Часа в четыре из села прибежал кто-то из родных и рассказал о случившемся. Люди напугались. Григорий Васильевич Шилов сказал, а если они придут снова к нам? Игнат Иванович Ганин ответил – мы вооруженный отряд, мы с косами, они побоятся. Пошли домой и условились – на завтра не собираться в селе, а сразу идти на покос. Шли медленно, дожидались сумерек, чтобы прийти незаметно, кое-кто ночевал не дома, а у родных.

Утром вдруг неожиданно стали собирать людей на собрание к Майорову дому, чтобы по одному человеку со двора. Шли одни по одному, собралось не очень много народу, стояли небольшими партиями. В одной из партий тихо говорили, что теперь не будут заставлять писаться в колхоз, и колхозов больше не будет. Давно бы так надо было сделать. Собрание никто не открывал. Иван Петрович Исаев сказал, что надо послать в район надежного человека, который бы рассказал, не наговорив лишнего, что произошло между двух сторон, как жили мирно, так и будем жить дружно. Решили послать Кузьму Федоровича Романова, человек надежный, приехал в отпуск с производства. На этом и разошлись.

Только что дошли до своих домов и услышали, как в с. Топорихе застучал пулемет. Это вооруженные люди окружили Топориху, дали несколько коротких очередей для острастки и предупредили, чтобы никто никуда не уходил, по убегающим будут стрелять. В этот день 30 июня в Топорихе тоже была заваруха, убили пять человек милиции и некоторых зарыли ещё живых. В Новом Валовае, волостном правлении, порвали все книги, о регистрации молодоженов, родившихся.

1 июля (по старому) в село приехала милиция и председатель волостного

правления Терин. Вызывали людей и тут же на подводы и отправляют в район, в милицию. Все горюют, хватились, что натворили. После ареста и отправки людей в милицию все стали записываться в колхоз, остались только старики и одиночки, дворов десять. 3 июля оповестили на колхозную работу, на косьбу лугов. На работе собрали собрание создали четыре бригады, постановили свести всех лошадей каждый в свою бригаду. Избрали бригадиров, поручили им назначить конюхов. В июле 1931 г. председателю волисполкома Степану Акимовичу Терину райком поручил на общем собрании колхозников в с. Старый Валовай рекомендовать председателем колхоза присланного из 25 тысячников Сергея Матвеевича Миронова – его и избрали. На постой Миронова определили к старичку Ивану Ивановичу Фоминову. Жену у него все звали «Фоминова мамынька», она славилась как сваха.

К этому времени убрали рожь. Убирали вручную. Один мужчина косил, а две женщины идут за ним, свертывают из соломы свясла и вяжут снопы, а вечером сносят снопы в обноса и складывают в крестцы по 13 снопов колосьями в середину, а 13 сноп сверху, закрывают колосья всех снопов. Это делалось для того, чтобы колосья не промочило дождями и зерно не прорастало. Каждая бригада высылала по 20 косцов на уборку ржи.

Правление колхоза разместили в доме раскулаченного Ивана Петровича Сидоркина. Актив возле себя собрал из комсомольцев. Кладовщиком назначил Яшку Горохова. В правлении колхоза открыли библиотеку, библиотекарем поставили Наташку Ларькову, подруги её, тоже комсомолки, Катя Гаврина и Тоня Орешкина были активистками и пользовались большим доверием председателя.

В августе навалилось много работ. Надо было из крестцов возить снопы в скирды на ток, молотить вручную, успеть засеять озимую рожь. Сельхозинвентаря не было, ни молотилки, ни веялок, ни сеялок. Зерно ссыпали в амбары колхозников, кладовщик записывал по счету мер. В сентябре привезли молотилку, работала приводом лошадьми. В октябре уборка закончилась. Снопы из крестцов свезли в скирды, которые стояли по полям по 5–6 штук рядом. Наш район попросил у соседнего Поимского района молотилку, которая сохранилась от помещика в Вишенном хуторе. Молотилку дали на две недели. Молотилку вращал локомобиль паровой при помощи кипения воды при топке соломой. Молотилка очень сильная, снопы подавали в барабан с двух сторон. Справа и слева стояли два задавальщика, лишь только успевали задавать снопы.

В феврале 1932 г. наш колхоз «Красная Звезда» получил трактор «Фордзон» и молотилку. В марте колхозам из района было предписано готовиться к выездам самопроверки по подготовке к весеннему севу. Ново-Воловайский колхоз «Победа» проверял Старо-Воловайский колхоз «Красная Звезда» и наоборот. Для этого назначались в каждом колхозе комиссии.

Стали готовиться к севу, чинить плуги, ремонтировать упряжь, повозки, раскреплять людей по работам, закреплять за людьми лошадей. На 12 марта назначили день выезда осмотра. В 8 часов утра в центре села выехали бригады, стали по порядку: 1, 2, 3, 4. В первой бригаде запряжены девять плугов по две лошади в плугу, шесть борон – парные по две лошади, четыре подводы для возки семян, шесть человек севцов с кузовами для ручного сева, повар для общего питания на сельхоз работах.

Такая же подготовка и в остальных бригадах, другого сельхозинвентаря никакого не было. Из колхоза «Победа» прибыла комиссия из девяти человек: предколхоза, завхоз, бригадир полеводческой бригады, старший конюх, кладовщик, агроном, кузнец, два колхозника. Комиссия проверила плуги, бороны, повозки, упитанность лошадей, кладовщик, как

хранят семена. Все в акте отразили. Весенний сев начали 12 апреля. В колхозе был трёхполевой севооборот. Первые поля – озимые, вторые – яровые, третьи поля – пар. Каждой бригаде приходилось в поле земли по 107 га. Много было залежных суходольных лугов, лежали веками, не пахались, по ним пасли скот. Сев закончили за 18 дней.

В июле 1932 г. председатель С.М. Миронов уехал на родину и председателем колхоза по рекомендации района избрали Степана Акимовича Терина.

Уборка урожая 1932 г. проходила вручную, была всего одна жнейка-самосброска. С.А. Терин оказался хорошим работником. Весной 1933 г. начал строить конюшню в первой бригаде. Лес возили из Ушинки, который отошел мужикам после революции. Построили конюшню на 50 голов лошадей и начали строить в Олешнике на три бригады одну конюшню большую, в зиму закончили строительство.

К уборке урожая 1933 г. приходилось на каждую бригаду по три лобогрейки, работа по уборке хлебов ускорилась, и с приходом двух сложные молотилок.

В июне 1934 г. Терина район отозвал в с. Пачелму на строительство завода по выработке фосфора. Терину выделили на строительство завода две делянки леса в Петунинской даче (лесник Федяшка Кузнецов) при валке леса Терин получил травму – деревом сломало ключицу.

В июне 1934 г. председателем колхоза прислали Заварзина, который был очень дисциплинированным работником. Любил и берег лошадей, не любил лодырей, воров и пьяниц. При нём работа шла хорошо. Заварзин носил военную форму, завсегда при нем была полевая сумка. Федор Петрович Рунов говорил на Заварзина – он был, наверное, офицером старой армии. Заварзин проработал только одно лето. Район отозвал его, и занял он пост начальника милиции Пачелмского района.

С 1 ноября 1934 г. после Заварзина прислали председателем колхоза Федора Ивановича Писарева, бухгалтером был Федор Васильевич Куприянов, Алексей Дмитриевич Кузнецов.

С января 1934 г. стали готовиться к строительству колхозного амбара. Купили у лесничества делянку леса на Кечиной поляне и стали зимой сруб рубить на месте в лесу под руководством бригадира плотников Петра Григорьевича Еськина. К новому урожаю 1935 г. была построена кладовая – сусеки. В каждом сусеке вмещалось 225 ц зерна. Всего в кладовую вмещалось 2250 ц. Посредине был проход в четыре метра под сплошной крышей. Проходила по проходу «полуторка» и проезжали на подводах. Проход был замощен полом вровень с сусеками.

После Писарева председателем колхоза назначили Григория Петровича Соломонова. Он прожил зиму, половину 1935 г. и первую половину 1936 г. Хорошо весенний сев закончил в срок. С уборочной 1936 г. справился хорошо и в срок. Но в зиму 1936 г. из председателей почему-то ушел. Вместо него район рекомендовал председателем колхоза «Красная Звезда» Николая Васильевича Жильцова, опытного по сельскому хозяйству и трезвого человека.

В 1938 г. председателем колхоза стал Степан Акимович Терин. Правая рука у него была совсем не владущая, он её левой рукой поднимал, когда нужно, а так она у него постоянно висела. Стоял он на квартире у Дмитрий Ивановича Ильичёва. В 1938, 1939, 1940 гг. колхоз «Красная Звезда» богател. С.А. Терин славился по району по строительству. В колхозе построили хороший коровник, телятник, конюшню, овчарню. Закупили много всякой сбруи, повозок на железном ходу.

Каждая бригада возила хлеб в заготзерно ежедневно по 15 подвод. Колхозники стали получать на трудодень по четыре килограмма хлеба.

А.Н. Соболев

ТЕХНИКА И МЕТОДЫ РАБОТЫ ГЕРМАНСКОЙ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В 1942–1943 гг.

Деятельность Абвера[1] в Пензенской области активизировалась в 1942 г., когда войска немецко-фашистских захватчиков вышли к Волге. За тот год в нашем регионе было задержано более шестидесяти немецких разведчиков и диверсантов. Полученные от них сведения, а также характер изъятых вещественных доказательств дают нам представление о работе германской разведки на территории Пензенской области в годы Великой Отечественной войны.

«САТУРН» НАД ПЕНЗОЙ

В июне 1941 г. для проведения разведывательно-диверсионной деятельности против Советского Союза в структуре Абвера были созданы специальные команды и группы, приданные штабам армейских группировок[2]. Абверкоманда 103 (до 1943 г. называлась Абверкомандой 1Б), имевшая радиопозывной «Сатурн», вела работу против Западного, Центрального и других фронтов, проводила глубокую разведку, засылая шпионов в Москву, Горький, Саратов, Пензу. Для заброски агентуры в тыл использовались самолёты авиационного отряда майора Гартенфельда «FW-200» и «Ju-86», специально оборудованные для дальних перелетов. Именно такие самолёты появлялись по ночам в небе Земетчинского, Пачелмского, Сердобского районов, выбрасывая парашютистов в безлюдной местности.

Если до начала войны вербовщики Абверкоманды 103 подбирали агентуру из среды белоэмигрантов, то уже с осени 1941 г. предпочтение отдавалось военнопленным, т.к. в отличие от белоэмигрантов они лучше знали реалии жизни в Советском Союзе. Например, в 1943 г. на территории Пензенской области были задержаны бывшие советские военнослужащие А.В. Самохвалов, А.Е. Мирманов и В.В. Клярцевич[3]. Находясь в плену, они согласились сотрудничать с немцами и прошли обучение в разведшколе под Веной. В данном случае наша область рассматривалась лишь как плацдарм для высадки группы разведчиков. В дальнейшем им предстояло разделиться и выполнять задания в Челябинске, Иркутске и Ташкенте. Пензенская область являлась крупным промышленным и железнодорожным центром, поэтому тоже представляла интерес для вражеской разведки. Пик её активности в нашем регионе пришёлся на 1942–1943 гг. Обычно перед агентами ставились относительно простые задачи: наблюдение за транспортом, войсками, работой стратегически важных объектов, а также получение нужной информации методом агентурного подхода[4]. Более сложные мероприятия такие, как внедрение на режимные объекты, в армию или спецслужбы, реализовались относительно редко, т.к. это связано с большим риском и сложностями. Подавляющее большинство агентов не были готовы к подобной работе. Даже в образцово-показательной Варшавской резведшколе Абвера время подготовки агентуры занимало всего лишь от двух до шести месяцев. За это время невозможно подготовить профессионального разведчика. Тактика блицкрига предполагала скоротечную войну, поэтому в ожидании скорой победы руководство немецких разведорганов изначально не планировало долговременное обучение своих агентов. Расчёт делался не на их качество, а на количество.

О ЧЁМ РАССКАЗЫВАЛИ «ЛЕГЕНДЫ»

Для успешной и безопасной работы в советском тылу разведчики обеспечивались легендами прикрытия. Помимо основной

легенды подготавливали и запасную. Основная легенда содержала в себе выдуманные автобиографические данные, причины нахождения в данном районе и т.д. Запасная использовалась в случае провала или других чрезвычайных обстоятельствах. Чаще всего немецкие агенты прибывали в Пензенскую область под видом командированных военнослужащих, интендантов, служащих тыловых частей. С помощью такой легенды можно легко объяснить появление агента в городе, отсутствие у него здесь знакомых, незнание местности, а также его внезапный отъезд в неизвестном для окружающих направлении. Иногда в легенду прикрытия включали реальные факты из прошлой жизни шпиона, искусно переплетая вымысел и реальность. Так, один из агентов Абвера, уроженец Пензенской области, вернулся домой якобы из-за ранения. Здесь его встретили знакомые и родственники, не знавшие о его работе на немецкую разведку.

Как правило, разведчики прибывали в форме и с документами советских офицеров среднего звена. Это, с одной стороны, давало им относительную свободу в действиях, с другой позволяло избежать излишнего внимания. В некоторых случаях агентура действовала под видом гражданских лиц, но такой вариант использовался реже. Пример такой легенды – агент Иванихин, в апреле 1943 г. заброшенный с парашютом в Салтыковский (ныне Земетчинский) район и поселившийся на окраине Пензы. Выдавая себя за гражданское лицо, он вел наблюдение за передвижением железнодорожных составов.

Во время подготовки агенты должны запомнить все мельчайшие детали своей легенды, которую разрабатывали с учётом психологических особенностей конкретного человека, уровня его образования и интеллекта. Также разведчиков обучали умению правильно вести себя на допросах, обнаруживать слежку, ориентироваться на местности. Зачастую конкретное задание требовало специфических

ПАСПОРТ

Поддельный паспорт немецкого агента, задержанного на территории Пензенской области. Из архива УФСБ по Пензенской области.

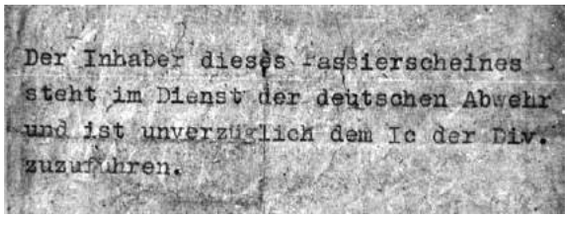
АТТЕСТАТ НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ № 1418

Поддельный аттестат на продовольствие. Из архива УФСБ по Пензенской области.

знаний, которыми агент изначально не обладал. Это учитывалось при подготовке. Самохвалов, Мирманов и Клярцевич должны были собирать сведения об авиазаводах и технических данных самолётов, которые на них выпускались. В соответствии с этими целями проводилась и их подготовка. Обучаясь в Брайтенфуртской разведшколе, они слушали лекции по авиации, изучали силуэты самолётов, вооружение, моторы, парашюты, радиодело, аэродромную технику.

ДОКУМЕНТЫ И ЭКИПИРОВКА

Большое значение придавалось обеспечению агентуры необходимой аппаратурой, документами прикрытия и обмундированием. Каждый разведчик был одет


Der Inhaber dieses Passierscheines
steht im Dienst der deutschen Abwehr
und ist unverzüglich dem Ic der Div.
zuzuführen.

Пропуск немецкого агента. Из архива УФСБ по Пензенской области.

Портативная радиостанция SE 92/3. Использовалась немецкой агентурой в советском тылу. При ежедневных сеансах радиосвязи длительностью 15 минут батареи хватало на год. Из книги: Arthur O. Bauer. Some aspects of the German military "Abwehr" wireless service during the course of World War II. Нидерланды, 2003. С. 6.

в форму, соответствующую его легенде, имел при себе служебное удостоверение, продовольственный аттестат и другие документы (*см. фото*). Приветствовалось наличие семейных фотографий, писем, орденов и медалей. Идеальным вариантом считались документы, изготовленные на настоящих советских бланках, настоящая советская форма и ордена. Естественно, подлинных бланков и экипировки на всех не хватало. Ими обеспечивались лишь немногие агенты, выполнявшие особо важные задания. Для большинства изготавливались более или менее искусные подделки. В структуре Абвера работала специальная команда, занимавшаяся изучением и изготовлением советских документов, печатей, партбилетов.

После выполнения задания разведчик должен возвратиться к своим, но в условиях войны идентификация агента в процессе перехода линии фронта представляла определенные трудности. Поэтому применялась система устных паролей и письменных пропусков (*см. фото*), которые агенты при возвращении должны сказать или предъявить первым встретившимся им немецким военнослужащим. Пропуска изготавливались из бумаги или куска материи, зашивались в одежду. В тексте документа сообщалось, что предъявитель его состоит на службе в Абвере, о чём следует незамедлительно сообщить в отдел 1С штаба дивизии. Эти отделы занимались разведывательной и контрразведывательной деятельностью в германской армии.

В годы войны в фашистской Германии создавались многочисленные модификации очень качественной по тем временам радиоаппаратуры, которая применялась агентурой для передачи в центр разведывательных сведений. На Европейском театре военных действий агентами Абвера часто использовались портативные радиостанции (*см. фото*), помещавшиеся в небольшом чемодане, что было очень удобно: агент под видом командированного военнослужащего с чемоданом не вызывал подозрений. С 1943 г. наиболее востребованными у немецкой разведки стали мощные радиостанции, позволявшие вести передачи из глубокого тыла. В тот год в Пензе впервые изъяли 40-ваттный коротковолновой передатчик с радиусом действия до 10000 километров. Это был знаковый момент: план блицкрига у немцев провалился. Теперь руководство Абвера готовилось к затяжной войне, в которой нужна хорошо законспирированная агентура в глубоком тылу, снабженная аппаратурой дальнего радиуса действия. Но, несмотря на все усилия по улучшению качества разведывательных мероприятий, времени немцам уже не хватало. Дни Третьего Рейха были сочтены.

По материалам УФСБ по Пензенской области.

Примечания

1. Орган военной разведки и контрразведки в Германии в 1919–1944 гг.

2. Сборник справочных материалов об органах германской разведки, действовавших против СССР в период 1941–1945 гг. МГБ СССР. М., 1952.

3. Из докладной записки ГУКР «СМЕРШ» НКО СССР № 228 // Органы государственной безопасности СССР в ВОВ. Сборник документов. М., 2008. Т. 4. Кн. 2. С. 482–484.

4. Возможность получения органами разведки или контрразведки через своих агентов информации от интересующих их лиц. Цит. по: Контрразведывательный словарь. М. 1972. С. 17.

Ю.Б. Горбатова

В ДЖУНГЛЯХ ВЬЕТНАМА

Война во Вьетнаме для нас это что-то далёкое. Мы знаем, что агрессором в этой войне были США. С 1964 г. СССР начал помогать этой маленькой стране. Вместе с поставками вооружения туда были отправлены советские военные специалисты. Среди них были и уроженцы Пензенской области, а также участники Вьетнамской войны, которые по окончании интернациональной службы стали жителями Пензенской области. С некоторыми ветеранами войны во Вьетнаме нам удалось побеседовать, посмотрев на события тех времен глазами их непосредственных участников, что делает данные сведения уникальными.

Участник Вьетнамской войны, Андреев Евгений Александрович, ныне проживающий в г. Пензе, подробно описал свой боевой путь: «Фактически я был во Вьетнаме с самых первых дней боевых действий. У нас сразу были очень высокие показатели сбитых американских самолётов – 90%. Американцы вначале даже думали, что их сбивают непосредственно с территории СССР – настолько для них было неожиданным увидеть советских специалистов в таком количестве во Вьетнаме. Мы предлагали вьетнамскому командованию обстрелять и американские корабли, которые были в зоне досягаемости наших ракет, но вьетнамское руководство добро на эту акцию не дало, побоявшись повторения судьбы Хиросимы и Нагасаки. Тем не менее, американское руководство, получив данные о качестве и количестве советских ракетчиков, отвело корабли дальше от берегов Северного Вьетнама.

В этой войне была применена новая техника Советского Союза, поэтому американцы сразу понесли большие потери. После первых же боев за три дня сменили весь состав американской армии. В новый состав входили немцы, воевавшие ещё против СССР во Второй мировой войне (некоторые имели фашистские награды), таиландцы, японцы, конечно, при американском руководстве. Большинство из них были застрахованные наемные солдаты.

С обеих сторон было применено много новых методов ведения боя. Например, у американцев была тактическая мышеловка, определяющая по излучению наше местонахождение. Так они ходят по кругу около нашей станции на расстоянии выстрела, прорываются и сбрасывают бомбы. Но мы изобрели свой тактический прием против этого: находимся на одной позиции 30–40 минут, а потом собираемся и незаметно переходим на другую позицию. Американцы начинают делать налет на оставленный нами муляж, а мы уже ждем их на новом месте, обычно в районе транспортных путей.

Американцы и мы фактически превратили Вьетнам в полигон для испытания новых видов оружия. У Советского Союза была договоренность с вьетнамца-

Е.А. Андреев на фоне вьетнамской пагоды. 1965 г.

ми – все сбитые самолеты и другие предметы, необходимые нам, отправлялись в СССР для изучения их материальной части. Нам, например, посчастливилось сбить B-52, который упал в болото, и мы его в хорошем состоянии извлекли оттуда и отправили в Москву для исследования.

Также использовали сведения пленных американцев. В концлагерях американцы пробыли недолго, максимум пять лет. Жестоких допросов не было, американцы сами четко отвечали на поставленные вопросы о тактике и вооружении. Они были спокойны, потому что их семьям платили в Америке страховку. Вообще американцы были достойным противником, в небе они были асами, летали замечательно, но были проблемы с патриотическим духом. Умирать они не планировали. Если русские шли до конца, американцы наоборот – как только увидят старт ракеты, не дожидаясь, попадет в самолет или не попадет, не применяя никаких маневров, сразу катапультировались.

Как известно, в небе над Вьетнамом было сбито более четырёх тыс. американских самолётов, но на самом деле их было намного больше – вьетнамцы, видя, что КПД очень высок, начали считать сбитыми самолёты лишь тогда, когда находились и пилоты, и обломки. Это было сделано на всякий случай, чтобы оправдать низкий КПД собственных расчётов, если бы советские специалисты ушли. В небе Вьетнама находилось одновременно до 800 американских самолётов в час, аэродромы Южного Вьетнама были хорошо приспособлены американцами для нужд ВВС, тогда как в ДРВ было лишь три хороших аэродрома, и поэтому советские лётчики заведомо оказались в невыигрышном положении – на 1 наш самолёт приходилось 6–8 американских. К тому же советским пилотам запрещалось покидать зону действий рядом с аэропортом. Поэтому роль ракетчиков на данном этапе была решающей»[1].

В 1966 г. Евгений Александрович получил ранение: «Американские заряды были не так опасны своей мощностью в тротиловом эквиваленте, как были опасны осколки от «шрайка» (американская противорадиолокационная ракета AGM-45 «Шрайк»), над наполнением которого они много экспериментировали. Часто осколки были шариковыми и игольчатыми – поражали жизненно важные органы, особенно если учесть, что у «шрайка» была очень большая скорость, близкая к скорости звука. Мой товарищ получил сквозное ранение печени, я также получил ранение от «шрайка», после которого в апреле 1966 г. меня доставили в Москву в госпиталь им. Бурденко, где я прошел курс лечения. До 1980 г. я служил в РВСН и ушел из ВС в 1981 г., после чего долгое время работал во Всесоюзном обществе слепых, т.к. сам являюсь инвалидом первой группы по зрению»[2].

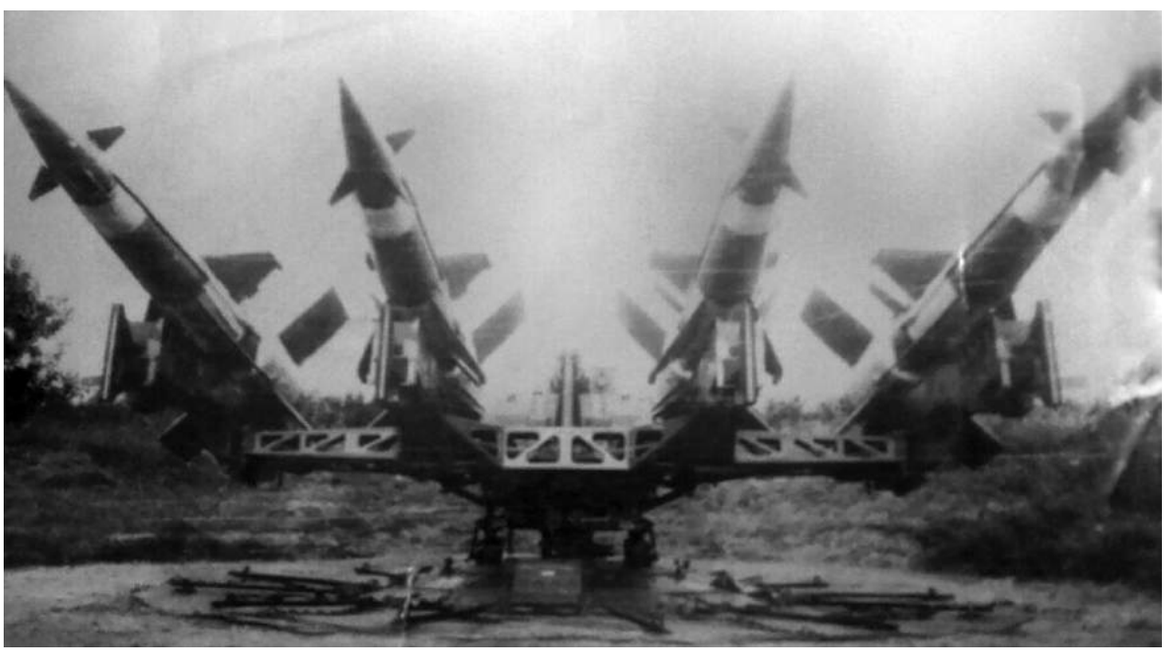
Интересная беседа у нас получилась с Владимиром Леонидовичем Безбахом, ныне жителем г. Заречного. Официально его военная командировка длилась с 15 ноября 1972 по 3 декабря 1973 г., к её началу он был капитаном в возрасте 31 года: «Наша задача – обучение вьетнамцев и поддержание техники в состоянии боевой готовности, хотя наша система так и не принимала участия в боевых действиях. Военное оборудование держалось в пол-

В.Л. Безбах. 1970-е гг.

ном секрете. Прилетели без нашивок утром 16 декабря в Ханой, там было действительно очень жарко. Часто на улицах слышалась русская речь, так как в городе было много советских людей, военных и гражданских, да и многие вьетнамцы учили русский язык.

На следующий день 17 декабря по громкой связи на вьетнамском и русском языках передали срочное сообщение: «Внимание всем, приближаются самолеты противника!», так начались самые страшные 10 дней интенсивной бомбардировки Ханоя американцами. Летающие крепости совершали налеты на аэропорт, электростанции, пути сообщения, предприятия, больницы и т.д. Американцы били по квадратам, и неважно, что находилось на этом участке – рисовое поле или жилой участок с детскими садами и школами. Главная цель – заработать, но остаться в живых, при малейшем повреждении самолета они катапультировались – обученный человек дороже самолета. И нас берегли. В январе 1973 г., когда державы сели за стол переговоров, нам стало легче. В спокойной обстановке готовились к боевым действиям, продолжали учить вьетнамцев, которые запомнились как гостеприимный народ. Война навсегда осталась в моей памяти, но повтора бы не хотелось»[3].

Об идеологической специфике советской помощи Вьетнаму, неприятии расистских и неоколониалистических западных идей советскими военными специалистами говорит отношение ветеранов к войне,



Установка ПВО. Фото В.Л. Безбаха

Начальник Генерального штаба ВНА и группа советских специалистов

вьетнамскому народу, к культуре и быту местного населения: «Война несправедлива, народ выходит из рабского состояния, борется за независимость, а его опять пытаются поработить»[4]. «Вьетнамцы очень храбрый и патриотичный народ, который героически сражался с американскими захватчиками и в рядах Вооруженных Сил, и в партизанских отрядах. Бывали частыми случаи, когда они подрывали американцев вместе с собой. Например, широко известен случай, когда вьетнамская патриотка подорвала себя в гостинице вместе с только что вселившимися туда американскими воздушными асами. К нам они относились крайне дружелюбно, справедливо, видя в нас единственных союзников в борьбе против иноземных оккупантов. Тяжело приходилось вьетнамским летчикам, преимущество в небе, конечно, было за американцами. Гибли тысячами. За что гибли? За свою свободу. Особенно было жалко гражданское население, которое страдало и от своих, и от чужих. Когда вблизи вьетнамского поселения начинались бои, часто было видно женщин, бегущих с целым выводком детей. Кроме того, местное население сильно недоедало из-за разрушения полей и других богатств природы – американцы сбрасывали все виды оружия, зачастую – напалм, фенол, различные химические вещества. Местные безоружные вьетнамцы вели партизанскую войну, используя самые разнообразные методы: с помощью кипятка натравливали на американцев разъяренных слонов, кидали пчелиные ульи, делали в лесу бамбуковые ловушки. Мы даже шутили, когда сбивали американский самолет, что его сбили бамбуковым копьем.

Вьетнамцы очень интересный, талантливый народ. Их искусство поражало своей экзотичностью, мастерством и красотой. На рынках можно было купить очень необычные рукодельные сувениры. Практически на каждом озере в Ханое мы видели удивительные пагоды. В Северном Вьетнаме мы встречали множество прекрасных религиозных храмов, в большинстве своем буддистских. Но верований у вьетнамцев очень много. Однажды мы посетили каодайскую общину, которая признает все религии, считая, что все они говорят об одном Боге. Они носят белые одеяния с Всевидящим глазом на груди, олицетворяющим божественный глаз. В то время это единственная церковь, где может главенствовать женщина»[5].

Также огромный вклад в становление оборонного комплекса и подготовку

личного состава Демократической Республики Вьетнам внесли наши земляки: Парамонов Евгений Иванович, Сергеев Александр Иванович, Дударкин Борис Андреевич, Козлов Валерий Александрович, Соловьев Анатолий Иванович, Щелочков Михаил Петрович, Юрков Олег Ильич, Мельников Игорь Петрович[6].

Примечания

1. Интервью с ветераном Вьетнамской войны Андреевым Евгением Александровичем. Интервьюер – Горбатова Юлия Борисовна. Дата интервью: 30.06.2016 г.

2. Там же.

3. Интервью с ветераном Вьетнамской войны Безбах Владимиром Леонидовичем. Интервьюер – Горбатова Юлия Борисовна. Дата интервью: 20.04.2016 г.

4. Там же.

5. Интервью с ветераном Вьетнамской войны Андреевым Евгением Александровичем. Интервьюер – Горбатова Юлия Борисовна. Дата интервью: 30.06.2016 г.

6. *Шанина А.В.* Пензенцы в локальных конфликтах XX века. // Материалы всероссийской научно-практич. конференции «Моя малая Родина». Степановка-Пенза, 2008. Вып. 5. С. 44–57.

В.Ю. Самсонов

ПЕНЗЕНСКИЕ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

(Продолжение. Начало в № 1 за 2014 г.)

В самом первом номере нашего журнала была затронута тема, которая интересует людей разных поколений – и совсем юных школьников и убеленных сединой старожилов.

Уже в её названии – «Подземные ходы» – кроются большая интрига и тайна.

Есть, конечно, закостеневшие скептики, утверждающие, что никаких подземных ходов в Пензе и на территории области нет и не существовало. Но имеются многочисленные свидетельства очевидцев, путешествовавших в разные годы по «невидимым» тоннелям, а также публикации в местных СМИ об обнаруженных подземельях, и снимки, отчеты исследователей из клуба «Лабиринт».

В предыдущей статье автор попытался классифицировать подземные ходы и пещеры по их предназначению. Начнем знакомство читателей с усадебных ходов.

ТАЙНОЕ УБЕЖИЩЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННИКА ТЮРИНА

…Русские усадьбы во времена народных бунтов и нашествий иноземцев зачастую подвергались безжалостному разорению. А пылали так, что дым пожарищ был виден за многие вёрсты. Не щадили бунтовщики и иноземцы и хозяев усадеб. Поэтому владельцы усадебных строений обзаводились потайными ходами, чтобы в случае смертельной опасности скрыться со своими семьями от врага. Естественно, об этих ходах знал только ограниченный круг лиц.

Редкий по своей красоте дом с резными обрамлениями, в котором сейчас находится Музей народного творчества, когда-то принадлежал пензенскому лесопромышленнику С.Л. Тюрину (1845–1911). Строение является памятником деревянного зодчества первой половины XIX в. Скорее всего, еще до начала возведения этого здания и пришла в голову его богатому владельцу мысль о том, как обезопасить себя от лихих людей. И с началом строительства одновременно стали слуги рыть тайный ход, позже обложенный кирпичом.

С той поры минуло много лет. После Октябрьской революции о подземном ходе новые обитатели дома стали забывать. Не исключено, что прежний хозяин замуровал вход в него.

Бывшая усадьба С.Л. Тюрина. Фото из архива А.И. Дворжанского. 1970-е гг.

Но тайное рано или поздно становится явным. В 1975 г. жителю Пензы Вячеславу Соколову (тогда ещё 13-летнему подростку, проживавшему в доме №4 на углу улиц Красной и Свердлова) удалось с друзьями совершить удивительное путешествие по усадебному тоннелю.

Дом, в котором сейчас находится Музей народного творчества, был тогда в запущенном состоянии, а к намеченной реконструкции ещё не приступили.

– Бродить по старинному особняку было интересно, – вспоминает Вячеслав Викторович. – В одной из комнат мы увидели прекрасно сохранившуюся печь с красными изразцами и майоликой, в другой нашли бутылочку с царским гербом и кипу дореволюционных журналов «Нива». Потом вышли на приусадебную территорию. Напротив парадного входа находился недействующий фонтан. Подошли к нему и обнаружили в центре небольшой провал. Из него торчала водопроводная труба. Нас заинтересовала эта таинственная пустота. Володя Балясников предложил спуститься вниз и исследовать подземное пространство – а вдруг там чего-нибудь найдем…

Лаз, судя по воспоминаниям Вячеслава Викторовича, был небольшой (примерно 50х50 см). Поэтому трое приятелей (худые по комплекции) легко «нырнули» в пролом, а Паша Мышаков из-за своей плотной фигуры остался снаружи.

– Мы очутились в аркообразном ходе, потолок, стены и пол которого были плотно выложены кирпичом, – продолжил свои воспоминания Вячеслав Викторович. – Поскольку осветительных приборов и спичек у нас не было, мы продвинулись метров на пять. Вовка, как самый отчаянный, первый, я второй, Женя последний. Впереди зияла кромешная тьма. А тут ещё Женька решил нас попугать, изображая вурдалака. Пришлось срочно ретироваться. Взбудораженные, мы вылезли на свет Божий и договорились на следующий день во «всеоружии» исследовать этот тоннель.

На второй день, прихватив с собой фонарики, спички, свечи, мы направились к

пролому. Заботливый Паша принес нам сухари.

Спустившись в тоннель, осмотрелись. Он бы невысоким (высотой примерно 1 м 40 см), шириной около метра и идеально прямой. От поверхности земли до свода оказалось не более полуметра. Уходил ход в сторону архиерейского сада (территория нынешнего зоопарка). На специальном кирпичном возвышении у стены пролегали две водопроводные трубы. Как тогда показалось, трубы были медные).

– Мы прошли шагов семьдесят-восемьдесят, пока неожиданно не наткнулись на человеческий скелет в истлевших ботинках, – рассказывает В.В. Соколов. – Кто-то, шутки ради, нагнал страху, кивнув на почерневший от времени череп: «Сейчас он нас укусит…» Испугавшись, с криками мы ломанулись обратно. Но на этом подземное приключение подростков не окончилось. Любопытство оказалось сильнее страха: «А что там дальше – за скелетом?»

– На третий день Вова, как самый бесстрашный, пошел первым, Женя за ним, я замыкающим, – признался Вячеслав Викторович. – Переборов страх, обошли скелет и двинулись дальше. Метров через двадцать наш путь преградил земляной завал (не обвал!). Возле него было сыро, прохладно и неуютно.

Так завершилось необычное подземное путешествие троих приятелей-подростков. Вскоре после этого усадьбу обнесли забором и начались реставрационные работы. Сейчас на месте фонтана большая клумба.

Возникает вопрос: где же находился вход в тоннель? С большой долей вероятности, он был замаскирован где-то в здании.

Вячеслав Викторович Соколов в конце нашей беседы высказал предположение:

– Скорее всего, из одного из озер архиерейского сада, расположенного на возвышенности, в фонтан естественным путем поступала по трубам вода. Озера эти до сих пор сохранились на территории нынешнего зоопарка.

Что ж, вполне правдоподобная версия. Тем более, как показывают исследования – многие ходы, предназначенные ранее только для безопасной эвакуации их хозяев, удобно было использовать для прокладки водопровода. Чем и не преминули воспользоваться жильцы усадеб.

Позже мы познакомим наших читателей с усадебными ходами поместий Иконникова, Воейкова, Устинова на территории нашей области.

(Продолжение следует)

ТОЧКА НА КАРТЕ

В.И. Первушкин

ПОЧЕМУ ОНИ ТАК НАЗЫВАЮТСЯ?

Уважаемые читатели!

В этом номере мы начинаем публикацию сведений о микротопонимах города Пензы. Трактовка некоторых городских названий не бесспорна, Редакционный совет журнала ждёт от Вас новых названий, собственных объяснений уже существующих микротопонимов.

Объяснением названий населенных пунктов занимается специальная наука топонимика (от греч. *topos* – место и *onoma* – «имя»). Топонимика живет на стыке трех областей знания: истории, географии и лингвистики. Любой населенный пункт, будь то город, поселок, село, кроме своего общего топонима, имеет названия отдельных районов, улиц, переулков и т.п. (микротопонимов). Вот и в процессе развития Пензы складывался определенный пласт подобных названий. Каждое время оставляло свои приметы в названиях. Некоторые хранятся долго, но многое всё же исчезает. На сегодняшний день мало осталось микротопонимов прежних лет. Но те, что сохранились, и вновь возникающие в наши дни дополняют страницы истории Пензы. Причем они являются наиболее слабоизученной частью исторического наследия Пензы, которое имеет и реальное воплощение. Так, в год 350-летия Пензы на городских автобусах появились надписи с объяснением городских микротопонимов. Идея эта замечательная, но вот кто автор текста остается пока для нас тайной. Авторство нас интересует лишь в силу того, что трактовка многих названий не просто далека от истории города, но и анекдотична, что, конечно же, не украшает Пензу и не делает её более привлекательной. Объяснение этому явлению мы находим в том, что многие названия имеют разговорный оттенок, несут в себе социальную иронию, своеобразно фиксируя общественное мнение. Но чем больше мы будем знать значение подобных названий, тем полнее будет изучена история нашего города и человек будет лучше знать мир, в котором живет.

Свой рассказ мне хотелось бы начать с самых древних микротопонимов нашего города. Есть в нашем городе улица **Старо-Черкасская**. Уникальность её состоит в том, что по возрасту она старше города. Ещё до строительства крепости Пенза на этом месте был возведен Черкасский острог, главная цель которого была воспрепятствовать набегам кочевников, которые могли свести на нет строительство крепости. Почему же он получил такое название? Как свидетельствуют документы, службу в остроге несли «служилые черкассы» во главе с Юрием Ермолаевичем Котранским. В XVII–XVIII вв. в России черкассами официально называли украинцев. Они-то и несли военную службу в этом остроге.

Вскоре вместо острога была сооружена крепость Пенза, ставшая городом. Жившие раньше служилые черкассы вошли в состав городского населения, образовав Черкасскую слободу. С утвержде-

нием в 1785 г. нового генерального плана застройки Пензы жители слободы были переселены в Ново-Черкасскую слободу (район современной Северной поляны), а на прежнем месте образовалась Старо-Черкасская улица, а район нового расположения слободы и по сей день называется Черкассы, которые в городскую черту были включены только в 1931 г.

Есть в нашем городе, в районе Пензенского государственного университета архитектуры и строительства, маленькая улица, носящая старинное название – **Рогатка**. Происхождение название улицы связано с нахождением здесь заставы – пропускного пункта. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля читаем: «Рогатка – околица, окоп, огорожа вокруг города, с проездами. *Перенять стадо за рогатками,* за заставой, за внешними городскими воротами». Происхождение названия этой улицы, по-видимому, связано с тем, что здесь в старину находился пропускной пункт – подорожная рогатка. Располагалась она на пересечении пути из Ново-Черкасской слободы в Конную.

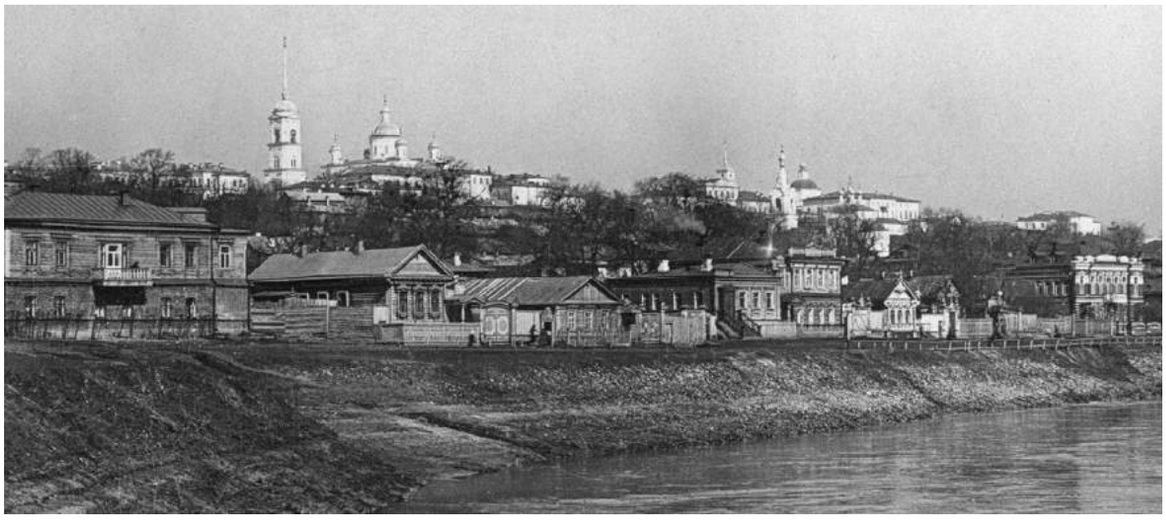
Лесопарковая зона в районе улицы Окружной известна жителям нашего города как «**Засека».** Это название связано со строительством крепости Пенза. Для защиты территории российского государства от набегов крымских и ногайских кочевников сооружались крепости, остроги и «сторожевые линии», так называемые «засечные черты», или «засеки», в виде земляных валов, лесных просек с завалами из срубленных деревьев, поваленных вершинами к неприятельской стороне. На западной окраине Пензы в пригородном лесопарке и проходила одна из таких засек. У жителей нашего города долгое время сохранялась память, что район ЦКПО им. В.Г. Белинского назывался «Верхней засекой». Значит, была и «Нижняя засека», которая, по мнению историков и краеведов, находилась в районе современных улиц: Отдельная, Металлистов, Токарная и Индустриальная, но это название уже не сохранилось в памяти горожан.

Начиная с конца XIX в. «Верхняя засека» или просто «Засека» была любимым местом отдыха горожан. Сегодня здесь располагается Олимпийская аллея – традиционное место проведения различных торжеств и спортивных соревнований. Молодое же поколение пензенцев этот район связывает с названием ресторана «Засека», построенного в 1978 г. В данном случае ресторан стал так называться по месту строительства.

В северо-восточной части города находится поселок **Шуист.** Называется он так по озеру, которое сейчас напоминает больше болото. Мы можем предположить, что в момент прихода черкассов «на Пензу город строить» мордва жила поблизости от крепости. От неё топоним Шуист вошел в речевой обиход русских переселенцев. В языке мордвы-мокши есть слово «шяй» – «болото». Следующим имя образующим формантом стало ныне забытое, архаичное, финно-угорское слово «ис» (река, вода, ручей, приток, протока). Сложение двух этих слов обозначало «болото» + «протока». А окончание – «т» и по сей день в мордовских языках является показателем множественного числа. Таким образом, этот микротопоним следует переводить как «болотистые протоки». Известный пензенский краевед М.С. Полубояров предположил, что это название может быть связано с чувашским языческим именем Шуй, т.е. к имени прибавляется слово «ис» и получается «речка Шуи», но, на наш взгляд, эта точка зрения не имеет серьезного исторического подтверждения. О проживании здесь чувашского населения мы не находим подтверждения ни в археологических, ни в письменных источниках.

Интенсивная хозяйственная деятельность человека, продолжавшаяся в этих местах более трех веков, изменила местность. Теперь здесь нет ни протоков, ни рукавов, сохранилось лишь озеро Шуист, да и оно, кажется, вот-вот сойдет на нет.

Есть в нашем городе поселок с официальным названием Свободный, но горожанам он известен под другим названием



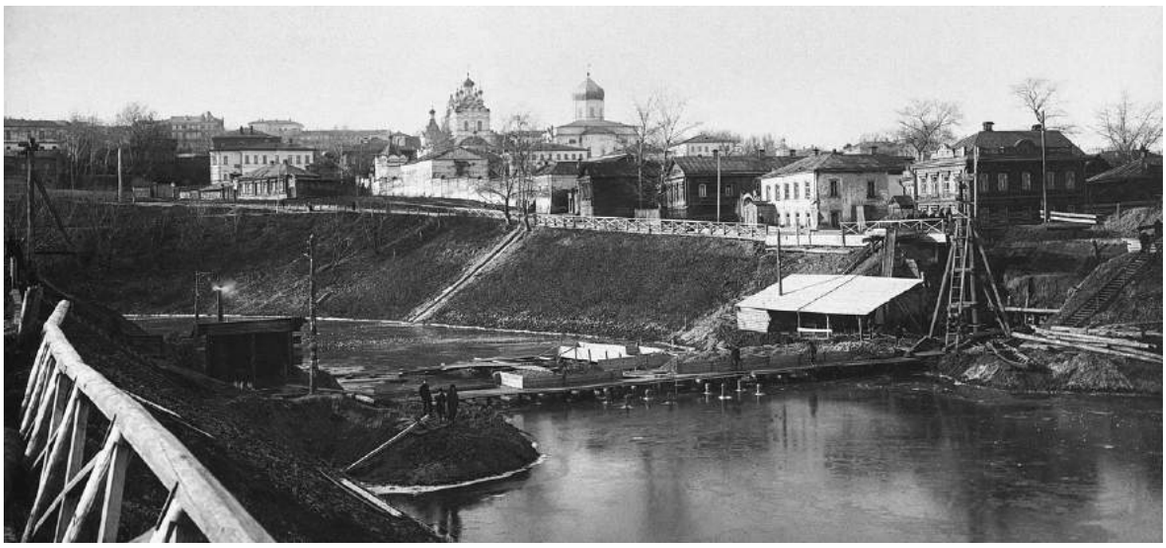
Набережная реки Пензы. Фото Б.И. Цилли, 1910-е гг. Из книги И.С. Шишкина «Пенза. Листая старый альбом. Фотографии 1860-х–1910-х гг.»

– **Маньчжурия**, которое очень далеко от русского языка. Название Маньчжурия вошло в языковой обиход горожан во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Как известно, она шла на территории Маньчжурии – северо-восточной провинции Китая.

На месте нынешнего поселка были установлены солдатские палатки для призывников. Палатки ставились на приречных дюнах-буграх. Зимой 1904–1905 гг. здесь построили из досок бараки. В силу того, что расположение палаток было произвольным по дюнам, то и проходы между бараками, а потом и улицы поселка получились кривые, вдобавок затопляемые в весенние половодье водами Суры и Пензы. Почти как в Китае. Видимо поэтому, это название прочно вошло в городскую микротопонимику.

Коль уж речь зашла о Маньчжурии, мы не можем обойти вниманием, расположенную там улицу – **Перекоп.** Она названа так потому, что расположена на том месте, где преграждался доступ воды во время разлива рек Пензы и Свинухи

Проехав Маньчжурию, мы попадаём в поселок **«Барковка».** О происхождении этого микротопонима мы можем выдвинуть следующие предположения. Оно могло произойти от фамилии Барков, но землевладельца с такой фамилией на этой территории мы не обнаружили. Происхождение названия поселка может быть и от термина бор (борки) «сосновый лес». В пользу этой версии говорит такой довод – на планах города Пензы конца XIX – начала XX вв., на этом месте обозначены первая, вторая и третья рощи, но рощи это все-таки смешанный лес. Хотя трансформацию названия населенного пункта из Б*о*рки в Б*а*рки можно найти у известного лингвиста И.К. Инжеватова в «Топонимическом словаре Мордовской АССР». Более вероятным, на наш взгляд, является происхождение этого микротопонима от слова барка –«сплавное плоскодонное судно для клади». В качестве доказательства этой версии приведем выдержки из статьи В.Х. Хохрякова «О коренном устье реки Пензы и протоке из Калашного затона р. Суры в р. Пензу; об озерах, мостах и судоходстве по р. Суре»: «В 1797 году … пензенский губернский землемер Лопатин договорился с думой построить, из своего материала, Лебедев мост “сделать для прохода *барок* пролет, дабы оных провесть было можно”… По Суре реке судоходство производится в каждой год вешнею водою в больших судах, а мелкими барками во все лето… Суда строются в самом городе Пензе на берегах реки Суры и Пензы лес на постройку оных получаетца… сверху Суры реки бревнами, а распиливаются при самом же городе Пензе на двух пиль-



Строительство моста от ул. Казанской на Пески. Фото А.И. Вакуленко, нач. XX в. Из книги И.С. Шишкина «Пенза. Листая старый альбом. Фотографии 1860-х–1910-х гг.»

ных мельницах на реках Суре и Пензе…»[1]. Из вышеприведенного отрывка мы видим, что в конце XVIII в. мелкие суда строились на окраине Пензы выше по течению рек Пензы и Суры. Почему выше по течению? Да потому, что лес справлялся для них с верховьев Суры, а также при постройке Лебедева моста (район современного ресторана «Бочка») ставилось условие, чтобы барки могли проходить под мостом. Следовательно, строились они где-то в районе современной Барковки, отчего и вся эта местность получила такое название.

На противоположном от Барковки берегу реки Суры находится **«Терновка».** Впервые она упоминается в документе под 1717 г. как село Никольское, Терновка тож, владения Петровского Высокого монастыря. Название Никольское оно получило по церкви, а вот название Терновка возможно носит, ландшафтный характер. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля терновником называется колючее деревцо или куст, а терновкой – терновая наливка. По всей вероятности, в момент основания этого населенного пункта по берегам, протекающей тогда там реки Пензы, в большом количестве произрастал терновник, отсюда и пошло название села.

В 1785 г. в связи утверждением нового генерального плана застройки Пензы сюда были переселены жители Пушкарской слободы служилые люди – пушкари. По сей день здесь есть улица Пушкари. Долгое время с. Терновка было районным центром Пензенской области, а в мае 1978 г. оно вошло в состав г. Пензы.

В это же время в состав нашего города вошло и село «**Кривозерье»,** которое сегодня является его южной окраиной. Получило оно свое название по местности с озером, имевшим неровные, излучистые берега.

По генеральному плану 1785 г. сюда были переселены служилые люди – драгуны. Поэтому даже в XIX в. село называлось либо Кривозёровкой, либо Стародрагунской слободой.

Неподалеку от драгун были выделены земельные угодья и пешим казакам. Их поселение стало именоваться Пешей слободой, которое ныне называется **«Весёловка».** На наш взгляд, последнее название объясняется разгульным, весёлым нравом жителей слободы. Ещё, будучи студентом, известный российский криминалист Н.С. Таганцев в 1860 г. в своих воспоминаниях писал: «Въезд был в Пензу (с Рязанского тракта – *В.П.*) через Пешую слободу, многоизвестную тем, что она, населенная казенными крестьянами, каждый год выгорала, а потом на казенный счёт застраивалась. Потом

нужно было проезжать против тоже местной известности, «Вопилы» – кабака, так прозванного потому, что стоял он рядом с огромною клоакою – болотом из черноземной грязи. Это была такая зловонная гуща, что редкий экипаж мог проехать её свободно… Тогда проезжающие начинали звать на помощь, так сказать вопить, и из кабака вылезали пребывающие там, как бы на дежурстве, непротрезвляющиеся пропойцы…». Современное же название – Весёловка – в документах впервые упоминается в 1864 г.. В состав города Пензы Весёловка также вошла в мае 1978 г.

Рядом с Весёловкой находится микрорайон **«Тепличный».** Он появился на карате города относительно недавно. В декабре 1973 г. была сдана первая очередь тепличного комбината по производству овощей – совхоз «Тепличный». Совхоз и дал название этому микрорайону.

Практически уже забыто название одной из старейших улиц города – **Большая Дорога.** Судя по архивным документам, уже в XVII в. через Пензу проходил Большой Московский тракт или Большая Московская дорога, по которому в столицу тянулись обозы с товарами. Со временем дорога стала городской улицей – Большая Дорога. Однако в 1967 г. она была переименована в честь первого председателя Пензенской губернской ЧК Р.И. Аустрина.

Для многих горожан остается загадкой название – **Набережная реки Пензы,** хотя находится она на левом берегу Суры в самом центре города. Причем эта набережная известна с 1819 г. Такое название она получила потому, что раньше в черте города протекала река Пенза, впадавшая в Суру за Бакунинским мостом. Однако в 1945 г. после прорыва плотины, находившейся около деревни Куриловки, Сура меняет своё течение, поглотив реку Пензу и Набережная реки Пензы оказалась Набережной реки Суры. Но память о реке, давшей название городу, существует в сохранившемся названии.

С Набережной реки Пензы связан и **Лебедевский мост,** который соединял район «Пески» с центральной частью города. Так он стал называться в память Ивана Кондратьевича Лебедева, построившего здесь первый мост через реку Пензу. Однако он простоял недолго, как и последующие деревянные мосты, сооруженные на его месте. Некоторое время мост назывался по имени выходящей на него Казанской улицы. Однако в памяти горожан сохранилось первое название, несмотря на то, что современный мост был построен в 1928 г.

Остров **«Пески»** встречается на планах города ещё в XIX в., но тогда он был окраиной города. В своих воспоминаниях о мятеже белочехов в Пензе, советский писатель, наш земляк, детские годы которого прошли на этом острове, В.П. Ставский в 1924 г. в газете «Трудовая правда» писал: «За рекой раскинулся пригород «Пески», рабочий район…». Преобладающим грунтом на острове является песок отсюда и пошло название острова.

На правом берегу реки Суры, сразу же за Бакунинским (Красным) мостом, находится маленькая улица под малоизвестным современным жителям города именем **Ерик.** Хотя эта улица была уже известна в 1819 г. Ериком обычно называется узкий, глубокий пролив, который соединяет реку или отдельные её рукава с озером. Когда-то на месте нынешней улицы и был такой пролив, соединявший озеро с реками Пензой и Сурой. Часть озера и пролива были засыпаны в конце XIX в. при строительстве железнодорожной насыпи, а воспоминание о них осталось лишь в названии улицы.

Примечания

1. *Хохряков В.Х.* О коренном устье реки Пензы и протоке из Калашного затона р. Суры в р. Пензу; об озерах, мостах и судоходстве по р. Суре // Труды Пензенской ученой архивной комиссии. Пенза, 1905. Т. 3. С. 66, 70.

СОВЕТУЕМ ПОЧИТАТЬ

В.И. Первушкин

КУПРИНСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

В сентябре 2016 г. увидела свет «Купринская энциклопедия» –детище известного пензенского литературоведа и краеведа, члена Региональной общественной организации краеведов Пензенской области – Татьяны Александровны Каймановой.

Купринская энциклопедия первый систематизированный свод материалов о выдающемся русском писателе А.И. Куприне (1870–1938), его родословной, творческом наследии, литературно-общественных связях, современниках, памятных местах, формах репрезентации в различных видах искусства и др.

Издание осуществлено на средства гранта, полученного МОО «Лермонтовское общество» от Правительства Пензенской области в рамках субсидий на поддержку проектов социальных инициатив.

Настоящий универсальный справочник охватывает почти все стороны жизни и творчества нашего земляка и позволяет обозначить широкий круг тем и вопросов, некоторые из которых никогда не поднимались и не исследовались: «Переводческая деятельность Куприна», «Переводы произведений Куприна на иностранные языки», «Драматургическая деятельность», «Редакторская деятельность», «Общественная деятельность Куприна», «Христианские мотивы», «Кинематограф в жизни и творчестве Куприна», «Эпистолярное наследие Куприна», «Иллюстрирование произведений Куприна», «Портреты Куприна», «Карикатуры и шаржи на Куприна», «Спорт в жизни и творчестве Куприна», «Революция Февральская в жизни и творчестве Куприна», «Революция Октябрьская в жизни и творчестве Куприна», «Белое движение в биографии и творчестве Куприна», «Публицистика политическая», «Эмиграция», «Театр», «Фольклоризм», «Музыка в жизни и творчестве Куприна», «Утопии и антиутопии в творчестве Куприна», «Лирика Куприна», «Псевдонимы Куприна», «Туризм как социальное явление в произведениях Куприна» и др. Впервые вводятся в научный оборот неизвестные ранее материалы, связанные с окружением писателя, мотивами творчества. Итоги проведенной работы позволяют расширить представление о личности и деятельности Куприна как писателя, критика, журналиста, поэта, оценить его вклад в развитие литературы как зачинателя в жанре фантастики, приключения и спортивной журналистики.

Издание включает более 1500 статей. Большой раздел составляют персоналии – статьи о лицах, связанных с Куприным: родственниках, друзьях, издателях, редакторах, сослуживцах и т.д. Круг друзей и знакомых писателя очень широк, есть лица известные и малоизвестные: В.Д. Брянский, А.И. Богданович, В.Г. Короленко, К.Д. Бальмонт, Л.Н. Андреев, М.В. Дальский, В.Е. Гущик, А.И. Деникин, А.В. Карташев, Б.С. Пермикин, П.Н.

Краснов, Н.Ф. Колин, Н.П. Кошиц, А.И. Катун, А.М. Горький, А.П. Чехов, И.А. Бунин, И.Е. Репин, Л.Н. Толстой, А.Н. Толстой, Ф.Д. Батюшков, А.В. Руманов, Н.Д. Телешов, Е.Н. Чириков, С.Г. Скиталец, Б.В. Савинков, И.М. Уралов, С.И. Уточкин, П.Е. Щербов, А.М. Федоров, В.А. Гиляровский, В.А. Регинин, А.Н. Будищев, Г.Д. Гребенщиков, Ф.Е. Долидзе, С.Я. Елпатьевский, Б.А. Лазаревский, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Ф.И. Шаляпин, И.С. Шмелев, И.А. Арапов, С.И. Плаксин, П.А. Нилус и др.

Особый интерес вызовут у читателя люди, входившие в число друзей и знакомых писателя, связанные с Пензенским краем: Н.Д. Авксентьев, В.Н. Ладыженский, Ф.В. Гладков, В.П. Ставский, П.П. Арапов, С.Н. Владимирова, О.П. Рунова, Е.А. Макулова, С.А. Мако, Д.П. Святополк-Мирский, Ю.В. Соболев.

Значительную часть материалов в энциклопедии составляют аналитические обзоры по вопросам творчества, изданию сочинений. Отдельные статьи посвящены жанрам купринской прозы: новелле-легенде, эпистолярной новелле, миниатюре, циклу и пр. Важный раздел в ней посвящён характеристике связей Куприна с русской и зарубежной литературой. Они рассмотрены в аспекте усвоения писателем традиций предшественников и влияния на него их творчества (М. Лермонтов в творческом сознании Куприна; А. Пушкин, Л. Толстой, Н. Лесков, Ф. Достоевский, Ч. Диккенс, А. Дюма, К. Гамсун, Д. Лондон и др.).

Крупный раздел составляют статьи о памятных местах, где бывал Куприн: Москва, Петербург, Гатчина, Финляндия, Париж, Югославия, Житомир, Киев, Одесса, Балаклава, Устюжна, Даниловское, Рязанская губерния, Сергиев Посад, Коломна, Кавказ, Наровчат и пр. Нашли освещение вопросы, близкие к пензенскому краеведению: «Наровчат», «Пензенский контекст», «Автобиографическая проза» и др.

В издании обобщен материал об увековечении памяти писателя, памятниках, мемориальных досках, музеях; введены в культурный оборот материалы из музейной практики: о купринских выставках, праздниках, научных конференциях, конкурсах.

Большой раздел посвящен кругу вопросов о различных формах репрезентации купринского наследия – экранизации, театральных постановках, истории преподавания, иллюстрирования купринских произведений, музыкальной интерпретации и т.д.

В состав «Купринской энциклопедии» вошли сведения о трудах отдельных исследователей-куприноведов, включены статьи об истории изданий сочинений Куприна, о периодических изданиях, с которыми писатель сотрудничал постоянно и в которых публиковался в дореволюционной России и в эмиграции («Мир Божий», «Пробуждение», «Возрождение», «Иллюстрированная Россия», «Отечество» и др.).

Важное место в энциклопедии занимают Приложения, которые увеличивает справочную ценность издания. В них даны: хронология жизни и творчества писателя, алфавитный список его произве-

дений, родословная схема, библиография. Здесь впервые предпринята попытка дать наиболее полный список произведений Куприна, выявленных по настоящее время, – в алфавитном порядке с указанием года и места первой публикации. Читатель будет приятно изумлен, насчитав их более 950, среди них более 200 произведений, которые не входили в собрание сочинений писателя и не перепечатывались с 1917–1920-х гг.

Энциклопедию заключает указатель, в котором дана тематическая систематизация всех материалов Купринской энциклопедии. Книга содержит иллюстративный ряд, дающий возможность познакомиться с иконографией Куприна, его литературным окружением и оформлением его книг.

Научно-практическое значение издания заключается в том, что впервые вводятся в научный оборот многие архивные материалы, новые темы, систематизированы сведения, которые могут быть востребованы в дальнейшем изучении творчества Куприна, в комментаторской работе при подготовке полного собрания сочинений. Авторы статей опирались на обширный круг источников, преимущественно не исследованный, произведения Куприна, не издававшиеся в России или не опубликованные до сих пор, в том числе письма писателя и его современников.

«Купринская энциклопедия» является результатом многолетней научной работы не только Татьяны Александровны, но и деятелей науки и культуры Пензы и других городов России, а также зарубежья. Особенно приятно отметить среди участников проекта и наших известных краеведов, членов Региональной общественной организации краеведов Пензенской области и редакционного совета журнала «Пензенское краеведение»: Л.В. Лебедеву, Д.Ю. Мурашова, Г.Е. Горланова, О.В. Сиротина и автора этих строк.

Е.С. Мясоедов

ПРИОБЩЕНИЕ К ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ

В 2016 г. в свет вышло учебно-методическое пособие Г.Е. Горланова и Н.Г. Кузнецовой «Литературное краеведение Пензенского края». Книга настоящий подарок не только для преподавателей и учащихся, но и всех ценителей художественной литературы. Пособие является крайне интересным во многих отношениях. Оно состоит из ряда рассказов повествующих об истории Пензенского края, о различных уникальных культурных явлениях нашего региона.

Необходимо заметить, что при знакомстве с книгой у читателя создается отчетливая картина самобытности нашей Пензенской земли, хранительницы культуры множества народов. Авторы подчеркивают: «Пензенская область, не относящаяся к числу древних, тем не менее, имеет богатые культурные традиции. Они воскрешают имена многих деятелей культуры, ученых и писателей»[1].

Каждая страница этой книги повествует нам о пользе знания культуры Пензенского края. Ни для кого не секрет, что любовь к Родине произрастает от любви к родному краю. «Без этого глубокого патриотического чувства, все накопленные знания осядут мертвым грузом»[2].

Это учебно-методическое пособие, безусловно, является стимулом, способствующим гармоничному и всестороннему развитию личности. В книге представлено буквально изобилие информации, сочетающееся с качественным анализом наиболее значимых художественных произведений писателей, связанных с Пензенской губернией. В книге авторами приводятся слова Леонида Леонова, где он называет краеведов: «… драго-

ценной категорией патриотов». «Тем, кто занимается литературным краеведением, необходимо знать историю родного края»[3]. Это нам ещё раз напоминает о краеведении, как о воспитательной науке, подталкивающей нас сохранять культурные достижения предшествующих лет и приумножать их. Отсюда определяется и цель данной книги, прежде всего, помочь учащимся школ овладеть литературным краеведением. Можно с уверенностью утверждать, что опубликованный материал, пробудит в своих читателях стремление самим включиться в процесс исследований и поисков, что, безусловно, будет способствовать обогащению духовного мира, возникновению глубокого чувства патриотизма.

В завершение хотелось бы сказать, что книга написана прекрасным литературным языком, что собственно является характерной чертой для книг Г.Е. Горланова. Хочется выразить искреннюю сердечную благодарность Г.Е. Горланову и Н.Г. Кузнецовой за подбор и публикацию замечательных материалов, простоту изложения и безграничную любовь к Пензенской земле.

Примечания

1. *Горланов Г.Е., Кузнецова Н.Г.* Литературное краеведение Пензенского края. Пенза, 2016. С. 10.
2. Там же. С. 10
3. Там же. С. 12.

М.С. Полубояров

ПЕНЗЕНЦЫ И ПЕНЗЯКИ

В последние десятилетия в пензенских газетах и на Интернет-страницах я всё чаще замечаю отказ авторами публикаций от употребления слова *пензенец.* Вместо него теперь в моде *пензяк*. В Интернете открыт сайт «Пенза и пензяки в истории России». В 2013 г. вышла книга воспоминаний профессора-литературоведа Кирилла Дмитриевича Вишневского «Пенза и пензяки». Как правильно, пензенец или пензяк? Размышления на эту тему К.Д. Вишневского сводятся к следующему:

«Как зовется, именуется сегодняшний житель Пензы?.. Привычное, по крайней мере, для старожилов Пензы, «пензяк» почему-то превратилось в пензенца. Может быть, речь идет о разных людях? Может быть, кому-то, очень авторитетному деятелю, наименование «пензяк» показалось неприличным… Хотя вот с «пензенкой» справиться не удалось, и осталась она, как и была «пензячкой», ничуть не потеряв своего очарования… Вот я и думаю, что речь идет о разных людях. Пензяк – это тот, кто здесь живет. Пензенец – это тот, кто здесь квартирует… Пензяк трепетно любит землю своих предков… Пензяк хранит память своих предков… Пензенец, конечно, ведь тоже неплохой человек. Но он живет как будто в безвоздушном пространстве. Ему все, как нынче говорят, «до лампочки», кроме одного: «А если мне надо?» И идет на красный свет!»

Рассуждения профессора, даны с долей юмора, как бы не вполне серьезны. Слова о том, что пензяк – патриот города, а пензенцу всё до лампочки, название пензячка устраивает как «пензяков», так и «пензенцев», были бы наивны, если бы в них не заключалась добрая порция шутки.

Если говорить серьезно, то и пензячка не блестящее изобретение устной речи. Более уместно и красиво звучит «жительница Пензы», или «жительница Пензенской области». Не стоит острить по этому поводу, в России и мире огромное число населенных пунктов, прекрасную половину которых невозможно назвать без пояснительного дополнения «жительница» и его синонимов. Попробуйте поэкспериментировать, как бы вы назвали одним словом жительницу русского города Серафимовичи, американского Нью-Йорка, олимпийского Рио де Жанейро или наших землячек из Сосновоборска, Вадинска, Шемышейка, Башмаково и т.д., и вы поймете, о чем речь. Городов и сёл с трудно-произносимыми названиями жительниц бесчисленное множество.

Не прав Кирилл Дмитриевич, не признавая и законных прав за словом пензенец. Я прочел в архивах сотни, если не тысячи, документов XVII–XVIII вв. и ни в одном не встретил слова *пензяк*. Только *пензенец*! Название относилось к любому жителю города и Пензенского уезда, за исключением крепостных крестьян. «Пензенец Василей Васильев сын Кадышев в скаске сказал…» и т.п. В опубликованных мною в Интернете отказных книгах о раздаче земель служилым людям слово «пензенец» со всеми его падежными окончаниями встречается

175 раз. Пензяк – ни разу! Как говорил герой популярного телефильма «С легким паром», «это документ, между прочим». Желающие могут перепроверить на сайте www.suslony.ru в разделе «Отказные книги Пензенского края».

Откроем словарь В.И. Даля. В статье «Узнавать» найдем поговорку: «*Пензенцы* в Москве свою ворону узнали»[1]. Неизвестно, когда Даль вписал слово «пензенцы» в текст Словаря. Он работал над словарем 53 года, начиная с 1819 г. Далее хронологически следуют «Записки» Ф.Ф. Вигеля. Работа над ними продолжалась с 1830 по 1840 гг. Десятки страниц посвящены Пензенской губернии. Один раз упомянуты *пензенцы*,[2] пензяки ни разу. Между тем слова с корнем *пенз-* встречаются у Вигеля 110 раз.

Мой вывод такой. Название *пензяк* в широком, общеупотребительном обращении возникло двумя столетиями позже, когда в моду вошла демократическая литература и в неё в качестве главных персонажей хлынули прототипы из простого народа. Предположительно, первым его произнес крупный петербургский чиновник, уроженец г. Пензы В.А. Инсарский. В его обширных воспоминаниях (1875 г.) обнаружилось название *пензяк*, но всего в четырёх случаях. Мемуарист редко употреблял его и, если прибегал, то, как правило, в отношении компании хороших знакомых, и уж во всяком случае не жителей всего города, тем более губернии. Мемуарист явно предпочитал названия «пензенское общество», «пензенские граждане», «пензенское дворянство», «пензенское купечество», «пензенская аристократия»[3].

По-настоящему «прославили» название *пензяк* писатели с сатирическим уклоном, дабы уязвить провинциальную леность, глупость, нечистоплотность и подобострастие. М.Е. Салтыков-Щедрин (1880 г.): «…Везде в России, везде, где жил человек, – везде пахло. Потому что везде было изобилие… Ещё очень недавно, в Пензе, хозяйственные купцы не очищали ретирад [нужники. – *М.П.*], а содержали для этой цели на дворах свиней. А в Петербурге этих свиней ели… На днях получаю письмо из Пензы… «Спешу поделиться с вами радостной весточкой.., и мы, *пензяки*, начали очищать нечистоты не с помощью свиней, а на законном основании»[4].

Н.С. Лесков: «Через Тамбовскую губернию орловцы с *пензяками* перекликались: *пензяки* хвалились орловцам, а орловцы *пензякам* – какие молодецкие у них водворились правители», один другого жесточе. И жители тем самым возвышали свое преимущество[5]. В том и другом примере очевиден сатирический подтекст.

Мастер устной речи, прекрасный оратор и знаток местной истории Георг Васильевич Мясников в семидесятые годы XX в., действительно, нередко одергивал тех, кто употреблял слово *пензяк*. Но никому и не запрещал. Правильно, говорил он, *пензенцы*.

Теперь для меня, например, очевидно, снижение общей культуры населения не только Пензенской области. Тем не менее, представители молодежной субкультуры ёрничают по поводу широкого использования слова *пензяк*. В одной из песен актера и музыканта Павла Воли есть такие слова:

Не путайте Пензу с Пермью –
мы не земляки,
И правильно будет пензенцы,
а не пензюки!

Я не поклонник музыкальной стилистики Павла Воли и его текстов, но могу подтвердить: за пределами Пензенского края часто посмеиваются над пензенцами, восклицая при встрече: «А-а, пензюки!» Мне такое обращение не нравится, оно унижает.

Речь идет не о личной вещи, которая нравится или нет. Судить о качестве слова следует профессионально, руководствуясь нормами русского языка.

Строго говоря, правила грамматики допускают как первое, так и второе название жителей города Пензы[6]. В одной из книг известного писателя Бориса Полевого, написанной в середине XX в., конс-

татируется: «*Пензенец* с тем же усердием будет водить приезжего по своему городу». Его жители гордятся им. «У *пензяков*… черта эта даже обострена», отмечал Б. Полевой, избиравшийся в Пензе депутатом Верховного Совета[7].

Названия-синонимы *пензенец* и *пензяк* в приведенных примерах из письменной речи отличаются самой малостью, суффиксами. Суффиксы, как известно лингвистам, обладают, кроме всего прочего, оценочной семантикой, способной менять субъективно-оценочный смысл всего слова. В существительных суффикс *-енец* сохраняет нейтральную окраску: *беженец, уроженец, младенец, первенец, мечкладенец*. Он применяется в названиях жителей населенных мест (*-енец/-инец*): *пензенец (*на слух: *пензинец), иссинец, малосердобинец, тамалинец, бакинец, кабардинец, кубинец*.

Иную экспрессивную окраску имеет суффикс *-ак/-як*. Так как очень большое количество слов, образованных с его помощью от производящих основ, имеет пренебрежительно-уничижительный и даже ругательный смысл: *пошляк, свежак (труп), трояк, австрияк, сопляк, дурак (то же на букву «м…»), чувак, вахлак, слизняк*.

В принципе и название *пензячка* не воспринимается как негативно окрашенное. Его употребление в художественной, публицистической и устной речи более уместно, по сравнению с *пензяком*. В деловой – нельзя. Дело в том, что суффикс *- чк* – чаще всего выполняет эмоционально-экспрессивную функцию, несовместимую с официально-деловым этикетом. Оно придает существительным ласкательно-уменьшительный смысл: *девочка, внучка, кошечка, пшеничка*; в личных именах: *Ванечка, Валечка, Верочка, Шурочка*. Используется в названиях профессий: *рыбачка, прачка* (от общеслав. и древнерус. *пьрати* – «стирать, мыть»), *циркачка*, *историчка* (учительница), *горнячка* (работница шахты). Редко – в названиях жительниц населенных пунктов и областей, когда не подходят более распространенные суффиксы: *тулячка, пермячка, сибирячка, пензячка*. Уничижительного смысла в суффиксе *- чк* – меньше, чем в слове пензяк, но иногда попадается, например, в словах *вахлачка, дамочка, дурочка*, *соплячка,* или когда говорят о неприятных вещах и людях, имеющих те или иные недостатки: *болячка, толстячка, босячка, кулачка, мерзлячка.*

По телевизору нам часто представляют прославившихся людей. И мне не приходилось слышать, чтобы дикторы говорили: «историчка из подмосковной школы», «циркачка из пензенского цирка», «пензяк Кирилл Вишневский». Они скажут: «учительница из подмосковной школы», «артистка пензенского цирка», «Кирилл Вишневский из Пензы», и не беда, если прозвучит «пензенец Кирилл Вишневский».

Поэтому оставим обращение *пензяк* тесным компаниям близких людей, состоящих из уроженцев города, или приезжих, где можно вести себя запанибрата. Всему свое место. Не переименовывать же в конце концов Пензенскую область в Пензяцкую…

Примечания

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. СПб.-М., 1882. С. 479.

2. *Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 2000. С. 95.

3. Антология. Пензенский край в мемуарах, художественной литературе и исследованиях. Составитель И.С. Шишкин. М., 2016. Кн. 6. С. 49–102; Кн. 7. С. 75–137.

4. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. в 20 томах. М., 1965. Т. 14. С. 139–140.

5. *Лесков Н.С.* Собр. соч. в 12 томах. М., 1989. Т. 7. С. 428.

6. *Городецкая И.Л., Левашов Е.А.* Русские названия жителей. Словарь-справочник. М., 2003.

7. *Полевой Б.* Близко и далеко. (Новые дневники). М., 1960.

КОНФЕРЕНЦИИ

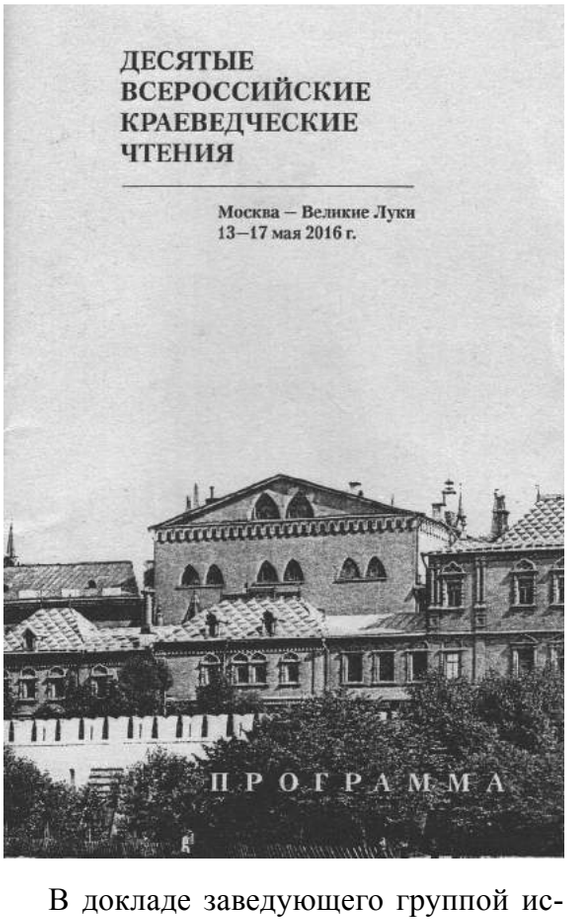
Г.А. Мельничук, Н.В. Степанова

ДЕСЯТЫЕ ВСЕРОССИЙСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Юбилейные Десятые Всероссийские краеведческие чтения прошли 13–17 мая 2016 г. в Москве, подмосковной Верее и в г. Великие Луки (Псковская область).

По сложившейся традиции открытие чтений состоялось 13 мая 2016 г. в Историко-архивном институте РГГУ, на которые прибыли исследователи не только крупных городов, но и районных центров и сельских поселений. С приветственным словом к участникам чтений обратился зам. руководителя Департамента культурного наследия города Москвы – главный археолог города Москвы к.и.н. Л.В. Кондрашёв. Председатель Союза краеведов России и Московского краеведческого общества, зав. кафедрой региональной истории и краеведения ИАИ РГГУ к.и.н., проф. В.Ф. Козлов сделал обзор деятельности работы краеведов начиная с 1989 г., с того времени как началась активная работа по организации краеведов страны. Отмечено, что научную основу краеведческому движению заложил первый её председатель С.О. Шмидт (1922–2013).

«Всероссийские краеведческие чтения – ежегодный главный форум Союза краеведов России: опыт десяти лет» тема доклада первого заместителя председателя Союза краеведов России и Московского краеведческого общества к.и.н., доц. А.Г. Смирновой, отметившей, что это уникальное мероприятие в историко-краеведческом движении России.



В докладе заведующего группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки (РНБ) к.и.н. А.И. Раздорского «Российская региональная энциклопедистика: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития» был представлен краткий исторический обзор развития отечественной региональной энциклопедистики с момента её зарождения в конце 1920-х гг. до настоящего времени, дана количественная, хронологическая,

географическая и типологическая характеристика имеющегося комплекса региональных энциклопедий России, общее количество которых приближается к 700, а также представлена информация о созданном на сайте РНБ разделе «Региональные энциклопедии России», который, в свою очередь, можно считать рабочей площадкой для создания в будущем электронной энциклопедии российских регионов «Вся Россия».

Зав. кафедрой истории, археологии и краеведения Владимирского госуниверситета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых д.и.н., проф. А.К. Тихонов рассказал об основных направлениях церковного краеведения во Владимирской области сегодня: изучение истории создания и развития церковных общин и храмов на местах, история монастырей, наиболее известных религиозных деятелей, взаимоотношения государства и церкви на протяжении всей истории, проблемы вовлечения различных категорий населения в деятельность по изучению истории церкви.

Старший научный сотрудник музея-заповедника «Дмитровский кремль» к.п.н. Н.В. Табунова в докладе «100 лет Дмитровскому клубу краеведов. Содружество неравнодушных» кратко представила историю Дмитровского общества краеведов, созданного в октябре 1916 г. при Дмитровской земской управе.

О направлениях и формах совместной деятельности Омского государственного историко-краеведческого музея и местного отделения Союза краеведов России в связи с 300-летним юбилеем Омска, рассказал директор музея, заместитель председателя Союза краеведов России д.и.н. П.П. Вибе.

В первый день работы чтений прошли заседания секций: «Краеведение и краеведческое движение: история и современность» (руководители: Т.В. Вересова, г. Москва; Л.А. Штавдакер, г. Ростов-на-Дону); «Подвижники краеведения Роль выдающихся деятелей в истории края» (руководители: к.и.н., доц. И.А. Новиков, г. Челябинск; д.и.н., проф. Э.Л. Дубман, г. Самара); «Архивы и краеведческие исследования. Выявление и использование новых документальных источников для изучения истории и культуры края» (руководители: В.И. Вегерин, г. Константиновск Ростовская обл.; Т.В. Санакина, г. Архангельск); «Современные краеведческие исследования: церковное краеведение, усадьбоведение, городоведение, военно-историческое краеведение» (руководители: д.и.н., проф. Э.Г. Истомина; Е.В. Морозов, г. Москва); «Москвоведение. Изучение истории культуры Московского края» (руководители: С.И. Ярославцева; к.м.н. В.В. Португалова, г. Москва); «Крымоведение. Исследование истории и культуры Крыма» (руководитель: А.В. Гаврелюк, г. Москва); «Преподавание краеведения в вузах. Краеведение и детско-юношеский туризм. Краеведческая периодика и электронные ресурсы» (руководитель: д.и.н., проф. В.И. Первушкин, г. Пенза).

В московской части конференции было заслушано и обсуждено более 80 докладов.

Второй день чтений работа проходила в г. Верея – это самый маленький город Московской области расположенный в ста километрах от столицы, с населением чуть более пяти тысяч человек, в то же время носящий почетное звание «Населенный пункт воинской доблести».

Участников Чтений приветствовали: глава городского поселения В.Л. Анисимов, председатель Союза краеведов России профессор В.Ф. Козлов. «Малые исторические города Подмосковья: содержание и особенности исследовательской проблематики» – тема обстоятельного доклада главного научного сотрудника Института российской истории д.и.н., проф. Э.Г. Истоминой. Директор музея Ю.В. Комаровский на примере Вереи рассказал о проблемах изучения, сохранения и популяризации исторического города, о

привлечении в город туристов различных социальных слоёв. Ведущий научный сотрудник того же музея А.В. Печурова рассказала о трудностях возникающих в работе, отметив, что хотя Верея включена в перечень малых исторических городов Подмосковья и в ней свыше 50 памятников истории и архитектуры, в том числе 17 федерального значения, но практически реставрация всех памятников проходит за счет средств спонсоров. Также прозвучали доклады О.Ю. Комаровской и А.Г. Смирновой, связанные с историко-краеведческими аспектами Верейского края. Председатель Межрегиональной общественной организации «Романовский посад» Ю.В. Стародубов кратко охарактеризовал ситуацию с сохранением историко-культурного наследия в ярославском г. Тутаеве (бывшем Романове-Борисоглебске). О 30-летней деятельности краеведческого клуба «Отечество» в историческом городе Александрове (Владимирская обл.) по изучению и сохранению историко-культурного и природного наследия Александровского края рассказал заместитель директора Александровского художественного музея В.Н. Ревякин. Краевед О.Н. Петровская поделилась мыслями о малой родине городском поселении – Невеле, назвав своё выступление «Город, которого нет: проблемы потери статуса и архитектурного облика города северо-запада России».

Большая выездная часть Чтений проходила 16–17 мая 2016 г. на Псковщине и была приурочена к юбилею Великих Лук, которые отметили 850-летие с момента первого летописного упоминания. В организации и проведении Великолукской части чтений значительную роль сыграла администрация г. Великие Луки, Великолукская государственная академия физической культуры и спорта (ВЛГАФК), а также руководитель местного краеведческого общества проф. Г.Т. Трофимова, декан факультета, к.и.н., доц. Д.А. Белюков, руководитель Псковского отделения Союза краеведов России Т.В. Вересова. В великолукской части Чтений приняли участие более пятидесяти исследователей из 12 субъектов Российской Федерации: Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Пензы, Челябинска, Воронежа, Ростова-на-Дону, Владимира, Архангельска, Можайска (Московская область), Псковской и Тверской областей; а также Витебска (Республика Беларусь). Псковская область была представлена краеведами Пскова, Новосокольников, Бежаниц, Пустошки, Струг Красных и Великих Лук.

Открывая великолукскую часть чтений, проходившую в Центре эстетического воспитания, глава г. Великие Луки С.Н. Агарев, отметил, что жители очень любят свой город, готовятся к юбилею, и им очень интересно узнать что-то новое о Великих Луках из работ специалистов из разных мест страны. Председатель комитета культуры администрации Великих Лук В.И. Зандер, подчеркнула, что руководство города уделяет много внимания развитию краеведения. Ректор ВЛГАФК к.п.н., доц. В.Н. Шляхтов, приветствуя участников десятых Всероссийских чтений, сказал, что это мероприятие стало заметным событием в культурной жизни Великих Лук и Псковской области. Председатель Союза краеведов России проф. В.Ф. Козлов, выступая перед участниками чтений, сказал, что юбилей – это всегда импульс к развитию города, к осознанию своего места в истории России, и в этом процессе большая роль отводится именно таким общественным объединениям, занимающимся изучением родного края. Зам. председателя Союза краеведов России доц. А.Г. Смирнова рассказала о развитии краеведения в стране начиная с 1990-х годов, и современных задачах российских краеведов. «Великолукское краеведение: история и современность» – сообщение декана социально-гуманитарного факультета ВЛГАФК к.и.н., доц. Д.А. Белюкова. О формах и работах краеведческих объ-

единений Псковский области проинформировала председатель Псковского регионального отделения Союза краеведов России Т.В. Вересова. Главный редактор литературно-художественного и историко-краеведческого журнала «Московский журнал» – ведущего периодического краеведческого издания в стране А.Ф. Грушина, проанализировала статьи по военной истории, увидевшие свет на его страницах с 1991 по 2016 гг. Один из наиболее активных деятелей Можайского краеведческого общества М.М. Декханов поделился опытом по выявлению и изучению памятников фортификации периода Великой Отечественной войны на территории 36-го Можайского укрепрайона. О туристско-краеведческом движении Российской Федерации «Отечество» и деятельности Федерального центра детско-юношеского туризма и краеведения рассказал начальник отдела Центра, член Совета Союза краеведов России к.п.н. А.Г. Озеров.

На секционных заседаниях: «Краеведение Великих Лук: современное состояние, основные направление исследований» (руководители: к.ф.н., проф. Г.Т. Трофимова, г. Великие Луки Псковская обл.; к.и.н., доц. И.А. Новиков, г. Челябинск)»; «Краеведческое изучение Псковской земли: церковное краеведение, усадьбоведение, городоведение, этнокультурные и социокультурные исследования, персоналии краеведов» (руководители: Т.В. Вересова, г. Москва; А.И. Фёдоров, пгт. Струги Красные Псковская обл.); «Архивные материалы и краеведческие исследования Псковского края. Краеведение сопредельных территорий» (руководители: В.П. Волкова, г. Псков; Н.А. Лопатина, г. Великие Луки Псковская обл.). Был, затронут и обсуждён широчайший спектр историко-краеведческих вопросов Псковского и Великолукского краёв, а также сопредельных территорий.

Итоговое пленарное заседание, проходившее в Центральной городской библиотеке им. М.И. Семевского, подытожило результаты Чтений и прошло как заседание по обмену краеведческим опытом. Выступили представители делегаций из разных регионов. Прозвучали доклады: д.и.н., проф. А.К. Тихонова «Владимирское краеведение сегодня», где дана развёрнутая характеристика краеведения во всех 16 районах области; д.и.н., проф. В.И. Первушкина «Региональная общественная организация краеведов Пензенской области – модель местного краеведческого объединения в начале XXI в.»; председателя Воронежского историко-культурного общества к.и.н., проф. А.Н. Акиньшина о деятельности воронежских краеведов. Два доклада – к.и.н., доц. Челябинского государственного педагогического университета И.А. Новикова («Современные краеведческие конференции в Челябинске и Челябинской области») и главного библиографа-краеведа Донской государственной публичной библиотеки Л.А. Штавдакер («Современные краеведческие конференции в Ростове-на-Дону и Ростовской области») – посвящались теме организации и проведения местных краеведческих форумов.

Великолукской краеведческой тематике уделили в своих докладах внимание к.и.н., проф. В.Ф. Козлов, сообщивший о документах Великолукской и Торопецкой епархии 1940–1950-х гг., хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации), и к.ф.н., проф. Г.Т. Трофимова (г. Великие Луки Псковская обл.) на основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов, рассказала об Александре Николаевиче Малышеве (?-1928), отце первого Наркома танковой промышленности СССР Вячеслава Александровиче Малышева (1902–1957). Опытом вузовского краеведческого образования и организации краеведческих практик поделился представитель Республики Беларусь, доц. кафедры истории Беларуси Витебского государственного университета им. П.М. Машерова к.и.н. Н.В. Пивовар.

Т.А. Кайманова

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСКУРСИИ

Назначение методики – помочь экскурсоводу провести экскурсию, а экскурсантам – получить наиболее полное представление об объекте, содействовать прочному усвоению содержания экскурсии. Соблюдение методики позволяет экскурсоводу обеспечить устойчивый интерес и внимание к материалу экскурсии.

Требования, предъявляемые экскурсионной методикой к проведению экскурсии: первичность показа над рассказом; сочетание рассказа с показом; выбор наиболее эффективных методических приемов; обеспечение непрерывности экскурсии как процесса усвоения знаний; обеспечение внимания к теме на всем протяжении экскурсии. Но непрерывность экскурсии как процесса усвоения знаний не следует отождествлять с непрерывностью рассказа на экскурсии. Непрерывный рассказ, как показывает практика ведения экскурсии, недопустим. Паузы в экскурсии необходимы, так как дают возможность подумать об услышанном, сравнить наблюдаемый объект с ранее виденным, запечатлеть информацию в памяти и подготовиться к очередному показу и рассказу.

Методические приемы проведения экскурсии – это те или иные способы раскрытия темы и подачи экскурсионного материала. Основные приемы проведения экскурсии можно классифицировать следующим образом: приемы показа, приемы рассказа, особые приемы. Выбор методических приемов зависит: от вида экскурсии; от состава участников; от познавательной ценности экскурсионных объектов; от степени их сохранности; от способа передвижения и др.

Рассмотрим основные приемы показа экскурсионного объекта.

1. *Прием предварительного осмотра* – это начало наблюдения

объекта, когда экскурсовод только приглашает посмотреть на объект и определяет сущность объекта, сопровождая показ распространенной фразой: «Перед вами памятник, установленный к 200-летию со дня рождения поэта» или «Посмотрите на старинное здание постройки XVIII в. в стиле классицизма – это дом губернатора» и т.п. Прием дает возможность экскурсантам сориентироваться в пространстве для восприятия экскурсионного объекта в его историческом и ландшафтном окружении: «Мы находимся на самой старой площади города, бывшей Воеводской, или Верхней, позже Соборной, на которой располагалась крепость и главный храм и где до настоящего времени сохранились памятники трех веков – архитектурные, исторические, литературные».

Предварительный осмотр объекта происходит без детализации: экскурсанты наблюдают объект-здание и воспринимают его как старинный дом определенной эпохи, определенного архитектурного стиля – без зрительного анализа. Это

подготовка к наблюдению, знакомство с внешним видом. Прием осмотра объекта предваряет рассказ и продолжается 1–2 мин. Во время предварительного осмотра экскурсанты смотрят на объект, но это еще не значит, что они его видят – в памяти экскурсантов остается только общее зрительное пятно. Чтобы сделать объект запоминающимся, сформировать зрительный образ объекта с его индивидуальными особенностями, нужно от пассивной демонстрации перейти к более глубокому изучению объекта с использованием такого приема, как зрительный анализ.

2. Экскурсионный (зрительный) анализ – это прием показа, с помощью которого происходит детальное наблюдение экскурсионного объекта или его отдельных частей с целью более глубокого изучения их свойств.

Зрительный анализ позволяет рассмотреть признаки предмета, которые служат основой для раскрытия темы или отдельного вопроса экскурсии. Например, чтобы показать в экскурсии такой объект, как здание губернаторского дома, экскурсовод после предварительного осмотра обращает внимание экскурсантов на то, что рустовка нижнего этажа придает административному зданию солидность и прочность, а пилястры – нарядность и торжественность. Крупномасштабное здание филармонии выполнено не в традиционной прямоугольной, но в округлой форме и напоминает музыкальную шкатулку, а вертикальные линии декора ассоциируются в воображении с трубами органа и фортепьянными клавишами музыкальных инструментов. Все это заметят экскурсанты, если только экскурсоводом будет применен такой прием, как зрительный анализ, который прививает экскурсантам умение видеть и воспринимать окружающую нас действительность.

Экскурсионный зрительный анализ объекта может осуществляться через выделение объекта из окружающей среды и установление связи объекта с содержанием экскурсии. Экскурсовод должен учиться этому приему и уметь видеть объект, например здание, как историко-культурный памятник. Для этого в первую очередь нужно научиться внимательно осматривать здание: определить его этажность, материал, из которого он сделан, посмотреть на завершение (купол, аттик), антаблемент (фриз, карниз), фасад и его декор (есть ли членение пилястрами, лопатками), декор окон и пр.

Фрагмент декора дома № 21, ул. Московская

Экскурсоводческая практика
Зрительный анализ
памятника архитектуры

Дом № 21 на улице Московской предназначался под аптеку, и владелец отразил функциональную принадлежность мотивами лепных украшений − в декоре фасада щедро использована медицинская символика. Лепной декор усиливает четкость архитектурных членений вытянутого по горизонтали фасада с рустовкой нижнего этажа. Определенный ритм создают колонны, обрамляющие окна. По бокам фасад завершается двумя щипцами, дополненными окружностями. Внутри щипцов символическое изображение посоха, обвитого змеей. Маскарон в цветочном орнаменте является символическим изображением Асклепия, мифологического врача и покровителя медицины. На втором этаже парные крылатые львы (грифоны, фантастические крылатые чу-

довища с хвостами) поддерживают лапами маленькие многофигурные боковые окна в цветочных гирляндах.

* * *

Различают следующие виды экскурсионного зрительного анализа: искусствоведческий; исторический; естественно-научный.

Искусствоведческий анализ используется как прием показа произведений искусства, архитектуры и имеет целью выявление идеи произведения искусства, замысла автора, объяснение средств и приемов создания художественного образа. Если обычный зрительный анализ нацелен на привлечение внимания к элементам, деталям объекта, то искусствоведческий анализ объясняет, как художественная форма зависит от содержания, почему и зачем использованы именно такие формы, декор, материал и пр. Прием направлен на выявление в объекте художественных достоинств, оригинальности авторского решения, выразительности, метафоричности.

Прием искусствоведческого анализа находится в прямой зависимости от вида искусства и эффективен при проведении архитектурных, искусствоведческих экскурсий, хотя его элементы должны присутствовать и в других экскурсиях при показе выразительных объектов.

Здание бывшего Крестьянского поземельного банка, ныне Пензенской картинной галереи

Экскурсоводческая практика
Зрительный анализ
памятника архитектуры

Здание картинной галереи воспринимается как драгоценная брошь на простом платье города. Оно строилось в 1912 г. под поземельный банк по проекту петербургского архитектора А.И. фон Гогена. Сооружение является образцом модерна и отличается усложненной объемной композицией с башнями разных форм и размеров, пышным декором фасада. Интерьер выполнен преподавателем пензенской рисовальной школы К.А. Клодтом и включает камины, лепную отделку стен и пр.

За всю историю здание бывшего поземельного банка не избежало перестроек, но главный фасад почти не тронут. При ремонте крыши черепичное покрытие заменено железом, что изменило облик, так как оранжево-красная черепица играла главную роль в цветовом решении объекта. Строившееся под банк здание похоже на средневековый рыцарский замок, крепость с высокой башней. Не случайно в дни белочешского мятежа 1918 г. башня использовалась для боя, с нее вели пулеметный огонь. Боковая пристройка правого крыла здания, играющая роль не сильно выдающегося ризалита, заканчивается типичным готическим щипцом. Архитектор строил не копию рыцарского замка, а банк, поэтому здание было приспособлено для хранения ценностей и ведения финансовых операций.

Дом интересен своим декоративным убранством, тематика которого перекликается с назначением здания и прежним названием учреждения. Чтобы выявить эту особенность, экскурсовод прибегает к приему искусствоведческого анализа. Нижний цокольный этаж рустован квадратами серого камня, что придает выражение спокойной мощи и надежности всему зданию. Самый интересный элемент здания – четырехгранная трехъярусная башня, завершенная куполом. Башня

покоится на четырех мощных арках, составляющих типичный многогранный готический свод. Три полукруглые арки снаружи отделаны серым камнем, поэтому издалека кажется, что и арки, и цокольный этаж целиком сложены из камня. Через четвертый арочный пролет башни идет центральный вход в здание. Сама башня едва заметно сужается кверху, что вызывает ощущение большей высоты башни.

Над нижним этажом второго яруса башни идет ряд из восьми темно-синих глазурованных квадратных керамических плиток. Над плитками расположено окно, набранное из 15 небольших квадратных стекол (пять рядов в ширину, три ряда в высоту). Такие окна, набранные из небольших кусков стекла, были характерны для средневековой европейской архитектуры.

Над верхними окнами второго яруса башни расположены украшения из керамических плиток: по голубому фону в центре круга сиреневого цвета помещено изображение цветка с 16 лепестками; по бокам цветка расположены две изогнутые ветви зеленого цвета. Форма ветвей, напоминающих геральдические перья птиц, характерна для средневековых орнаментов.

Венчает башню четырехгранный купол, напоминающий крыши древних русских теремов. Купол словно покоится на четырех треугольниках, украшенных глазурованной плиткой. Внутри треугольников картина голубого неба, усыпанного желтыми звездами. В центре поднимается желтое солнце с девятью лучами бело-голубого цвета. Над центральным солнечным лучом изображена луна желтого цвета.

Интересна боковая правая пристройка, которая заканчивается готическим щипцом. В центре щипца три узких, вытянутых вверх окна-бойницы, обрамленные двумя гирляндами-елочками, выложенными из девяти расположенных друг над другом острыми концами вверх треугольных желтых плиток, которые, в свою очередь, завершаются квадратами из девяти плиток желтого цвета. Над тремя окнами на светло-сиреневом фоне глазурованной плитки размещен цветочно-растительный орнамент.

В процессе показа экскурсовод, раскрывая качества и свойства наблюдаемого объекта, помогает экскурсантам видеть, наблюдать, изучать и делает явным то, что незаметно при первом взгляде на архитектурный памятник: тематика декора здания (солнце, луна, звездное небо, цветы и другие растения) непосредственно связана с его функциональным предназначением и соответствовала названию Крестьянского земельного банка. Таким образом, экскурсовод направляет деятельность экскурсантов на извлечение зрительной информации из объекта.

* * *

Исторический анализ позволяет выявить в экскурсионном объекте черты, характерные для определенной эпохи, освещая при этом связь объекта с историческими событиями. Исторический анализ строится на хронологическом принципе. Примером использования приема исторического анализа может служить показ дома воеводы (ул. Кирова, д. 17) в городской тематической экскурсии «Пенза времен Державина», оборонительного вала Мокшана в загородной экскурсии «По засечной черте XVII века», Тамбовской заставы в тематической экскурсии «Лермонтов и Пенза: люди и страсти».

Экскурсоводческая практика
Исторический анализ объекта – бывшего дома воеводы

Исторический анализ объекта – здания № 17 на улице Кирова – будет заключаться в том, что под руководством экскурсовода экскурсант зрительно представляет дом как часть дворянской усадьбы с садом и прилегающими многочисленными постройками. В XVIII в. дом был двухэтажный, ограниченный в ширину

Здание бывшей духовной семинарии и земской управы, ныне дом № 17, ул. Кирова

центральным объемом, т.е. существовала только средняя часть современного здания с шестью окнами. После целенаправленного показа и анализа экскурсанты начинают замечать, что фасад здания сохранил исторический декор: рустовку и лопатки, членящие фасад. Участники экскурсии, направляемые квалифицированным показом, приходят к выводу, что усадьба занимала выгодное положение на крутом спуске к реке и что из восточных окон дома открывался прекрасный вид.

Экскурсовод характеризует сохранившийся с 1760-х гг. дом как самое старое каменное гражданское сооружение в Пензе, предназначавшееся под резиденцию воеводы А.А. Всеволожского, которого современники запомнили человеком отважным, деятельным, обладавшим государственным умом. С 1791 по 1797 г. здесь жил вице-губернатор князь И.М. Долгорукий – поэт и мемуарист. Показывая фото большой залы с сохранившейся лепниной, экскурсовод словно раздвигает стены, позволяет экскурсантам заглянуть в покои прежних обитателей, восстанавливает исторические события, происходившие в этом здании. Именно здесь в 1793 г. Долгорукий принимал ученого-путешественника П.С. Палласа; именно здесь родился пензенский театр (И.М. Долгорукий дал в своем доме первые в истории города театральные представления); именно здесь в октябрьские дни 1795 г. написано Долгоруким стихотворение «Камин в Пензе». В тематической экскурсии важна справка о том, что И.М. Долгорукий был знаком с прадедом Лермонтова А.Е. Столыпиным и оставил остроумное свидетельство в мемуарах, что после встречи с ним «ни сердце не разгорелось, ни разум не повредился».

Только под руководством экскурсовода участники экскурсии замечают изменения во внешнем облике памятника XVIII в., узнают о событиях, связанных с ним. О том, что после передачи усадьбы духовному ведомству здесь, уже в духовной семинарии, учились наши земляки: Гавриил Иванович Чернышевский – отец будущего писателя; Василий Осипович Ключевский – будущий историк; Николай Нилович Бурденко – будущий хирург.

Дом в XIX в. был надстроен третьим этажом и завершился аттиком, с обеих сторон сделаны трехэтажные пристройки. С северной стороны на месте конюшен возведен новый корпус. Современный вид здание получило в начале XX в., когда было передано под губернскую земскую управу. В настоящее время в нем размещается гарнизонный госпиталь.

Таким образом, показ на экскурсии, сопровождаемый историческим анализом, позволил выявить изменения, произошедшие в экскурсионном объекте, установить связи между объектом и событиями.

Сведения об авторах

Ананичев Борис Павлович – краевед (г. Москва).

Горбатова Юлия Борисовна – студентка историко-филологического факультета ПГУ, член молодежного отделения Региональной общественной организации краеведов Пензенской области.

Горланов Геннадий Елизарович – д.ф.н., профессор ПГУ, зав. кафедрой литературы и методики её преподавания.

Гришаков Вячеслав Геннадьевич – к.и.н., руководитель Белинского филиала ГАПОУ ПО КТПТП.

Жаринова Елена Евгеньевна – методист ГАОУ ДОД ПензоблСЮТур.

Ильичёв Анатолий Иванович – председатель ветеранской организации НИИ физических измерений г. Пенза.

Кайманова Татьяна Александровна – доцент ПГУ, специалист Пензенского литературного музея.

Кашаев Павел Вячеславович – зам. директора Государственного архива Пензенской области.

Кочетков Валерий Дмитриевич – к.и.н. (г. Владимир)

Мельничук Геннадий Анатольевич – краевед, историк-архивист, член Союза писателей России (г. Москва).

Мурашов Дмитрий Юрьевич – к.и.н., ученый секретарь ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова».

Мясоедов Евгений Сергеевич – студент историко-филологического факультета ПГУ, председатель молодежного отделения Региональной общественной организации краеведов Пензенской области.

Первушкин Владимир Иванович – д.и.н., профессор, председатель Региональной общественной организации краеведов Пензенской области, член всероссийского Совета Союза краеведов России, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Полубояров Михаил Сергеевич – краевед, автор многочисленных работ о Пензенском крае.

Самсонов Владислав Юрьевич – главный редактор газеты «Наша Пенза», член Союза писателей Российской Федерации, член Союза журналистов Российской Федерации, руководитель клуба «Лабиринт».

Соболев Александр Николаевич – краевед, г. Заречный Пензенская область.

Степанова Наталья Владимировна – к.т.н., член Союзов журналистов и краеведов России (г. Москва).

Устимкина Татьяна Владимировна – лектор-экскурсовод Пензенского литературного музея.

Фельдман Павел Артемович – педагог, Заслуженный учитель РФ, Союза журналистов РФ.

Четвертков Николай Васильевич – к.и.н., профессор ПГУ.

Чибис Александр Алексеевич – к.и.н. (г. Чебоксары).

Корректор — М.Л. Савина

К сведению авторов:
С требованиями к оформлению статей для журнала вы можете ознакомиться на сайте Региональной общественной организации краеведов Пензенской области: www.kraeved-pnz.ru.

Подписано к печати 31.10.2016. Формат 60x84/8.
Бумага писчая белая. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 200 экз. Заказ № 31/10.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ИП Соколова А.Ю.:
440600, г. Пенза, ул. Кирова, 49, оф. 3